

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

891.705
S874
v4
1900

A 469622

II
47

Стоюнинъ Владиміръ Яковлевичъ 44/1.

ВЫСШІЙ КУРСЪ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Владиміромъ Стоюнинымъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія
отношеніями отъ 15 Іюня за № 14064 и 6 Іюля 1899 за № 15955
одобрены всѣ сочиненія Владиміра Яковлевича Стоюнина.

ЦѢНА 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
изданіе Книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.
Александринская площадь д. № 5—7.

1900.

Тип. Иовдора Гольдберга Опб.

891.705
5874vy
1900

Тип. Иондора Гольдберга, Екатерин. кан., 94.

Въ третьемъ изданіи Высшій курсъ Русской грамматики является съ значительными измѣненіями и дополненіями. Измѣненія касаются классификаціи грамматическаго матеріала, большая часть котораго уже знакома ученикамъ по элементарному курсу, и сдѣланы по той причинѣ, что *повтореніе* обыкновенно получаетъ интересъ тогда, когда части курса излагаются въ новой комбинаціи; это способствуетъ и самой памяти прочнѣе удержать подробности. Принятая мной классификація даетъ болѣе возможности изложить курсъ въ сжатомъ видѣ, о чемъ я особенно заботился, зная, что на повтореніе грамматики можетъ быть удѣлено очень немного времени въ высшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. Но при этомъ я не измѣнилъ тѣхъ соображеній, которыми руководствовался и при первыхъ изданіяхъ своего труда:

1. Высшій курсъ русской грамматики долженъ быть изложенъ на основаніи практическихъ знаній русскаго и ц. славянскаго языка. Онъ подводитъ уже извѣстные ученику факты подъ общіе законы и слѣд., будучи какъ бы повтореніемъ стараго, въ то же время представляетъ это старое въ новомъ болѣе ясномъ свѣтѣ.

2. Не все изъ практической грам. должно войти въ составъ Высшаго курса: то, что служить только однимъ

простымъ повтореніемъ давно извѣстнаго, будетъ здѣсь занимать лишнее мѣсто, такъ, напр., подробныя таблицы склоненій и спряженій и т. п.; все это займетъ много страницъ, но при изученіи онѣ всегда будутъ пропускаться.

3. Равнымъ образомъ не вдаваться въ подробныя филологическія изслѣдованія, напр. въ ученіи о звукахъ, о корняхъ и т. п.

4. При изложеніи обращаться къ историческому развитію русскаго языка и къ сравненію его съ другими, преимущественно съ тѣми, которые изучаются въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Но, чтобы не затруднять незнакомыхъ съ этими языками, приводить болѣе подробныя сравненія въ особыхъ примѣчаніяхъ.

5. Орфографическую часть, касающуюся собственно не языка, а искусства письма, не вводить въ Высшій курсъ; эта часть должна быть очень хорошо знакома ученику изъ прежнихъ занятій, слѣд. здѣсь была бы излишнимъ повтореніемъ. Впрочемъ, многіе этимологическіе законы сами собою должны объяснять орфографическія правила.

Дополненія относятся къ синтаксической сторонѣ языка; всѣ синтаксическія подробности въ настоящемъ изданіи сгруппированы въ особую главу.

Въ заключеніе повторю то же, что сказалъ уже при второмъ изданіи: задача составить курсъ сколь возможно сжатый и вмѣстѣ полный особенно затрудняла меня и вѣроятно главная причина тѣхъ недостатковъ, которые могутъ быть найдены въ моей книгѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Языки.

	Стр.
Происхожденіе языковъ § 1	1
Раздѣленіе языковъ § 2	7
Славянская семья § 3	12
Русскій языкъ § 4	13
Исторія русской азбуки § 5	14

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Русская фонетика.

Чистые гласные § 6	16
Придыхательные или мягкіе гласные § 7	18
Юсы § 8	19
Глухіе гласные или полугласные § 9	20
Полусогласные или плавные § 10	22
Согласные губные § 11	22
Губная придыхательная § 12	23
Родство губныхъ съ плавными § 13	24
Благозвучіе плавныхъ л и н § 14	24
Согласные гортанные, язычные и зубные § 15	25
Согласные придыхательные или шипящіе § 16	26
Сочетаніе звуковъ § 17	28

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Словообразованіе.

Какъ составляются названія предметовъ и явленій § 18	31
Эпитеты § 19	42
Части рѣчи § 20	48

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Словопроизведеніе.

Принадлежности знаменательнаго слова § 21	52
Служебныя слова § 22	53
Основныя формы именъ § 23	60

	Стр.
Основная форма глагола § 24	62
Переходъ глагола въ прилагательныя § 25	63
Переходъ существительныхъ въ прилагательныя § 26	70
Переходъ нарѣчій въ прилагательныя § 27	74
Имя лицъ § 28	74
Имя дѣйствія § 29	77
Имя орудія § 30	78
Имена отвлеченныхъ понятій § 31	78
Имя мѣста § 32	79
Имена уменьшительныя § 33	79
Имена увеличительныя § 34	84
Формы сравненія § 35	85
Производство залоговъ § 36	88
Виды глагола § 37	90

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Слова составныя.

Съ приставками § 38	95
Сложныя § 39	101

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Словоизмѣненіе.

Падежи § 40	104
Особенности склоненій § 41	107
Остатки старыхъ падежныхъ формъ § 42	110
Собирательныя формы § 43	111
Склоненія мѣстоименныя § 44	112
Спряжение § 45	114

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Словосочетаніе.

Связь языка съ духовною дѣятельностью § 46	120
Выраженіе чувства § 47	121
Неполное предложеніе § 48	122
Полныя предложенія § 49	123
Сокращенныя формы предложенія § 50	125
Формы сказуемаго § 51	126
Формы подлежащаго въ связи съ сказуемыми § 52	130
Предложенія отрицательныя § 53	131
Неопредѣленное наклоненіе съ дательнымъ падежомъ § 54	133
Вопросительныя предложенія § 55	135

	Стр.
Предложенія желательныя, условныя, повелительныя § 56	136
Подчиненіе словъ § 57	138
Выраженіе обстоятельствъ § 58	143
Употребленіе предлоговъ § 59	144
Выраженіе времени § 60	151
Опредѣленія § 61	154
Опредѣленіе состоянія § 62	158
Видоизмѣненіе предложеній § 63	159
Слитныя предложенія § 64	161
Сложныя предложенія § 65	163
Союзы § 66	164
Придаточныя предложенія § 67	167
Употребленіе дѣепричастія § 68	175
Опущеніе союзовъ § 69	177
Вводныя предложенія и слова § 70	178

II
1831
1830
1829
1828
1827
1826
1825
1824
1823
1822
1821
1820
1819
1818
1817
1816
1815
1814
1813
1812
1811
1810
1809
1808
1807
1806
1805
1804
1803
1802
1801
1800
1799
1798
1797
1796
1795
1794
1793
1792
1791
1790
1789
1788
1787
1786
1785
1784
1783
1782
1781
1780
1779
1778
1777
1776
1775
1774
1773
1772
1771
1770
1769
1768
1767
1766
1765
1764
1763
1762
1761
1760
1759
1758
1757
1756
1755
1754
1753
1752
1751
1750
1749
1748
1747
1746
1745
1744
1743
1742
1741
1740
1739
1738
1737
1736
1735
1734
1733
1732
1731
1730
1729
1728
1727
1726
1725
1724
1723
1722
1721
1720
1719
1718
1717
1716
1715
1714
1713
1712
1711
1710
1709
1708
1707
1706
1705
1704
1703
1702
1701
1700
1699
1698
1697
1696
1695
1694
1693
1692
1691
1690
1689
1688
1687
1686
1685
1684
1683
1682
1681
1680
1679
1678
1677
1676
1675
1674
1673
1672
1671
1670
1669
1668
1667
1666
1665
1664
1663
1662
1661
1660
1659
1658
1657
1656
1655
1654
1653
1652
1651
1650
1649
1648
1647
1646
1645
1644
1643
1642
1641
1640
1639
1638
1637
1636
1635
1634
1633
1632
1631
1630
1629
1628
1627
1626
1625
1624
1623
1622
1621
1620
1619
1618
1617
1616
1615
1614
1613
1612
1611
1610
1609
1608
1607
1606
1605
1604
1603
1602
1601
1600
1599
1598
1597
1596
1595
1594
1593
1592
1591
1590
1589
1588
1587
1586
1585
1584
1583
1582
1581
1580
1579
1578
1577
1576
1575
1574
1573
1572
1571
1570
1569
1568
1567
1566
1565
1564
1563
1562
1561
1560
1559
1558
1557
1556
1555
1554
1553
1552
1551
1550
1549
1548
1547
1546
1545
1544
1543
1542
1541
1540
1539
1538
1537
1536
1535
1534
1533
1532
1531
1530
1529
1528
1527
1526
1525
1524
1523
1522
1521
1520
1519
1518
1517
1516
1515
1514
1513
1512
1511
1510
1509
1508
1507
1506
1505
1504
1503
1502
1501
1500
1499
1498
1497
1496
1495
1494
1493
1492
1491
1490
1489
1488
1487
1486
1485
1484
1483
1482
1481
1480
1479
1478
1477
1476
1475
1474
1473
1472
1471
1470
1469
1468
1467
1466
1465
1464
1463
1462
1461
1460
1459
1458
1457
1456
1455
1454
1453
1452
1451
1450
1449
1448
1447
1446
1445
1444
1443
1442
1441
1440
1439
1438
1437
1436
1435
1434
1433
1432
1431
1430
1429
1428
1427
1426
1425
1424
1423
1422
1421
1420
1419
1418
1417
1416
1415
1414
1413
1412
1411
1410
1409
1408
1407
1406
1405
1404
1403
1402
1401
1400
1399
1398
1397
1396
1395
1394
1393
1392
1391
1390
1389
1388
1387
1386
1385
1384
1383
1382
1381
1380
1379
1378
1377
1376
1375
1374
1373
1372
1371
1370
1369
1368
1367
1366
1365
1364
1363
1362
1361
1360
1359
1358
1357
1356
1355
1354
1353
1352
1351
1350
1349
1348
1347
1346
1345
1344
1343
1342
1341
1340
1339
1338
1337
1336
1335
1334
1333
1332
1331
1330
1329
1328
1327
1326
1325
1324
1323
1322
1321
1320
1319
1318
1317
1316
1315
1314
1313
1312
1311
1310
1309
1308
1307
1306
1305
1304
1303
1302
1301
1300
1299
1298
1297
1296
1295
1294
1293
1292
1291
1290
1289
1288
1287
1286
1285
1284
1283
1282
1281
1280
1279
1278
1277
1276
1275
1274
1273
1272
1271
1270
1269
1268
1267
1266
1265
1264
1263
1262
1261
1260
1259
1258
1257
1256
1255
1254
1253
1252
1251
1250
1249
1248
1247
1246
1245
1244
1243
1242
1241
1240
1239
1238
1237
1236
1235
1234
1233
1232
1231
1230
1229
1228
1227
1226
1225
1224
1223
1222
1221
1220
1219
1218
1217
1216
1215
1214
1213
1212
1211
1210
1209
1208
1207
1206
1205
1204
1203
1202
1201
1200
1199
1198
1197
1196
1195
1194
1193
1192
1191
1190
1189
1188
1187
1186
1185
1184
1183
1182
1181
1180
1179
1178
1177
1176
1175
1174
1173
1172
1171
1170
1169
1168
1167
1166
1165
1164
1163
1162
1161
1160
1159
1158
1157
1156
1155
1154
1153
1152
1151
1150
1149
1148
1147
1146
1145
1144
1143
1142
1141
1140
1139
1138
1137
1136
1135
1134
1133
1132
1131
1130
1129
1128
1127
1126
1125
1124
1123
1122
1121
1120
1119
1118
1117
1116
1115
1114
1113
1112
1111
1110
1109
1108
1107
1106
1105
1104
1103
1102
1101
1100
1099
1098
1097
1096
1095
1094
1093
1092
1091
1090
1089
1088
1087
1086
1085
1084
1083
1082
1081
1080
1079
1078
1077
1076
1075
1074
1073
1072
1071
1070
1069
1068
1067
1066
1065
1064
1063
1062
1061
1060
1059
1058
1057
1056
1055
1054
1053
1052
1051
1050
1049
1048
1047
1046
1045
1044
1043
1042
1041
1040
1039
1038
1037
1036
1035
1034
1033
1032
1031
1030
1029
1028
1027
1026
1025
1024
1023
1022
1021
1020
1019
1018
1017
1016
1015
1014
1013
1012
1011
1010
1009
1008
1007
1006
1005
1004
1003
1002
1001
1000
999
998
997
996
995
994
993
992
991
990
989
988
987
986
985
984
983
982
981
980
979
978
977
976
975
974
973
972
971
970
969
968
967
966
965
964
963
962
961
960
959
958
957
956
955
954
953
952
951
950
949
948
947
946
945
944
943
942
941
940
939
938
937
936
935
934
933
932
931
930
929
928
927
926
925
924
923
922
921
920
919
918
917
916
915
914
913
912
911
910
909
908
907
906
905
904
903
902
901
900
899
898
897
896
895
894
893
892
891
890
889
888
887
886
885
884
883
882
881
880
879
878
877
876
875
874
873
872
871
870
869
868
867
866
865
864
863
862
861
860
859
858
857
856
855
854
853
852
851
850
849
848
847
846
845
844
843
842
841
840
839
838
837
836
835
834
833
832
831
830
829
828
827
826
825
824
823
822
821
820
819
818
817
816
815
814
813
812
811
810
809
808
807
806
805
804
803
802
801
800
799
798
797
796
795
794
793
792
791
790
789
788
787
786
785
784
783
782
781
780
779
778
777
776
775
774
773
772
771
770
769
768
767
766
765
764
763
762
761
760
759
758
757
756
755
754
753
752
751
750
749
748
747
746
745
744
743
742
741
740
739
738
737
736
735
734
733
732
731
730
729
728
727
726
725
724
723
722
721
720
719
718
717
716
715
714
713
712
711
710
709
708
707
706
705
704
703
702
701
700
699
698
697
696
695
694
693
692
691
690
689
688
687
686
685
684
683
682
681
680
679
678
677
676
675
674
673
672
671
670
669
668
667
666
665
664
663
662
661
660
659
658
657
656
655
654
653
652
651
650
649
648
647
646
645
644
643
642
641
640
639
638
637
636
635
634
633
632
631
630
629
628
627
626
625
624
623
622
621
620
619
618
617
616
615
614
613
612
611
610
609
608
607
606
605
604
603
602
601
600
599
598
597
596
595
594
593
592
591
590
589
588
587
586
585
584
583
582
581
580
579
578
577
576
575
574
573
572
571
570
569
568
567
566
565
564
563
562
561
560
559
558
557
556
555
554
553
552
551
550
549
548
547
546
545
544
543
542
541
540
539
538
537
536
535
534
533
532
531
530
529
528
527
526
525
524
523
522
521
520
519
518
517
516
515
514
513
512
511
510
509
508
507
506
505
504
503
502
501
500
499
498
497
496
495
494
493
492
491
490
489
488
487
486
485
484
483
482
481
480
479
478
477
476
475
474
473
472
471
470
469
468
467
466
465
464
463
462
461
460
459
458
457
456
455
454
453
452
451
450
449
448
447
446
445
444
443
442
441
440
439
438
437
436
435
434
433
432
431
430
429
428
427
426
425
424
423
422
421
420
419
418
417
416
415
414
413
412
411
410
409
408
407
406
405
404
403
402
401
400
399
398
397
396
395
394
393
392
391
390
389
388
387
386
385
384
383
382
381
380
379
378
377
376
375
374
373
372
371
370
369
368
367
366
365
364
363
362
361
360
359
358
357
356
355
354
353
352
351
350
349
348
347
346
345
344
343
342
341
340
339
338
337
336
335
334
333
332
331
330
329
328
327
326
325
324
323
322
321
320
319
318
317
316
315
314
313
312
311
310
309
308
307
306
305
304
303
302
301
300
299
298
297
296
295
294
293
292
291
290
289
288
287
286
285
284
283
282
281
280
279
278
277
276
275
274
273
272
271
270
269
268
267
266
265
264
263
262
261
260
259
258
257
256
255
254
253
252
251
250
249
248
247
246
245
244
243
242
241
240
239
238
237
236
235
234
233
232
231
230
229
228
227
226
225
224
223
222
221
220
219
218
217
216
215
214
213
212
211
210
209
208
207
206
205
204
203
202
201
200
199
198
197
196
195
194
193
192
191
190
189
188
187
186
185
184
183
182
181
180
179
178
177
176
175
174
173
172
171
170
169
168
167
166
165
164
163
162
161
160
159
158
157
156
155
154
153
152
151
150
149
148
147
146
145
144
143
142
141
140
139
138
137
136
135
134
133
132
131
130
129
128
127
126
125
124
123
122
121
120
119
118
117
116
115
114
113
112
111
110
109
108
107
106
105
104
103
102
101
100
99
98
97
96
95
94
93
92
91
90
89
88
87
86
85
84
83
82
81
80
79
78
77
76
75
74
73
72
71
70
69
68
67
66
65
64
63
62
61
60
59
58
57
56
55
54
53
52
51
50
49
48
47
46
45
44
43
42
41
40
39
38
37
36
35
34
33
32
31
30
29
28
27
26
25
24
23
22
21
20
19
18
17
16
15
14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1

ВЫСШІЙ КУРСЪ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе языковъ. § 1. Первые преданія самыхъ древнихъ народовъ умалчиваютъ о томъ, какимъ образомъ человѣкъ овладѣлъ первыми словами для выраженія своихъ первыхъ мыслей. Наука также не можетъ пока разрѣшить *исторически* вопросъ о происхожденіи языка, т. е. не можетъ сказать, какъ явились въ языкѣ первоначальные корни, каждый съ опредѣленнымъ значеніемъ. Она только доказываетъ, что языкъ развивается изъ нѣсколькихъ корней, и затѣмъ объясняетъ, какъ можетъ совершаться его дальнѣйшее развитіе. Выводы свои она дѣлаетъ изъ наблюденій надъ всѣми языками, на которыхъ говорили или говорятъ разные народы. Сравнивая ихъ между собою, она находитъ во многихъ одинаковое грамматическое строеніе, одинакіе корни и потому раздѣляетъ всѣ ихъ на классы или семьи.

Корней въ языкѣ немного, отъ 300 до 400. Нѣкоторые изъ нихъ звукоподражательные т. е. повторяютъ звуки природы, которыми обозначаютъ себя тѣ или другія явленія, напр. шипъ, хлопъ, стукъ, трескъ и пр. Первоначальные корни всѣ сказуемые или знаменательные, т. е. выражаютъ какое-либо понятіе о предметѣ, явленіи, признакѣ или дѣйствіи, и притомъ односложные, т. е. состоятъ или изъ одного гласнаго звука, или изъ соединенія его съ согласными.

Корни не дѣлятся по частямъ рѣчи; одинъ и тотъ же ко-

доса каждому животнаго: орлы *клектотъ* звѣри на кости зовутъ; лисицы *брешутъ* на черные щиты; *щекотъ* славій (соловьиный) успѣ; *юворъ* галичъ убуди; враны *гранжутъ* (каркали), веплицею *кычетъ*; сороки *встроскоташа*; дятлове *тектотъ* путь къ рѣцѣ кажутъ. Такое обиліе словъ съ теченіемъ времени забывается, когда народъ отстаетъ отъ того образа жизни, въ которой онъ выработалъ себѣ всѣ эти слова для выраженія своихъ ежедневныхъ наблюденій.

Примѣч. Наблюденія надъ языками дикихъ народовъ объясняютъ, какимъ образомъ въ языкѣ появляются діалекты. Напр. у обитателей пустыни, разобщенныхъ между собою, нѣтъ никакихъ общихъ собраний, никакихъ вѣче. Они часто вынуждены уходить въ пустыни иногда на большое разстояніе отъ своей родной деревни. Въ такихъ случаяхъ отцы и матери и кто только можетъ нести тяжесть, отправляются иногда на нѣсколько недѣль, оставляя своихъ дѣтей подъ присмотромъ двухъ или трехъ старыхъ слабыхъ челоѣкъ. Дѣти, изъ которыхъ одни только-что начинаютъ лепетать, другіе прямо могутъ составлять фразы, третьи болѣе развиты, всѣ дѣти природы, рѣваясь и играя вмѣстѣ, привыкаютъ въ долгій день къ своему собственному языку. Болѣе говорливый снисходитъ къ менѣе бойкому, и такимъ образомъ отъ этой дѣтской неурядицы происходитъ діалектъ, состоящій изъ множества смѣшанныхъ словъ и фразъ, связанныхъ между собою безъ всякаго правила, и весь характеръ языка перемѣняется въ продолженіе одного поколѣнія *). У народовъ же, собирающихся въ публичныя собранія или на празднества или для исполненія разныхъ обрядовъ, образуется языкъ общественный изъ одного какого-либо діалекта. Рѣчи на собраніяхъ, народныя баллады, національные законы, религіозныя проповѣданія производятъ почти то же вліяніе, какъ и литературный языкъ. Они сдерживаютъ естественное теченіе языка въ безчислен-

*) Миссіонеры утверждаютъ, что между сѣверо-американскими племенами едва ли одна деревня говоритъ какъ другая, и даже два семейства одной и той же деревни говорятъ не совсѣмъ одинаковымъ языкомъ; прибавляютъ, что ихъ языкъ измѣняется съ каждымъ днемъ и уже такъ много перемѣнился, что древній гуранскій языкъ совершенно отличенъ отъ настоящаго. Миссіонеры въ Центральной Америкѣ старались записывать языки дикихъ племенъ и заботливо составляли словарь всѣхъ словъ, какія только могли уловить. Возвратясь къ тѣмъ же племенамъ по прошествіи только десяти лѣтъ, они нашли, что этотъ словарь устарѣлъ и сталъ бесполезнымъ; старыя слова пошли ко дну, а новыя всплыли на поверхность и по своему внѣшнему виду языкъ совершенно измѣнился. (Лекціи объ языкѣ Макса Миллера).

нихъ ручейкахъ его діалектовъ и придають постоянство нѣкоторымъ образованіямъ рѣчи, которыя безъ этихъ внѣшнихъ вліяній могли бы существовать лишь кратковременно. Изъ этого видно, что первое стремленіе языка направляется къ неограниченному разнообразію. Но оно встрѣчаетъ естественную задержку, которая съ самаго начала приготавливаетъ возрастаніе національных и литературныхъ языковъ *). Языкъ отца сталъ языкомъ семейства, а языкъ семейства сдѣлался языкомъ племени. Въ одной и той же волости различныя семейства могли сохранять между собою свои собственные семейныя формы и выраженія; они могли прибавить новыя слова, изъ которыхъ нѣкоторыя были столь прихотливы и странны, что были едва понятны другимъ членамъ той же волости. Такія выраженія, разумѣется, были подавляемы въ большихъ собраніяхъ, гдѣ сходились всѣ члены, чтобы участвовать въ общихъ преніяхъ, какъ мы подавляемъ мѣстныя выраженія и наши любимыя слова; но чѣмъ болѣе общій діалектъ получалъ формальный характеръ, тѣмъ болѣе эти особенности сохранялись у очага отдѣльныхъ шатровъ. Могли также явиться особые діалекты слугъ, конюховъ, солдатъ, пастуховъ и проч. У женщинъ создавались свои домашнія слова, и возраставшее поколѣніе не долго оставалось безъ своей собственной болѣе остроумной фразеологіи. Даже и мы въ нашемъ литературномъ вѣкѣ, удаленные отъ давнихъ прародителей языка цѣлыми тысячелѣтіями, не говоримъ дома такъ, какъ говоримъ публично. Тѣ же обстоятельства, которыя даютъ начало формальному языку въ отличіе отъ семейныхъ діалектовъ, производятъ въ большемъ размѣрѣ языки союза нѣсколькихъ волостей, рождающихся колоній, возникающихъ національностей. Въ округахъ, въ городахъ, въ селахъ и семействахъ всегда были сотни діалектовъ до образованія національнаго языка; отличительныя черты ихъ не сглаживаются даже и во времена образованія, когда устанавливается одинъ литературный языкъ, обращающійся въ классическій. Такъ, напр., классическій латинскій языкъ есть одинъ изъ многихъ діалектовъ, которыми говорили обитатели Италіи; онъ былъ діалектъ Лаціума, въ Лаціумѣ діалектъ Рима, въ Римѣ діалектъ патриціевъ; онъ былъ установленъ разными писателями, былъ слѣдовательно языкъ ограниченнаго класса, политической партіи, литературнаго кружка. Полибій говоритъ, что образованнѣйшіе римляне не могли безъ

*) Миссіонеры, посвящая себя изученію дикихъ и невѣжественныхъ племенъ, рѣдко бывали въ состояніи изучить болѣе одного изъ многихъ діалектовъ, и когда они достигали успѣха, то тотъ діалектъ, который они переложили въ письменность и сдѣлали средоточіемъ своего образовательнаго вліянія, достигалъ въ скоромъ времени нѣкотораго литературнаго перенства, исключая тѣмъ прочіе діалекты какъ варварскіе. (М. Миллера лекціи).

...изъ древнихъ трактатовъ между Римомъ и ... Квинтиліанъ замѣчаетъ, что сами салійскіе жрецы ... гимны. Извѣстно также, что Цицеронъ, ... Арвиніумъ на провинціальномъ діалектѣ, всту- ... общество и начавъ писать для своихъ новыхъ ... друзей, долженъ былъ отвыкать отъ нѣкоторыхъ изъ Если бы вмѣсто патриціевъ одержали ... общественнымъ и слѣдственно литературнымъ ... другой діалектъ и латинскій языкъ много ... Цицерона и Юлія Цезаря. Ставъ языкомъ ... религіи, литературы и общей образованности, ... латинскій языкъ сдѣлался неподвижнымъ и стоячимъ. ... потому что не могъ измѣняться или уклоняться ... истинной точности. То же самое можно сказать и о ... языкѣ. Они, являясь литературными ді- ... за свое временное величіе неизбѣжнымъ упа- ... точки зрѣнія нельзя сказать, чтобы отъ классиче- ... діалекты или чтобы онъ былъ ... языка. Какъ скоро языкъ теряетъ свою неограни- ... измѣняться, свою готовность мгновенно испол- ... ума и сердца, то его естественная жизнь обра-

... Максъ Миллеръ, подобны стоячимъ озерамъ возлѣ ... образуютъ резервуаръ того, что нѣкогда было живое и ... теперь не захватывается уже теченіемъ главного ... будто весь потокъ языка былъ поглощенъ этими ... можемъ прийтти явленіе ручейки, продолжающіе течь въ Но если далѣе, ниже по теченію, т. е. позднѣе въ исторіи, мы ... новое тѣло подвижнаго языка, образующееся или образо- ... были тѣ же самые ... предъ нашимъ взоромъ. Классическій или ... можно вѣрнѣе сравнить съ замерзшею поверхностію рѣки, ... и холодной. Эта поверхность болѣе ... рѣки по большей части ломается политическими ... волнами, поднимающимися съ глубины, что бываетъ въ ... классы подавляются религіозными и социальными ... сдѣлался или снова смѣшиваются съ низшими классами для отраженія чуждаго ... тогда народные или, какъ ихъ называютъ, простые діалекты, ... подобія нижняго теченія, поднимаются надъ хрустальной поверх- ... литературнаго языка и, подобно весеннимъ годамъ, уносятъ формаци ... времени, сдѣлавшись уже излишними. Въ болѣе спокойныя времена ... языкъ, который *по видимому* образо- ... выросъ гораздо раньше и только ... историческихъ событій. (М. Миллеръ).

щается въ чисто искусственное существованіе. Онъ можетъ жить еще нѣсколько времени, но представляясь на видъ главнымъ побѣгомъ, на дѣлѣ онъ только сломанная и вянущая вѣтвь, медленно опадающая отъ ствола, изъ котораго выросла. Такимъ образомъ источникъ итальянскаго языка нельзя найти въ классической литературѣ Рима: онъ въ народныхъ діалектахъ Италіи; равно индустанскій языкъ не есть сынъ того санскрита, который мы находимъ въ браминской литературѣ—онъ вѣтвь живучей рѣчи Индіи, происходящей отъ того же ствола, изъ котораго выросъ санскритъ, когда онъ впервые достигъ своей литературной независимости *); точно такъ же діалекты русскаго языка никогда не происходили, какъ иные думаютъ, отъ церковно-славянскаго языка, а имѣютъ съ нимъ только одни корни, изъ которыхъ и развиваются самостоятельно.

Раздѣленіе языковъ. § 2. Дѣлая наблюденія надъ всѣми извѣстными языками, наука раздѣляетъ ихъ по образованію на слѣдующія отрасли:

1. Въ однихъ корни употребляются какъ знаменательныя слова, сохраняя свою полную самостоятельность. Здѣсь въ языкѣ нѣтъ еще грамматики.

2. Въ другихъ два корня соединяются вмѣстѣ, чтобы образовать слово, но такъ что одинъ изъ нихъ лишается своей самостоятельности и обращается въ простое окончаніе. Здѣсь уже образуется грамматика языка.

3. Въ третьихъ два корня соединяются для образованія слова и оба могутъ потерять свою самостоятельность, вслѣдствіе чего происходитъ фонетическое или звуковое искаженіе.

Примѣч. Въ первыхъ знаменательные корни служатъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы употребляемъ окончанія для выраженія части рѣчи, лица, падежа и пр. Въ этомъ состояніи находится китайскій языкъ. Если китаецъ хочетъ сказать *въ домъ*, то онъ скажетъ *домъ-нуто*—у-ли (у—домъ, ли—внутренность). Здѣсь два корня соединяются въ одно слово, не теряя своего первоначальнаго значенія. Или чтобъ сказать *палкою*, по-китайски нужно выразиться *употреблять палка* и-чанъ (и—употреблять, чжанъ—палка), *день*—сынъ-солнце—жи-цзы. Здѣсь нѣтъ частей рѣчи, нѣтъ измѣненія окончаній, нѣтъ членовъ, и смыслъ рѣчи зависитъ отъ постановки словъ. Одинъ и тотъ же корень, смотря по занимаемому имъ мѣсту въ рѣчи, можетъ выразить и предметъ, и признакъ, и

*) Лекціи по наукѣ о языкѣ Максъ Миллера, глав. II.

личное, приложное, и существительное, и прилагательное, и глаголъ, и нарѣчіе и др.: напр., *во-да-ни* значить „я бью тебя“ (я бить ты), *ты-бь-и-ти* — ты бьешь меня (ты бить я); *во-жель* — дурной человекъ, *жель-и* — человекъ дурень. Такъ какъ въ такомъ языкѣ являются только корни, а они всё, какъ мы сказали, односложные, то и такой языкъ называется односложнымъ.

Какимъ образомъ происходитъ переходъ корней въ окончанія, можно пояснить нѣсколькими примѣрами. Возьмемъ французское окончаніе *ment*, служащее для образованія нарѣчій *bonnement, craiment, fortement*. Этого окончанія мы не найдемъ въ латинскомъ языкѣ, изъ котораго французскій образовалъ свои формы, но мы найдемъ тамъ выраженіе *bona mente* съ добрымъ намѣреніемъ, *forti mente* крѣпкимъ духомъ, гдѣ оба слова знаменательны. Во французскомъ языкѣ въ подобныхъ выраженіяхъ послѣднее слово (*mente*) уже не чувствовалось болѣе какъ самостоятельное отдѣльное слово и въ то же время утратилось его внятное произношеніе. Оно обратилось въ простое окончаніе для выраженія нарѣчія „цѣльно, крѣпко, добровольно“. Лишь только *mente* потеряло свое значеніе, оно какъ окончаніе нарѣчія стало употребляться и тамъ, гдѣ первоначально употребленіе его было бы совершенно невозможнымъ, такъ, напр., французы говорятъ, что молотъ падаетъ *lourdement* (тяжелымъ духомъ), не подозревая, что воздушному куску желѣза приписываютъ тяжелый духъ *). Точно такъ же личные окончанія нашихъ глаголовъ произошли отъ мѣстоимѣній, или полныхъ окончаній прилагательныхъ *мы, вы, онъ, ея* отъ мѣстоименій же *и, я, е*, окончанія будущаго времени въ малороссійскомъ языкѣ изъ глагола *имѣть* и др. Конечно, въ настоящее время не всё окончанія можно легко объяснить, изъ какихъ знаменательныхъ корней произошли они; но съ помощію научнаго анализа можно дойти до начала многихъ изъ нихъ.

Примеч. Языки, въ которыхъ къ чистому неизмѣнному корню приставляются разныя окончанія для произведенія различныхъ грамматическихъ формъ, называются *приставочными*. Сюда относится самое большое число языковъ. Вся *туранская* отрасль состоитъ изъ

приставочныхъ языковъ; на нихъ говорятъ всѣ кочевыя племена Азіи, въ Европѣ татары,¹ турки,² финны,³ венгерцы. Единственная характеристическая черта туранскихъ языковъ состоитъ въ томъ, что корень въ нихъ никогда не измѣняется и не затемняется ни какими приставками и сокращеніями, а слоги опредѣляющіе и измѣняющіеся обыкновенно приставляются въ концѣ чистаго корня, и гласные звуки этихъ приставочныхъ окончаній зависятъ отъ гласныхъ корня: если въ корнѣ твердый звукъ, то и окончаніе принимаетъ твердый, и наоборотъ; то же окончаніе звучитъ уже съ мягкимъ гласнымъ звукомъ, если въ корнѣ мягкій. Такъ, напр., для неопредѣленнаго наклоненія существуютъ окончанія *мек* и *мак*: сев-мек (любить) и бак-мак (смотрѣть), для множеств. числа *лер* и *лар*: *ев-лер*—дома, *ат-лар*—лошади.

Когда начинается фонетическое или звуковое искаженіе первыхъ знаменательныхъ корней, тогда языкъ вступаетъ въ другой періодъ своего развитія. Здѣсь разные элементы, входящіе въ составъ слова, могутъ до того спаяться вмѣстѣ и такъ пострадать отъ фонетической порчи, что только ученый можетъ замѣтить первоначальное различіе между корнемъ и окончаніемъ, и только сравнительное изслѣдованіе въ состояніи открыть спай, раздѣляющія составныя части, тогда какъ въ приставочныхъ языкахъ каждый можетъ указать на корень, окончаніе и всѣ производственные слоги. Такъ, напр., кто, произнося слова *жертва*, *жерло*,⁴ подозреваетъ, что они происходятъ отъ слова *жръть*, или *джерелье* отъ слова *горло*,⁵ *изба* отъ *топить*? Какой неученый французъ догадается, что его *vingt* (двадцать) происходитъ отъ корня *dvi* (два), или *aujourd'hui* повторяетъ корень *dies*? Измѣненіе звуковъ, сокращеніе, сліяніе часто до такой степени измѣняетъ корень, что отъ него не остается ни одного первоначальнаго звука.

Къ этому разряду языковъ относятся языки отраслей симической и индоевропейской или арійской. Въ нихъ отличаются два составные элемента: корни знаменательные или глагольные и мѣстоименные.

Симическая или семитическая отрасль раздѣляется на три вѣтви: арамейскую (языки сирійскій и халдейскій—мертвые), еврейскую (еврейскій, финикійскій, кареагенскій—мертвые) и арабскую. Всѣ эти языки развились весьма рано, выразились въ богатыхъ литературахъ и удалились другъ отъ друга

гораздо менѣе языковъ индоевропейской отрасли. Каждый корень въ нихъ состоитъ изъ трехъ согласныхъ; отъ корней производится множество словъ простою перемѣною гласныхъ, оставляя согласныя по возможности не тронутыми. Симическіе языки и своимъ грамматическимъ строемъ рѣдко отличаются отъ языковъ индоевропейскихъ. Современные ученые филологи стараются найти связь между этими двумя отраслями; но до сихъ поръ еще мало въ томъ успѣли. Индоевропейскіе языки подверглись значительно большей фонетической порчѣ, чѣмъ языки симическіе; и въ то же время эта отрасль, самая богатая и образованная, звучитъ на большемъ пространствѣ, раздѣляясь на нѣсколько *семействъ*:

1. *Семейство индійское*. Въ немъ первое мѣсто наука даетъ языку *санскритскому*, на которомъ говорили древніе индійцы. Онъ всего ближе подходитъ къ первобытному языку, сохранивъ много древнѣйшихъ формъ и корней. Онъ носитъ названіе *священнаго языка* (санскритъ), потому что на немъ написаны священныя книги древнѣйшей религіи Брами—Веды; изъ нихъ нѣкоторыя дошли до насъ. Онъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ мірѣ, и хотя сдѣлался языкомъ мертвымъ еще за нѣсколько вѣковъ до Рожд. Христ., но на немъ до сихъ поръ въ Индіи совершаютъ богослуженіе и всѣ образованные индійцы знаютъ по санскритски. Въ наукѣ филологіи этотъ языкъ имѣетъ важное значеніе, потому что чрезъ него можно объяснить происхожденіе многихъ граматическихъ формъ и словъ въ другихъ языкахъ; потому-то онъ составляетъ какъ-бы средоточіе всей индоевропейской отрасли; свойства которыя мы встрѣчаемъ въ прочихъ языкахъ той же отрасли разсѣянно, въ немъ сохранились всѣ вмѣстѣ въ органической цѣлости; что другіе растеряли, углубляясь въ далекія земли, то онъ сохранилъ, оставаясь на родной почвѣ и перейдя въ книги еще въ древнѣйшія времена. Наука смотритъ на него какъ на старшаго брата всѣхъ прочихъ языковъ. Въ Индіи образовались многія индійскія нарѣчія и испорченныя постороннимъ вліяніемъ чрезвычайно удалились отъ санскритскаго.

2. *Семейство*

Сюда относятся языки обитателей

Ирана. Первое мѣсто занимаетъ здѣсь языкъ *зендскій*, тѣсно связанный съ санскритомъ; на немъ написанъ законъ Зороастра, книга *Зендавеста*. Это древній языкъ парсовъ или огнепоклонниковъ. Изъ зендскаго языка въ смѣшеніи съ симическими элементами образовался языкъ *пехлевійскій*, династіи сассанидовъ (226—651 г.). Затѣмъ очищенный отъ симической примѣси языкъ *парси* и наконецъ *новоперсидскій* съ примѣсью множества арабскихъ словъ и формъ.

Большое сродство съ этими двумя семействами обнаруживаютъ изъ азіатскихъ языковъ: *афганскій*, *бухарскій*, *курдскій*, *оссетинскій* (на Кавказѣ) и *армянскій*. Изъ Индостана происходитъ и языкъ *цыганскій*, но онъ весьма испорченъ въ своей грамматикѣ, и словарь его состоитъ изъ словъ выкраденныхъ изъ всѣхъ странъ.

3. *Семейство эллинское*. Сюда относятся діалекты древней Греціи; а литературный *древне-греческій языкъ* имѣетъ всемірное значеніе, благодаря высокимъ произведеніямъ греческой поэзіи. Его исторія хорошо извѣстна со временъ Гомера (1000 л. до Р. Х.). Изъ древнегреческихъ діалектовъ, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ языковъ латинскаго, турецкаго и отчасти итальянскаго и славянскаго, образовался языкъ *новогреческій*.

4. *Семейство романское*. Его составляютъ древніе діалекты Италіи, изъ которыхъ выдается литературный языкъ древняго Рима—*латинскій* (какъ нарѣчіе *Латіума* Latium), вмѣстѣ съ греческимъ классическій языкъ древности и среднихъ вѣковъ. Изъ латинскаго и діалектовъ древней Италіи подъ вліяніемъ германскихъ и кельтическихъ языковъ, составились языки *провансальскій*, достигшій въ средніе вѣка въ поэзіи трубадуровъ высокаго литературнаго превосходства, *итальянскій*, *французскій*, *испанскій*, *португальскій*. Всѣ они называются также языками романскими, какъ происшедшіе отъ языка древняго Рима (Roma). Въ образованіи языка испанскаго принималъ нѣкоторое участіе и языкъ арабскій.

Къ романскому семейству должно отнести и языкъ *румынскій* или *молдаво-валахскій*, образовавшійся изъ латинскаго подъ вліяніемъ славянскаго и отчасти турецкаго.

5. *Семейство кельтское*. Сюда относятся діалекты *кимрскій*,

галлѣтскій, иберіскій, скоттскій, уэльскій (въ Валисѣ) недавно вымершіи. Изъ этого семейства въ настоящее время остались діалекты *ирландскій, гельскій* на западномъ берегу Шотландіи и *нижнебретонскій* (bas-breton въ Бретани).

6. *Семейство германское или тевтонское.* Нѣмецкій языкъ раздѣляется на діалекты *верхнегерманскій* и *нижнегерманскій*. Первый всегда былъ литературнымъ языкомъ Германіи. По древности письменныхъ памятниковъ весьма важенъ въ историческомъ отношеніи діалектъ *готтскій*, на которомъ сохранилось евангеліе перевода епископа Ульфилы. На ряду съ нимъ въ древности существовали другіе діалекты германскаго племени; нѣкоторые изъ нихъ образовали нынѣшніе языки *фламандскій, голландскій, фризскій*, нѣкоторые вымерли, другіе остались простонародными нарѣчіями (Plattdeutsch). Какъ самостоятельная вѣтвь германской семьи является языкъ *скандинавскій* или *норманскій*, который въ настоящее время состоитъ изъ трехъ литературныхъ діалектовъ: *шведскаго, датскаго* и *исландскаго*, и изъ многихъ мѣстныхъ нарѣчій, особливо въ Норвегіи. По своему грамматическому строю къ германской же семьѣ принадлежитъ и языкъ *англійскій*, хотя онъ и развился подъ разнообразными вліяніями.

7. *Семейство лѣтское.* Его составляютъ языки *литовскій* (въ Литвѣ и восточной Пруссіи), *латышскій* (въ Курляндіи и въ части Лифляндіи) и вымершій *древнепрусскій*. Хотя эта семья не выработала ни одного литературнаго діалекта, но она очень важна для филологической науки, потому что въ ея діалектахъ встрѣчаются грамматическія формы болѣе древнія и болѣе сходныя съ санскритскими, нежели соотвѣтствующія имъ формы въ другихъ языкахъ.

Славянская семья. § 3. Она дѣлится обыкновенно на три отрасли: *сѣверо-западную, юго-западную* и *восточную*. Къ сѣверо-западной, сильно подвергшейся нѣмецкому вліянію и принявшей латинскія буквы, относятся слѣдующія нарѣчія: *чешское* или *богемское, польское, сербо-лужицкое* и *полабское*. Къ югозападной — *старо* или *церковно-славянское болгарское* (подпавшее турецкому вліянію) *илирійское*, (составляющее нарѣчія

сербское, кроатское и словенское), и *хорутанское*. Къ восточной отрасли принадлежит нарѣчіе самое обширное по занимаемому имъ пространству, *русское*.

Русскій языкъ. § 4. Русскій языкъ имѣетъ свое самостоятельное историческое развитіе. Звуча на такомъ обширномъ пространствѣ, онъ не могъ не развиваться въ нѣсколько нарѣчій; изъ нихъ главныя три: *великорусское* (восточное) *малорусское* (южное) и *бѣлорусское* (западное). Самое развитое и богатое литературою есть великорусское, которое также подраздѣляется на нарѣчія. Изъ нихъ самое важное нарѣчіе *московское*, какъ языкъ образованнаго класса общества и народное основаніе языка литературнаго. Оно отличается мягкостью и постояннымъ расширеніемъ гласныхъ звуковъ безъ ударенія, напр. *о* въ *а*. (Та же любовь къ расширенію существуетъ въ бѣлорусскомъ нарѣчій, гдѣ кромѣ того безпрестанно слышатся зубныя придыханія: *т* произн. какъ *шс* — *ц*; *д* какъ *дз*). По *новгородскому* нарѣчію произносятся всѣ звуки ясно безъ всякаго расширенія, къ нему же приближается и *стѣрное* или *архангельское* нарѣчіе. Не смотря на многія различія, всѣ они весьма близки одно къ другому и понятны каждому русскому.

Изъ смѣси нарѣчій русскаго и церковнославянскаго въ старину у насъ образовался языкъ книжный, который можно назвать *славянорусскимъ*. И нынѣшній литературный языкъ нашъ также развился подъ вліяніемъ церковнославянскаго, откуда къ намъ перешли многія слова и нѣкоторыя формы, почему при изученіи русскаго языка часто бываетъ необходимо обращаться и къ церковному.

Такимъ образомъ русскій языкъ, какъ членъ славянской семьи, принадлежитъ къ индоевропейской отрасли. Между нимъ и другими языками той же отрасли существуетъ братство или кровное родство, которое обнаруживается въ грамматическомъ устройствѣ и въ общихъ корняхъ весьма многихъ словъ. Сличая эти языки, мы приходимъ къ одному заключенію: всѣ они необходимо должны были произойти изъ одного начала, т. е. было время, когда наши предки и предки

германцевъ, римлянъ, грековъ говорили однимъ языкомъ, который уже впослѣдствіи, распространяясь на большемъ и большемъ пространствѣ, неминуемо долженъ былъ раздѣлиться и такимъ образомъ произвелъ нѣсколько братьевъ, не потерявшихъ и до сихъ поръ признаковъ своего родства. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ ученыхъ, ближайшій къ санскритскому языку, вмѣстѣ съ литовскимъ, есть языкъ славянскій, а черезъ него и русскій: изслѣдованія показываютъ, что нашъ языкъ гораздо ближе къ древнѣйшему языку отдаленной Индіи, чѣмъ къ языкамъ сосѣднихъ племенъ — греческому и германскому. Такая родственная близость иногда будетъ насъ побуждать обращаться, хотя въ примѣчаніяхъ, къ старѣйшему языку для объясненія нѣкоторыхъ корней и формъ своего родного языка. Для сравненія и объясненія многихъ общихъ законовъ языка необходимо обращаться и къ языкамъ европейскимъ.

Русскій языкъ имѣетъ свое историческое развитіе, которое мы изучаемъ изъ дошедшихъ до насъ рукописей. Изъ нихъ мы видимъ его постепенное измѣненіе, его утраты и приобрѣтенія. Излагая законы языка, мы необходимо должны обращаться къ его исторіи, и слѣдственно дѣлать указаніе на упомянутыя рукописи.

Исторія русской азбуки. § 5. Девятьсотъ лѣтъ русскій языкъ имѣетъ свои письмена. Наша азбука, составленная св. Кирилломъ внѣ Россіи (въ половинѣ IX стол.), утвердилась у насъ со введеніемъ христіанства. Принявъ въ основаніе алфавитъ греческій, изобрѣтатель долженъ былъ его дополнить новыми знаками, найдя, что въ славянскомъ языкѣ есть много звуковъ, которыхъ нѣтъ въ греческомъ. Нѣкоторые для этого онъ принялъ изъ латинской азбуки (σ, s)*),

*) По мнѣнію Павскаго, буква ж также составила изъ латинскаго x, которую, чтобы не смѣшать съ греческимъ x, перепоясали чертою. Мнѣніе свое онъ основываетъ на томъ, что у далматскихъ славянъ, пишущихъ латинскими буквами, x понимается какъ ж, что они заимствовали у венеціанъ, которые латинскую букву x выговариваютъ за ж: Dux — Дужъ или Дождь.

Старое начертаніе нашихъ буквъ со всѣми знаками существовало до XVIII столѣтія, войдя съ половины XVI столѣт. въ наши типографіи. Наконецъ, Петръ Великій сдѣлалъ въ немъ значительное преобразование. Простота и четкость латинскаго шрифта не могли не обратить на себя вниманіе преобразователя. Онъ измѣнилъ начертаніе славянскихъ буквъ, примѣнивъ его къ латинскому. Онъ видѣлъ лишнее обиліе буквъ старой кирилловской азбуки, не нужныхъ греческія придыханія и ударенія, различныя титла, которыя пестрили страницы, не служа рѣшительно ни къ чему, и только затрудняли чтеніе, какъ всякіе сократительные знаки; потому отбросилъ все лишнее въ азбукѣ, каждому звуку далъ по одному знаку (исключивъ и буквы *и*, *у*); изъ однозвучныхъ оставилъ только *e* и *n*, *ѣ* и *o*, также двѣ сложныя *ѣ* и *ш*. Такимъ образомъ русская печать явилась почти въ томъ видѣ, въ какомъ мы видимъ ее теперь; только буква *д* получила начертаніе въ родѣ латинскаго *g*, вмѣсто буквы *з* было *s*

~~SECRET~~ ~~TOP SECRET~~ ~~SECRET~~ ~~SECRET~~

Age Group	Percentage
18-29	~85%
30-39	~75%
40-49	~65%
50-59	~55%
60-69	~45%
70-79	~35%
80+	~25%

роны фонетической слово состоитъ изъ двухъ стихій: звуковъ *гласныхъ* и *согласныхъ*. Органы, въ которыхъ они образуются,—гортань, ротъ и губы. По этому числу собственно три простыхъ, чистыхъ гласныхъ: *и* (въ гортани), *а* (во рту), *у* (въ губахъ). Въ языкахъ, весьма рано развившихся, напримѣръ, въ санскритскомъ и арабскомъ, только, и существуютъ эти три гласные звука; потому ихъ мы можемъ назвать первоначальными. Съ теченіемъ времени между этими звуками, какъ бы въ ихъ промежуткѣ, образовались два новые гласные звука, *е* и *о*. Первый занимаетъ мѣсто между *а* и *и*, такъ греческое *αι*, французское *ai* произносятся какъ *е* (долгое), равно какъ и латинское *ae*, составившееся изъ стараго *ai*. Звукъ *о* занялъ середину между *а* и *у* (французск. *au* — *о*). При такомъ родствѣ всѣ эти звуки весьма легко переходятъ одинъ въ другой, что мы встрѣчаемъ во всѣхъ языкахъ.

Въ русскомъ языкѣ, какъ и вообще въ славянскомъ, есть двѣ гласныя буквы, которымъ нѣтъ соответствующихъ въ другихъ европейскихъ языкахъ; это — буквы *ѣ* и *е*. *Ѣ* и *е* въ литературномъ языкѣ и въ московскомъ нарѣчій въ произношеніи звучатъ одинаково; въ нарѣчій малорусскомъ и иногда новгородскомъ *ѣ* произносится какъ *и*; *е* же всегда сохраняетъ свой звукъ во всѣхъ нарѣчійхъ. Наблюдая надъ измѣненіями буквы *ѣ*, мы замѣчаемъ, что она въ русскомъ литературномъ языкѣ постоянно переходитъ или въ *и*, напр. *лѣпнѣтъ*, *лѣпнѣтъ*, *вѣситѣ* — *вѣстѣ*; въ предложномъ падежѣ *о веселіи* вм. *веселѣнѣ*, или въ *а* (послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*), напримѣръ *величайшій* вмѣсто *ѣйшій*; но никогда не переходитъ въ *е*, съ которымъ она выказываетъ свое родство только въ произношеніи. Надо полагать, что въ старину она отличалась отъ *е* долгою произношеніемъ, что видно изъ слова *нѣтъ*, нѣтъ, составившагося изъ *не есть*: здѣсь двойное *е* обратилось въ *ѣ*. Подражая *е*, въ нѣкоторыхъ словахъ подъ удареніемъ *ѣ* звучитъ какъ *ѣ*: *звѣзды* (звѣзды), *сѣдла* (сѣдла), *цвѣтъ* (цвѣтъ) и др. Это измѣненіе буквы *ѣ* указываетъ на ея части, изъ которыхъ она составила, при чемъ *а* и *и* не обратились въ двухгласную, а слились въ одинъ звукъ, который у нѣкоторыхъ совсѣмъ приблизился къ *и*, у другихъ къ смягченному

ПУХА И СЛА. ВЪ КОЖЕВЕННЪ У КЪ СЪВТОРЪ СЪВЪНЪ
 НАУКА И КЪ СЪВТОРЪ СЪВЪНЪ ПОЗНАВАЕТСЯ КЪ В.
 НАУКА СЪВЪНЪ КЪ СЪВТОРЪ СЪВЪНЪ СЪВЪНЪ ВМ. СЪВЪНЪ
 КИТАЙСКИ СЪВТОРЪ СЪВЪНЪ СЪВЪНЪ КЪ В. У СЪВЪНЪ СЪВЪНЪ
 СЪВЪНЪ, СЪВЪНЪ—СЪВЪНЪ. СЪВЪНЪ СЪВЪНЪ СЪВЪНЪ СЪВЪНЪ СЪВЪНЪ
 СЪВЪНЪ КЪ В. СЪВЪНЪ СЪВЪНЪ СЪВЪНЪ—СЪВЪНЪ, СЪВЪНЪ—СЪВЪНЪ.
 П. С. СЪВЪНЪ—СЪВЪНЪ, СЪВЪНЪ—СЪВЪНЪ.

*) Эти звуки у нас получили нѣсколько названій *іотированные*, *узкіе* и *нѣ* противоположность имъ чистые гласные зовуть *широкими*.

буквъ въ русской азбукѣ и отбросилъ сложную ю, хотя она и была настоящая придыхательная. Ея должность стала исправлять твердая е. Впослѣдствіи замѣтили, что въ русскомъ языкѣ есть слова и съ твердымъ звукомъ е (этотъ, экій), и ввели новую букву э, оборотивъ ѣ на другую сторону.

Придыханіе проникаетъ весь составъ славянскаго языка. Въ современномъ русскомъ языкѣ гласныя послѣ гласныхъ обыкновенно принимаютъ придыханіе, что можно принять за законъ, который, впрочемъ, развитъ въ нашемъ языкѣ во времена историческія, болѣе къ намъ близкія: въ старыхъ русскихъ рукописяхъ незамѣтно такого постоянного смягченія (напр. у Кирил. Туровск. XII ст.: *имѣаху*).

Юсы. § 8. Какъ въ русской азбукѣ уничтожено ю, такъ точно уничтожены и буквы, извѣстныя подъ названіемъ юсовъ: ѯ, Ѱ, ѱ, Ѳ, которыя произносились какъ у, ю, я. Въ старославянскомъ языкѣ онѣ были носовыя полугласныя, т. е. произносились въ носъ (какъ французск. *on*, *en*), гдѣ были слышны и *n* и *m* слитно съ предыдущею гласною. Въ санскритскомъ языкѣ носовые звуки являются въ древнѣйшую эпоху, слѣдовательно, можно полагать, что они существовали и въ славянскомъ при первомъ его образованіи, при отдѣленіи отъ языка старѣйшаго. Образованіе носовыхъ звуковъ во французскомъ языкѣ произошло уже во времена новоисторическія, слѣдовательно, въ эпоху гораздо позднѣйшую. Въ произношеніи славянскихъ юсовъ слышались два гласные звука о (ѡ) и е (ѣ) и потому въ письмѣ ихъ должно было изображать различно: носовой звукъ съ о изобразился въ кирилловской азбукѣ черезъ ѯ, а носовой звукъ съ е—черезъ ѱ. Конечно, гласные о, е въ сочетаніи съ носовымъ элементомъ произносятся не совсѣмъ явственно и потому легко смѣшиваются, что мы дѣйствительно безпрестанно встрѣчаемъ въ письменныхъ памятникахъ. Смягченіе звуковъ посредствомъ придыханія, свойственное славянскому языку, вызвало буквы ѯ и ѱ, которыя принимались преимущественно въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ. Съ теченіемъ времени носовые звуки стали исчезать во многихъ славянскихъ нарѣ-

чіяхъ; теперь они существуютъ только въ языкѣ польскомъ; нѣкоторые остатки ихъ сохранились еще у словаковъ, хорутанъ и болгаръ. Въ русскомъ языкѣ они совершенно исчезли, вмѣсто ихъ стали слышатся гласныя *у* и *я*, изъ которыхъ первая замѣнила *ж*, а вторая—*а*. Такимъ образомъ въ однихъ русскихъ словахъ гласныя *у* и *я*—коренныя, въ другихъ же происшедшія изъ носовыхъ звуковъ, что необходимо различать при этимологическомъ изученіи языка; въ немъ встрѣчаемъ много такихъ фактовъ, которыхъ мы не могли бы объяснить, не зная свойства юсовъ, такъ, напр., имѣя въ виду, что въ словѣ *время* или *взять*—*я* юсовое, мы легко объясняемъ происхожденіе родительнаго падежа *времени* и формы *возьму*; здѣсь только возстановляются передъ гласными элементарные звуки *н* и *м*, которые въ коренной формѣ пропали. Точно также зная, что слово *мужъ* писалось съ юсомъ (*мжжъ*), мы легко убѣждаемся, что оно, вмѣстѣ съ нѣмец. *Mensch*, произошло отъ одного корня, или рус. *молѣбъ* и лат. *columba*; рус. *нать* и гречес. *пѣте* и мн. др. Легко можно объяснить происхожденіе словъ *яти* (брать) и *имать* отъ одного корня. Въ послѣднемъ словѣ носовой звукъ (*а*) обратился передъ гласною въ *эм* = *им*. Такимъ образомъ хотя *юсы* уничтожены въ письмѣ или въ азбукѣ, но въ грамматикѣ они должны навсѣгда сохраняться для объясненія законовъ производства. Носовые звуки нерѣдко переходили и въ звукъ *и*: *камы*—камень, *неси*—несущій.

Примѣч. Переходъ носовыхъ звуковъ въ *у* замѣчается и въ другихъ языкахъ, напр. въ греч. *λέγουσι* вм. *λέγουσι*.

Глухіе гласные или полугласные. § 9. Ослабленіе коренныхъ гласныхъ *а*, *и*, *у*, начавшееся въ образованіи *е*, *о*, развилось въ славянскомъ языкѣ еще далѣе. Гласные во многихъ случаяхъ стали произноситься короче и неопредѣленно; ихъ, такъ сказать, стали скрадывать. Такимъ образомъ произошли два новые глухіе звука, означенные въ кирилловской азбукѣ начертаніями *ѣ* и *ѝ*. Что первоначальное значеніе *ѣ* и *ѝ* было гласное, доказывается древними рукописями, гдѣ обѣ буквы писались въ срединѣ словъ (*вѣжъ*),

(*дѣнь*), теперь мы не можемъ тамъ иначе произнести ихъ, какъ звуками гласными. У болгаръ и понынѣ существуетъ этотъ звукъ не вполне чистый и явственный, а неопредѣленный и скрадываемый. Въ сравненіи съ родственными языками *ѣ* и *ѧ* соотвѣтствуетъ тремъ гласнымъ кореннымъ звукамъ *а*, *и*, *у*; въ большей же части случаевъ тѣ славянскіе народы, которые не имѣютъ глухихъ звуковъ, вмѣсто *ѣ* въ срединѣ слова употребляютъ *о*, вмѣсто *ѧ* — *е*. Сюда мы причисляемъ и русскихъ (*вѣлкѣ*—*волкѣ*, *дѣнь*—*день*). Кромѣ того, въ нашемъ языкѣ есть соотвѣтствіе между *ѣ* и *и*: *и* передъ гласною нерѣдко сокращается въ *ѣ*, напр. *веселіе*—*весеље*, *любовію*—*любовью*; *ѣ* обнаруживаетъ свой сокращенный звукъ послѣ гласныхъ, обращаясь въ *и* краткое (*и*), *ѣ* былъ звукъ твердый, *ѣ*—мягкій, подобно какъ *я*, *ю* и др. Этотъ послѣдній имѣетъ такое же вліяніе на измѣненіе согласныхъ звуковъ, какъ и придыхательные гласные, что мы увидимъ далѣе. [поэтому мы отнесемъ его къ числу буквъ придыхательныхъ.

Современемъ *ѣ* и *ѧ*, какъ звуки гласные, стали исчезать, или совсѣмъ дѣлаясь неслышными, или замѣняясь явственною гласною. При всемъ томъ они сохранили особенное значеніе въ нашемъ языкѣ и доннынѣ удержались въ письмѣ. Смягченіе звуковъ, какъ мы сказали, проходить черезъ весь составъ русскаго языка; здѣсь случается смягченіе не только гласныхъ, но и согласныхъ; *ѣ* и *ѧ*, сдѣлавшись нѣмыми знаками, явились указателями, какъ должно произносить согласную — твердо или мягко. На концѣ словъ скрадываніе гласнаго звука и обращеніе его въ *ѣ* и *ѧ* составляетъ органическое свойство нашего языка и въ грамматическомъ построеніи отличаетъ его отъ прочихъ языковъ.

Въ рус. яз., равно какъ и въ другихъ индоевропейскихъ яз. весьма важенъ законъ измѣненія гласныхъ, состоящій въ усиленіи или подъѣмѣ ихъ. Усиленіе происходитъ черезъ перемѣну гласныхъ (преимущественно краткихъ на долгіе) *ѣ* на *и*: *жѣдати* (ц. с.) — *ожидать*, *ѧ* на *у*: *бѣдѣти* (ц. с.) — *будити*, на *ы*, *а*, *о*: *сыпати* — (за) *сыпать*, *мръзнѣти* (ц. с.) *мразъ* — *морозъ*, *е* на *о*: *теку* — *токъ*, *о* на *а*: *творить* — *тварь*, *и* на *ъ*, *ой*—*вѣсть* — *въсѣть*, *пѣть* — *пой* (водопой), *у*, *ы* на *ов*, *ав*:

слыти (*слуги*) слово, *слава*, а на ж: *тржсти*—*тржсѣ*, *звѣнтѣ* — *звонитѣ*.

Полусогласные или плавные. § 10. Переходъ отъ гласныхъ звуковъ къ согласнымъ составляютъ полусогласные *м*, *н*, *л*, *р*, которые у насъ называются *плавными*. Плавные звуки, по своему происхожденію, весьма близки къ гласнымъ. Мы видѣли, какъ *м* и *н* составили носовые, обратившіеся у насъ въ *у* и *я*. Они весьма важны въ этимологіи, часто видоизмѣняя корни, то вставляясь, то исчезая, замѣняясь гласною.

Въ смыслѣ этимологическомъ *л* и *р* совершенно тождественны и безпрестанно смѣшиваются во всѣхъ языкахъ; у насъ, напр., вмѣсто *прорубь* говорятъ *пролубь*, изъ нѣм. Ritter образовалось старинное *лицарь* вм. *рыцарь*; Februarius—*февраль* вмѣсто *феврарь* и др.

Согласные губные. § 11. Переходъ отъ полусогласныхъ къ согласнымъ составляетъ звукъ *м*. Будучи павною буквою, *м* въ то же время и губная по органу произношенія. Мы видѣли, какъ носовой звукъ *м* переходитъ въ *у*; это же *у*, какъ губная гласная, твердѣетъ въ губахъ, не распространяясь далѣе, и производитъ согласный губной звукъ *в*. Близкое родство этихъ двухъ звуковъ доказываютъ почти всѣ языки. Измѣненіе *у* въ *в* безпрестанно видимъ въ латинскомъ языкѣ, гдѣ является и одинакое начертаніе ихъ: Januarius, Augustus мы стали произносить *январь*, *августъ*, французы Janvier: изъ стариннаго слова *заутра* произошло наше *завтра*. Въ нарѣчіяхъ новгородскомъ и малорусскомъ *у* и *в* замѣняются одно другимъ: *учора*, *вторникъ*, *унукъ* (Нест.), *у городи* вмѣсто *вчера*, *вторникъ*, *внукъ*, *въ городѣ* или *вжг*, *вмираю* вм. *уже*, *умираю*.

Другіе губные звуки *б*, *п*, *ф*.

Близкое родство *в* и *б* выказывается во многихъ языкахъ, гдѣ часто одно замѣняется другимъ: слова, взятые нами у грековъ, *Авель*, *февраль*, соотвѣтствуютъ латинс. Abel, Februarius.

Согласные звуки можно раздѣлить на *ясные* (*б, в, г, д*) и *глухіе* (*п, ф, к, т*). Любовь къ благозвучію въ русскомъ языкѣ замѣчается въ стремленіи согласовать однохарактерные звуки, т. е. ясные съ ясными, глухіе съ глухими. По этому стремленію *б* въ произношеніи у насъ обращается въ глухую губную *п* передъ глухими согласными звуками и передъ *з*, хотя въ письмѣ мы и не позволяемъ такого измѣненія, напр. *голубка, обходъ, зубъ* произносимъ *голупка, опходъ, зупъ*.

Подобно *б*, и *в* имѣетъ соотвѣтственную себѣ глухую губную въ *ф*. Этотъ звукъ не принадлежитъ къ первоначальнымъ согласнымъ славянскаго языка; онъ образовался у насъ какъ отвердѣлое *в*. Собственно онъ чуждъ славянскому языку, потому что не выказывается ни въ одномъ славянскомъ корнѣ; тамъ всѣ слова съ буквою *ф*—слова чуждаго происхожденія. Только русскій языкъ и то, судя по рукописямъ, во время недавнее, весьма полюбилъ *ф* изъ своего стремленія къ благозвучію. Передъ глухими согласными и передъ *з* въ выговорѣ *в* дѣлается глухимъ и обращается въ *ф*, напр. *лавка, ловъ, въ саду, въ тупикъ* произносятся *лафка, лофъ, ф-саду, ф-тупикъ*. Такимъ образомъ *ф* безпрестанно слышится въ напихъ устахъ, но въ письмѣ встрѣчается изрѣдка, только въ немногихъ словахъ, потому что, кромѣ роли благозвучія, онъ у насъ не играетъ никакой роли въ этимологическомъ составѣ языка.

Губная придыхательная. § 12. Въ русскомъ языкѣ звукъ *в* часто не что иное, какъ губное придыханіе. Русское ухо послѣ гласной не терпитъ другой чистой гласной; не всегда также сноситъ чистый гласный звукъ въ началѣ слова; въ этихъ случаяхъ мы обыкновенно утончаемъ гласные звуки придыханіемъ; употребляемъ или придыханіе гортанное, которое сливается съ гласной въ одинъ звукъ, въ гласную придыхательную (*е, я, ю*): *язъ, яко, армія* вм. *азъ, акъ, арміа*, или придыханіе губное *в*, раздѣляя обѣ чистыя гласныя: *Ларивонъ, Радивонъ, Иванъ* вм. *Ларіонъ, Родіонъ, Іоанъ*, также въ началѣ слова: *вострый, воспа, вотчина, восемь* вм. *острый, оспа, отчина, осемъ*. Безъ этихъ придыханій въ срединѣ слова у насъ осталось немного словъ: напр. *паукъ, прибаутка*,

караулъ, которыя, впрочемъ, въ устахъ у нѣкоторыхъ слышатся *навукъ*, *прибавутка*.

Родство губныхъ съ плавными. § 13. Тѣсное родство между губными и плавными звуками даетъ имъ возможность переходить взаимно изъ одного въ другой: Переходъ *в*, а по немъ и *у* въ *л* и обратно существуетъ во многихъ языкахъ; такъ во фран. изъ *général* произошло *généraux*; изъ латинск. *falsus*, *mala* составились *faux*, *maux*. Въмѣсто нашихъ словъ *волкъ*, *молнія*, сербы говорятъ: *вовкъ*, *муня*, малороссіяне также обращаютъ *л* въ *в*; у насъ *сочельникъ* вмѣсто *сочевникъ* (отъ сочево); въ народномъ говорѣ: *слободно*, вм. *свободно*, *пойло*, *пойво* и нѣк. др.

Губная *в* въ народномъ говорѣ нерѣдко измѣняется въ *м*, напр. *пѣши* и *пѣшии*, *ходивши* и *ходимши*.

Благозвучіе плавныхъ л и н. § 14. Когда послѣ губныхъ звуковъ слѣдуетъ гласная придыхательная, тогда является слогъ какой-то разслабленный, котораго чуждается русское ухо, не находя въ немъ благозвучія. Здѣсь благозвучіе возстановляетъ буква *л*, вставляясь между гласною и согласною: *купить*—*куплю*, *купленный*, *рубить*—*рублю*; *корабль*, *земля* (земь) и др. Впрочемъ, нужно замѣтить, что это бываетъ не въ корнѣ слова, а въ окончаніи. Буква *л* въ качествѣ носовой сочетается съ губными безъ всякаго посредства *л*, напр. *время*, *любятъ*, *терпя* и проч., здѣсь *я*—юсовое (ен). Слово голубь не принимаетъ *л*, такъ какъ *з* здѣсь произошло изъ *и*, точно такъ же *лубь* и друг. жен. на *з* соответствующее древнему окон. *и*.

Звукъ *н* съ древнѣйшихъ временъ употреблялся въ русскомъ языкѣ для благозвучія—между предлогами и словами, начинающимися гласною, такъ вм. *за имъ*, *отъятъ*, *заимать*, *взудать*, *взушать*, *сзискать*, говорятъ: *за нимъ*, *отнять*, *заимать*, *взнуздать*, *внушать*, *снискать*. Впрочемъ, нашъ современный языкъ не всегда прибѣгаетъ къ этому благозвучію; теперь говорятъ: *сѣдать*, *войду* вм. *сидать*, *виду*.

Согласные гортанные, язычные и зубные. § 15. Къ чистымъ согласнымъ звукамъ еще принадлежатъ *гортанные, язычные и зубные*. Гортанные *г, к, х* имѣютъ между собою соотвѣтствіе. Буква *г* въ русскомъ языкѣ произносится двояко: иногда она приближается болѣе къ звуку *к* (соотвѣтствуя латинс. *g*) *врага, муга*, иногда къ звуку *х* (соотвѣтствуя латинс. *h*) *блага, Бога*; отъ того звукъ *г*, будучи яснымъ, передъ глухимъ *з* звучитъ то какъ *к*, то какъ *х*: *другъ* (дру*к*ъ), *лу^г* (лу^къ), *Богъ* (Бо^хъ), *Петербургъ* (Петербур^хъ) и др. У насъ есть два слова, въ которыхъ коренная буква *к* превратилась въ письмѣ въ *г*, а въ произношеніи въ *х*: *идъ* (хдѣ) изъ *кдъ* (см. въ древнихъ рукопис.) и *мякій* (мяхкій) изъ *мяккій* (мякоть); *дѣла, дѣла, дѣла, дѣла*.

Въ старорусскомъ языкѣ гортанные звуки не терпѣли послѣ себя *и* и придыхательныхъ гласныхъ и весьма удобно сочетались съ твердою *и*: *Кыевъ, хытитъ*; въ современномъ же языкѣ наоборотъ: *и* сдѣлалось неудобопроизносимое послѣ гортанныхъ и постоянно переходитъ въ *и*.

Къ разряду язычныхъ согласныхъ принадлежатъ два звука: ясный *д* и глухой *т*. Въ русскомъ языкѣ между гортанною *к* и язычною *т* замѣчается соотвѣтствіе; первая нерѣдко измѣняется во вторую передъ гласными *и, е, ѣ*, напр. *паукъ—паутина, искать—истецъ, блескъ—блестѣть, Евдокія—Авдотья*; въ старорус. изъ *человѣчeskый—человѣчeskій*. Мы можемъ также представить нѣсколько примѣровъ, гдѣ *г* смягается въ *д*; изъ нѣмец. *Krengel* составилось рус. *крендель*; слово *ангель* въ народномъ говорѣ иногда слышится *андель*; въ лѣтописяхъ вмѣсто *Гюрги* (Георгій) иногда встрѣчается *Дюрги*.

Язычныя *д* и *т* въ русскомъ говорѣ иногда являются какъ придыханія къ *р* и *к*, напр. *страмъ, стрѣтитъ, Индрикъ* вм. *срамъ, стрѣтитъ, Генрихъ*. Въ польскомъ и чешскомъ языкахъ звукъ *д* весьма часто появляется передъ *л*: *модлтва* (молитва), *радо* (радо), *мыдло* (мыло).

Зубные звуки *з, ц, с* въ большомъ соотвѣтствіи съ гортанными, которые нерѣдко въ нихъ измѣняются по вліянію гласнаго придыхательнаго. Въ ц. слав. и въ старорус. яз. измѣненіе это было постоянное передъ *и* и *ѣ*: *г* измѣнялось

въ *з*: *друзъ—друзи—друзьхъ*, *к* въ *ц*: *внукъ—внуци—внуцьхъ*, *х* въ *с*: *духъ—дуси—дусьхъ*. *З* передъ глухими согласными и *з* звучитъ въ произношеніи какъ *с*: *лазъ* (гласъ) и наоборотъ *с* передъ ясными произносится какъ *з*, *сдѣлатъ* (здѣлать): *просьба* (прозьба). Въ письмѣ *с* перешло въ *з* въ словѣ *здѣсь* изъ *сдѣ* (см. стар. рукоп.).

Согласные придыхательные или пипящіе. § 16.

Позднѣйшее образованіе принадлежитъ согласнымъ звукамъ *ж*, *ч*, *ш*, которые можно назвать *придыхательными*; они существуютъ не во всѣхъ языкахъ и составились изъ чистыхъ согласныхъ съ помощью зубнаго придыханія. Такимъ образомъ, эти звуки ближе всего къ зубнымъ; въ нѣкоторыхъ грамматикахъ они и причисляются къ разряду зубныхъ. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь между *з* и *ж*, *ц* и *ч*, *с* и *ш* слышится звуковое родство. Ребенокъ, начиная говорить, вмѣсто *ж*, *ч*, *ш* употребляетъ *з*, *ц*, *с*. Въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ они часто замѣняютъ другъ друга. Къ нимъ принадлежитъ и сложный звукъ *щ*, сложившійся изъ звуковъ *сч* и *шт*. Замѣчательно, что этотъ звукъ распространенъ особенно въ ц. слав. языкѣ; въ русскомъ же ему соответствуетъ *ч*, (въ польск. *ц*); такъ, напр., *т* въ ц. слав. измѣняется въ *щ*, въ рус. въ *ч*; *святить* ц. с. *свѣща*, рус. *свѣча*.

Д смягчается въ ц. слав. въ *жд*:—*видѣти—вижду*, въ рус. въ *ж*: *вижу* (въ польск. *дз*). Впрочемъ, есть слова, оставшіяся безъ смягченія: *господъ*, *господство*, *будъ*. Это зависитъ отъ свойства самого *з*, которое здѣсь происходитъ изъ *и*.

Гортанные звуки, смягчаясь въ *з*, *ц*, *с*, переходить и на вторую степень смягченія передъ придыхательными *е* и *з*, т. е. въ придыхательные *ж*, *ч*, *ш*, напр. *друзъ—друзе*, *дружескій*, *внукъ—внучекъ*, *духъ—душе* (стар. зв. пад.).

Вотъ таблица перехода согласныхъ звуковъ:

г	д	з	ж
к	т	ц	ч
х	—	с	ш

Примѣч. 1. Это измѣненіе замѣтно и въ другихъ языкахъ, хотя и не въ такой степени, какъ въ славянскихъ. Такъ греч. *κ* въ

латинск. измѣняется въ *и* (*κύκλος*—*cíclus*); латин. *и* (*с*) въ итальянс. передъ тонкими *i*, *e* въ *ч* (*cíсего* произносится *чичеро*), латин. *g* (*г*) во француз. передъ *i*, *e* въ *g* (*ж*). въ итальянс. въ *дж*, (л. *gens*. ф. *gents*, ит. *gente*—дженте), или лат. *o*, фр. *j*, ит. *g* (дж.)—лат. *diurna*, ф. *journée*, ит. *giorno*); *t* передъ *i* произносится какъ *ч*.

Современный русскій языкъ нѣсколько удалился отъ старославянскаго въ измѣненіи звуковъ. У насъ гортанные уже не имѣютъ постоянно двухъ степеней измѣненія: въ язычные передъ *и* и *ѣ* и въ придыхательные передъ *е* и *ѡ*, но прямо переходятъ въ послѣдніе. Они стали при себѣ въ окончаніи терпѣть гласные *и* и *ѣ*; поэтому при встрѣчѣ съ ними не измѣняются въ соотвѣтствующіе зубные, а остаются безъ всякаго измѣненія; мы говоримъ *бои*, а не *бози*, *о полкъ*, а не *о полицъ*. Иногда впрочемъ, они переходятъ въ придыхательные, наприм. *дружить* (другъ), *сушить* (сухъ). Какъ остатокъ стараго измѣненія представляютъ намъ слова: *друзья* (*друзіе*) отъ *другъ*, *осязать* (сязать), *воздвизать* (двигать), *порицать* (реку), *зерцало*, *созерцать* (зракъ), *проницать* (никну) и др.

Придыхательные согласные не терпятъ послѣ себя придыхательныхъ гласныхъ, а тотчасъ обращаютъ ихъ въ чистые: *ѣ* здѣсь обращается въ *а*. Въ старорус. яз. было наоборотъ: писали *ножь*, *мечь*, *грьшю*, *мажю*, что было правильнѣе, потому что *ж*, *ч*, *ш* образовались изъ чистыхъ согласныхъ при встрѣчѣ съ придыхательными гласными, которые и должны были бы при нихъ остаться; но въ современномъ языкѣ они твердѣютъ въ произношеніи и такими переходятъ въ письмо; здѣсь мы исключаемъ только слова женскаго рода на *ѡ*, потому что *ѡ* не приличенъ этому роду: *мышѡ*, *спѡч* и проч.

Примѣч. 2. Въ говорѣ согласные звуки, подобно гласнымъ, иногда принимаютъ самое легкое утонченіе, котораго мы не выражаемъ въ письмѣ, такъ, напр., *привѣтствіе*, *бѣдствіе*, *медвѣдь*, *хлѣбникъ*, *возоди*, *пѣсня* произносимъ: *привѣтствіе*, *бѣдствіе*, *медвѣдь*, *хлѣбникъ*, *возоди*, *пѣсня*. Такое утонченіе происходитъ по требованію благозвучія, отъ слѣдующаго мягкаго слога. Совсѣмъ иначе звучать тѣ же буквы въ словахъ *привѣтний*, *бѣдный*, *хлѣбный*, *возодокъ*; здѣсь онѣ не имѣютъ утонченія, потому что слѣдующій слогъ звучитъ твердо (см. статью профес. Грота: „Особенности звуковъ русскаго языка“, въ журн. Мин. Нар. Просв. LXXIV т.).

Сочетаніе звуковъ. § 17. Не всѣ и согласные звуки могутъ сочетаться между собою. Самые удобные для сочетанія во всѣхъ языкахъ являются звуки плавные, которые сообщаютъ легкость и звучность слову. Они удобно сочетаются не только со всѣми другими согласными, но и между собою (напр. *мракъ, нравъ, много*). Впрочемъ передъ *н* часто выпадаютъ губные, язычные и гортанные *и, к*: *вянутъ* (вяд), *свиснутъ* (свист), *глянутъ* (гляд), *тонутъ* (топ), *двинутъ* (двиг), *тиснутъ* (тиск). Другіе же согласные *одноименные* сочетаются съ большимъ трудомъ: ни губные съ губными, ни язычные съ язычными и пр. При случайной же ихъ встрѣчѣ въ старорус. яз. одинъ изъ нихъ скрывался; такимъ образомъ составились слова: *облако, ободъ, вм. обалако* (влачить), *обводъ* и др. Въ современномъ языкѣ при встрѣчѣ съ предлогами не соблюдается этотъ законъ: у насъ говорятъ: *обводный* каналъ.

Кромѣ плавныхъ, удобные для сочетанія съ согласными являются *в* и *с*. Стеченіе трехъ, четырехъ и пяти согласныхъ передъ гласною въ русскомъ языкѣ возможно только тогда, когда въ числѣ ихъ будутъ упомянутые звуки: съ ними мы можемъ легко произносить слова, какъ, напр., *встрѣча, вскрытъ, къ вскрытію* и др.

Въ случаѣ стеченія нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ, труднаго для выговора и непріятнаго для слуха, у насъ есть средство облегчить выговоръ и удержать надлежащую плавность слоговъ:

1) Главное средство есть употребленіе *бѣглыхъ гласныхъ*, которые не имѣютъ существеннаго значенія, какъ звуки *постоянные*, принадлежащіе или корню слова, или служащіе отличіемъ какой-нибудь грамматической его формы. Бѣглые звуки являются въ словѣ единственно для облегченія выговора, и тотчасъ исчезаютъ, какъ скоро и безъ нихъ можно легко произнести слогъ; отъ того они и названы *бѣглыми*; напр. въ словахъ *овецъ*, *сестеръ* буква *е* бѣглая и не принадлежитъ корню: *сестра, овца*; равно какъ и въ словѣ *отецъ* *е* не есть коренная, а бѣглая, потому и выбрасывается въ косвенныхъ падежахъ (отца, отцу). Въ старыхъ рукописяхъ на мѣстѣ бѣглыхъ гласныхъ постоянно встрѣчаются *ъ* и *ь*.

Бѣглыми буквами бываютъ *о* и *е*: *шоръ*, *ядеръ*, *оконъ*. Буква же *ѣ* никогда не бываетъ бѣглою. Бѣглымъ гласнымъ обыкновенное мѣсто въ срединѣ словъ; въ началѣ же и въ концѣ онѣ появляются весьма рѣдко, какъ напр. *оржаной* (простонар.) вм. *ржаной*; *со*, *во* вм. *сѣ*, *вѣ*.

2) Ни одинъ языкъ не любитъ стеченія гласныхъ и стараются избѣгать его тѣмъ, что скрытно или явно вставляетъ между гласными придыханіе или согласный звукъ. У грековъ на этотъ случай была буква, называемая *диамма*, которая въ латинс. языкѣ замѣнена *f*, *v*, *s*, *g*. Въ русскомъ языкѣ, какъ мы уже говорили, по большей части вторая гласная обращается въ соответствующую придыхательную. Но бываютъ случаи, когда нужно сохранить обѣ гласныя чистыми, тогда употребляютъ согласныя придыхательныя, по большей части *в* и *х*: *давать*, *одѣвать* (п. с. даяти, одѣяти), *знахарь* (вм. знаарь отъ знать), *слухъ*, *духъ* (отъ слыть, дуть), *жхати* (благоухать, отъ *ан* съ придыхан. *в*—вонь)—дуть.

Примѣч. Въ качествѣ придыханія въ началѣ словъ является иногда и *г*, напр. въ словахъ *годъ*, *гора*, *мнѣздо*, *грабить*, которыхъ чистые корни представляются въ словахъ: греч. *ѣтосъ*, *ѣросъ*, латин. *nidus*, нѣм. *Nest*, латин. *garjo*.

3) При соединеніи гласныхъ въ языкѣ наблюдаютъ также *уподобленіе* (Граммат. Буслаева, часть I, стр. 49):

„Если стоятъ рядомъ два гласные звука, различные по выговору, то одинъ изъ нихъ или вполне измѣняется въ другой, или къ нему приноровляется: въ первомъ случаѣ уподобленіе бываетъ *п о л н о е*, во второмъ—*н е п о л н о е*. Примѣръ полного оказывается въ предложномъ падежѣ единственного числа существительныхъ, оканчивающихся на *й* и *е*, съ предшествующимъ *і*, и въ дательномъ и предложномъ именъ на *я*, съ предшествующимъ *і*, напр. *о Василии*, *во мнѣніи*, *Софѣи*, *на линіи* (вм. *о Василіи*, *во мнѣніи*, *Софѣи*, *на линіи*). Потому и въ правописаніи такія слова отступаютъ отъ общаго правила, по которому предложный и дательный падежъ оканчиваются на *ѣ*. Если звукъ *і*, предшествующій звукамъ *й*, *я*, *е*, переходитъ въ *ъ*, то уподобленіе становится ненужнымъ; тогда въ дательномъ и предложномъ падежахъ, вмѣсто *и*, оказывается первоначальный

ъ, напр. *Софѣя, Софѣтъ, о Софѣтъ*. Въ именахъ, оканчивающихся на *е*, слышится *ъ* явственно, когда на этомъ послѣднемъ звукѣ стоитъ удареніе, напр. *о житѣтъ*, безъ ударенія же *ъ* смѣшивается съ *и*, какъ въ выговорѣ, такъ и на письмѣ: напр. *на ученѣи* и *на ученѣтъ*.

„Неполное уподобленіе оказывается въ переходѣ мягкихъ *я, ъ, ѣ* и друг. въ *е*; и твердыхъ *а, ѡ* и друг. въ *о*; напр. *путь-ѡ — пут-е-мѡ, дом-ѡ — дом-о-мѡ, вой — во-и-нѡ, во-е-ватѣ, мудр-ѡ — мудр-о-ватѣ*, цс. *ѣ* (*сей*)—*с-е-ю*, *с-е-му* и проч.; цс. *тѣ* (*тотѣ*) *т-о-ю*, *т-о-му* и проч.; въ словахъ сложныхъ, напр. *пут-е-шестѣіе*, при словѣ *пут-ѡ*; *вод-о-надѣ*. при словѣ *вод-а*. Отступленіе отъ этого закона замѣчается въ сложныхъ: *кро-ѡ-пролитіе*, вм. *кров-е-пролитіе*, *чест-о-любіе*, при словахъ: *кров-ѡ, чест-ѡ*.

„Важнѣйшій случай уподобленія полного оказывается въ церковнославянскомъ склоненіи именъ прилагательныхъ, состоящемъ въ приставкѣ мѣстоименія *и, ѡ, ѣ*, родит. *ѣго*, дат. *ѣмоу* и проч., къ краткимъ окончаніямъ прилагательныхъ. Въмѣсто *нѣка-ѣго, нѣкоу-ѣмоу*, обыкновенно употребляются, въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ, формы, образовавшіяся чрезъ уподобленіе гласныхъ: *нѣка-ѡго, нѣкоу-ѡму* и проч.; но встрѣчаются и въ древнѣйшемъ видѣ, то есть безъ уподобленія; напр. въ Супр. рук. *осужденноу-ѣмоу* (*осужденному*), въ болгарскомъ Паремѣйникѣ XII в.: *тверда-ѣго* (*твердаго*), *крѣпка-ѣго* (*крѣпкаго*) и друг.“

4) Иногда въ произношеніи и даже въ письмѣ выпускается одна изъ согласныхъ буквъ, напр. *семѣ* вм. *седмѣ*, *полтора* вм. *полетора*, *обычай* вм. *обвычай*; *велѣ*, *налѣ*, *пѣмѣ* вм. *ведѣлѣ*, *надѣлѣ*, *пѣдѣлѣ*; говорятъ: *сонце*, *честный* вм. *солнце*, *честный*, или *поддѣчій* вм. *поддѣчій* (отъ сл. *дѣякъ*).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Словообразованіе.

Какъ составляются названія предметовъ и явленій. § 18. Народъ не безсмысленно соединяетъ звуки въ слова для выраженія извѣстнаго явленія или предмета, но составляетъ слова по впечатлѣнію, какое производитъ явленіе или предметъ на его чувства; такъ, напр., *чернецъ, черника, голубика, свѣтлица, свѣтлякъ, юрница, вершина* выражаютъ впечатлѣніе отъ цвѣта, свѣта, положенія. Такія слова всегда живописны, потому что намъ рисуютъ предметъ, выказывая его главное свойство, или качество, которымъ онъ сильнѣе всего поражаетъ. Но разбирая слова въ языкѣ, мы видимъ, что не всѣ изъ нихъ намъ выражаютъ впечатлѣніе; многія лишь отвлеченно представляютъ предметъ, не рисуя его, а только напоминая о немъ. Съ другой стороны, сравнивая языки, находимъ, что нѣкоторые предметы во многихъ языкахъ выражаются одними и тѣми же или очень сходными звуками (*море*, лат. *mare*, нѣм. *Meer*; *мереть*, лат. *morire*; *матерь*, лат. *mater*, нѣм. *Mutter*, перс. *Мадеръ*; лат. *pater*, нѣм. *Vater*, рус. *бать**); *братъ*, лат. *frater*, нѣм. *Bruder*, перс. *берадеръ*; *сестра*, шведс. *sister*; *дочь* (дочерь), нѣм. *Tochter*, перс. *духтеръ* и м. д. Другіе же, напротивъ, имѣютъ весьма различныя названія.

Точно также представляются и нѣкоторыя грамматическія формы, сходныя въ индоевропейскихъ языкахъ. Изъ всего этого заключаютъ, что, прежде чѣмъ предки индѣйцевъ, персіянъ распространились на югъ, а предводители греческихъ, латинскихъ, кельтскихъ, тевтонскихъ и славянскихъ колоній двинулись къ берегамъ Европы, существовало незначительное племя, какъ догадываются, на самой возвышенной части средней Азіи, говорившее языкомъ ни санскритскимъ, ни греческимъ, ни германскимъ, но содержащимъ діалектическіе зачатки всѣхъ этихъ языковъ. Его называютъ арійскимъ

*) *Отецъ* во фризскомъ языкѣ *oti* и *täte*, равносильное нашему *татя*.

племенемъ. Оно имѣло уже земледѣльческую цивилизацію, признавало кровныя связи, считало священными узы брака и призывало съ небесъ Бога тѣмъ же именемъ, которое и теперь еще можно слышать во многихъ храмахъ языческихъ и христіанскихъ. Наконецъ, изъ этого первобытнаго языка начали выдѣляться вѣтви; онѣ, унося съ собою корни и слова, стали развиваться отдѣльно. Вотъ отчего во всѣхъ упомянутыхъ языкахъ мы находимъ много одинакихъ словъ, словъ по большей части первой потребности; это ихъ общее наслѣдіе. Съ теченіемъ времени значеніе корней забылось, слѣдовательно исчезло и выраженіе впечатлѣнія отъ предметовъ; слова, прежде живописныя, сдѣлались однимъ названіемъ предметовъ, обратившись въ простые звуки. Каждый языкъ, какъ мы сказали, сталъ развиваться отдѣльно: въ каждомъ явилась потребность въ новыхъ словахъ, при встрѣчѣ народа съ новыми явленіями и предметами; у каждого явились уже свои слова, звучащія различно, хотя всѣ они составились по одному способу—по впечатлѣнію на чувства; но впечатлѣнія были различны: одинъ и тотъ же предметъ привлекалъ вниманіе каждого народа своей особенной стороною.

Иногда одинъ и тотъ же предметъ получалъ для себя два и даже много названій, потому что производилъ разное впечатлѣніе двумя или нѣсколькими сторонами, напр. *инокъ* и *чернецъ*, въ первомъ случаѣ своимъ уединеніемъ (*инъ—одинъ*), во второмъ цвѣтомъ платья. Вотъ начало словъ *синонимическихъ*. Изобиліе синонимовъ особенно представляется при началѣ развитія языка. Молодой народъ живо принимаетъ всѣ впечатлѣнія и сообразно съ ними даетъ названіе предмету. Достаточно одного какого-либо признака, казавшагося особенно характеристическимъ наблюдательному уму, чтобъ было произведено новое названіе. Солнце, напр., могло быть названо свѣтомъ, теплотою, золотымъ, предохранителемъ, разрушителемъ, волкомъ, львомъ, небеснымъ глазомъ, отцомъ свѣта и жизни, и получить болѣе двадцати другихъ именъ, какъ встрѣчаемъ въ санскритскомъ языкѣ. Или тамъ же попадаетея *одинадцать* названій для свѣта, *пятнадцать* для облака, *двадцать* для мѣсяца, *двадцать шесть* для змѣи, *тридцать*

три для убійцы, *тридцать пять* для огня. Вслѣдствіе такого обилія синонимическихъ словъ въ языкѣ является между ними *борьба за существованіе*, какъ въ природѣ между родами животныхъ, сильными и менѣе сильными. Она ведетъ къ уничтоженію менѣе сильныхъ, менѣе удачныхъ словъ и оканчивается торжествомъ *одного* признаннаго и приличнаго имени для каждаго предмета въ каждомъ языкѣ. Такъ, напр., изъ четырехъ словъ *инокъ*, *чернецъ*, *отшельникъ*, *монахъ*, у насъ осталось въ употребленіи послѣднее. Изъ двухъ словъ *конь* и *лошадь* послѣднее вытѣсняетъ первое. Или нѣкоторыя слова народныя вытѣснены въ литературномъ діалектѣ церковнославянскими, какъ, напр., нравъ — норовъ, мракъ — морокъ, пещера — печора.

Если въ первоначальномъ языкѣ было весьма большое число синонимовъ, то очень понятно, что греки могли удержать одно названіе, римляне другое, славяне третье и пр., и слѣдственно языки, происшедшіе изъ одного источника, современемъ могли развить совершенно различную номенклатуру даже для самыхъ обыкновенныхъ предметовъ.

Хотя иногда одинъ и тотъ же предметъ въ разныхъ языкахъ и носить разныя названія, но если разобратъ ихъ происхожденіе, то окажется, что они составились по одному и тому же впечатлѣнію, такъ напр., *душа* отъ слова *дуть*, *дышать* и латин. *anima* отъ корня *an*, означающаго также *дуть*; отъ него же составилось греческое *αἰμος* (*aiemos*) и санскрит. *anīla*, что значитъ *вѣтеръ*, точно такъ же, какъ наше слово *вѣтеръ* отъ *вѣять*, равносильнаго *дуть*. Въ англійскомъ и готтскомъ языкахъ душа (*soul*, *saivala*) получила названіе уже по другому впечатлѣнію. Оно произошло отъ корня *siv* — колебаться. Слѣдовательно, тевтонскія племена представляли себѣ душу какъ море, находящееся внутри человѣка, поднимающееся и опускающееся съ каждымъ вздохомъ и отражающее небеса и землю въ своемъ зеркалѣ *).

Такимъ образомъ, отыскивая корни, можно узнать, почему предметъ получилъ такое-то названіе. Такъ мы узнаемъ, что

*) Лекціи М. Миллера.

мысль (mensis, Mond) значить измѣритель, *солнце* (sol, Sonne) родитель, мужъ (мжжъ, нѣм. Mensch и Mann отъ одного корня *man*—думать) мыслитель; латин. homo, француз. homme отъ корня *humus* земля—сдѣланный изъ земли; *работа* отъ корн. *ar* (нѣм. Arbeit) пахать, слѣдственно *паханіе*, трудъ спеціальный надъ землею; это—первоначальное значеніе слова, которое мало-по-малу стало выражать вообще всякій трудъ. Отъ этого же корня *рабъ*—папушій, уменьшительное *рабенокъ* или *ребенокъ*.

Иногда вслѣдствіе фонетическаго искаженія или измѣненія слова не вдругъ можно найти корень, хотя онъ и существуетъ въ языкѣ, какъ напр., *жертва*, *жерло* отъ корня *юрптъ* обыкновенное измѣненіе *г* въ *ж*), отсюда же слово *юрло* уподобляющееся *жерлу*, отсюда и слово *жрать*; отъ *юрла*—*ожерелье* (*г*, измѣн. въ *ж*). Или слово *колодезь*, *кладязь* отъ корня *холодъ*, *хладъ* (смѣшеніе звуковъ *к* и *х*, какъ *хрестыанинъ*—крестьянинъ, пасха—паска, крестъ—хрестъ, хороводъ—короводъ и пр.); точно такъ какъ *студенецъ* отъ *студеный* (холодный), или готтское *kalding* (колодець отъ *kald* (холодъ)).

Иногда слово теряетъ свое первоначальное значеніе и по какой-либо аналогіи принимаетъ другое, тогда вмѣсто него является новое съ первымъ значеніемъ. Такъ напр., слово *чинъ*, принявъ значеніе оффиціальнаго отличія, замѣнилось словомъ *порядокъ*; но производныя отъ него сохранили первоначальное значеніе, *читно* (въ порядкѣ), *чинить* (приводить въ порядокъ), *сочинять* (приводить въ порядокъ или въ одно цѣлое нѣсколько мыслей). Или французское *le pasteur*, происходя отъ латинскаго *pastor* (пастухъ), стало означать священника, какъ наше—*пастыръ*, тогда вмѣсто него явилось слово *berger* отъ *berbe* баранъ.

Нерѣдко въ языкѣ усваиваются слова иностранныя вмѣстѣ съ предметами, которые первоначально привозятся изъ чужой земли. Такъ въ русскій языкъ въ древнѣйшія времена, вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ Персією, перешли персидскія слова: *шолкъ*, *парча*, *чемоданъ*, названія драгоценныхъ камней: *яхонтъ*, *сафиръ*, *бирюза*, *алмазъ* (арабск.), также *жемчугъ*; съ принятіемъ христіанства перешло много словъ

греческихъ вмѣстѣ съ церковными предметами: *діаконъ*, *архіерей*, *монахъ* и др.; во время татарскаго ига много словъ отъ татаръ: *армякъ*, *кафтанъ*, *кушакъ*, *балыкъ*, *казна* (араб.), *харчъ* (перс.), *изъянъ* (персид.) *лошадь* и др.; съ эпохи преобразования стало входить довольно словъ изъ европейскихъ языковъ.

Въ нашемъ литературномъ языкѣ составилось нѣсколько словъ по образцу иностранныхъ, отчего, въ свое время, они встрѣчали осужденіе со стороны нѣкоторыхъ писателей, заботившихся о чистотѣ языка. Такіе *неологизмы* казались имъ дикими. Такъ, напр., Сумароковъ нападалъ на слова *предметъ* (*subjectum*), *преслѣдовать*, *обнародовать*, называя ихъ странными изображеніями и безобразными рѣченіями *). Или Пшпиковъ осуждалъ Карамзина за употребленіе новыхъ словъ: *будущность*, *вліяніе* (*influence*), *переворотъ* (*revolte*), *развитіе* (*developement*), *уточенный* (*raffiné*), *сосредоточить*, (*concentrer*), *трогательно* (*touchant*), *занимательно* (*interessant*) **). Но употребленіе узаконило въ языкѣ эти слова, безъ которыхъ теперь мы не можемъ и обойтись.

Какъ одинъ предметъ или одно явленіе можетъ поразить насъ нѣсколькими своими сторонами, конечно въ разное время, и слѣдственно будетъ производить и разныя впечатлѣнія, а по нимъ вызывать и разныя названія, т. е. *синонимы* (хитрый-лукавый, путь-дорога), точно такъ же и нѣсколько предметовъ и явленій могутъ произвести одно и то же впечатлѣніе, а слѣдственно удержать за собою одно и то же названіе: отсюда являются въ языкѣ *омонимы*, т. е. однозвучныя слова съ разнымъ значеніемъ, напр. *листъ* — на деревѣ, *листъ* бумаги, *листъ* желѣзный, *труба* печная, *труба* — музыкальный инструментъ, *труба* уличная и пр.

Одинаковость впечатлѣній сближаетъ въ человѣкѣ его внутренній міръ, все, что творится въ немъ самомъ, съ міромъ внѣшнимъ, его окружающимъ, указываетъ сходство нѣкото-

*) О правописаніи ч. Х. „Не знаю только, прибавляетъ онъ, будутъ ли наши потомки сіи странныя изображенія употреблять. Будутъ къ порчѣ языка, ежели безграмотные писцы не перестанутъ марать бумаги, ибо древность и безобразныя рѣченія благообразными дѣлаеть“.

**) Разсужденіе о старомъ и новомъ словѣ.

рыхъ сторонъ ихъ, и такимъ образомъ одно явленіе какъ бы опирается на другое. При этомъ оближеніи слова изъ вѣшняго міра переходятъ въ нравственный, вслѣдствіе какой-нибудь одной общей стороны сравниваемыхъ явленій изъ того и другого міра. Слово, оставляя свое собственное значеніе, принимаетъ другое, которое и называется *переноснымъ* или *метафорическимъ*. Слѣдственно чувственное значеніе словъ древнѣе значенія нравственнаго; такъ, напримѣръ, слово *колесатый* прежде означало вертящійся колесомъ, мало-по-малу перешло въ значеніе нравственное — *перемѣнчивый*; слово *хитрый*, происходя отъ глагола *хитить* (корен. *хыт*) — *хватать*, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ имѣетъ значеніе *скараго*, *быстраго*, а у насъ въ старину означало *искусный* (хитрой работы); точно также какъ *лукавый*, происходя отъ *лукъ* (лучить-гнуть), прежде могло означать *извилистый*, извилистый (у Данила паломника: *рыбка лукава*); теперь же оба слова означаютъ извѣстныя свойства души. Еще не такъ давно слова *благородный* и *подлый* (отъ предл. *подъ*) означали происхожденіе — *дворянинъ* и *недворянинъ*, и послѣднее не заключало въ себѣ ничего оскорбительнаго и браннаго; въ наше время они приняли значеніе нравственное и стали выражать душевныя качества cadaго человека. Равнымъ образомъ слово *низкій* употребляется въ значеніи чувственномъ (низменный, не высокій) и въ нравственномъ (дурныхъ свойствъ)¹⁾.

¹⁾ „Всѣ языки представляютъ подобные же факты съ большей или меньшей степенью очевидности, смотря по тому, на сколько удалились они уже отъ первобытнаго своего состоянія. Такъ во франц. языкѣ слова *penchant*, *aversion*, *inclination* и множество другихъ выражаютъ душевныя состоянія, посредствомъ различныхъ положеній тѣла. Эти столь смѣлые переходы идей, основанные на самыхъ тончайшихъ аналогіяхъ, приводятъ насъ въ крайнее изумленіе. Нужно признать въ первыхъ говорившихъ особенное чутье природы, придававшее всему значеніе, видѣвшее душу въ мірѣ вѣшнемъ и вѣшній міръ въ душѣ. Считать чувственное состояніе, въ которомъ жили творцы языка, грубымъ материализмомъ, не понимающимъ и нечувствующимъ ничего кромѣ тѣла, значитъ впасть въ громадное заблужденіе. То была напротивъ высокая гармонія, благодаря которой человекъ видѣлъ одинъ міръ въ другомъ, выражалъ одинъ помощью другого, оба міра были раскрыты передъ нимъ. Такая параллель между міромъ физическимъ и міромъ интеллектуаль-

Такимъ образомъ *аналогія* есть другой важный способъ, по которому даются названія понятіямъ. Этотъ способъ употребляется не только для выраженія отвлеченныхъ понятій, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для чувственныхъ. Такъ та часть сапога или башмака, которою ступаютъ, называется *подошвою* (отъ сл. *шить, шовъ*). Это есть собственное, первоначальное значеніе слова, но по аналогіи оно стало означать и *ступню*, т. е. ту часть ноги человѣка, которою онъ ступаетъ; по аналогіи же со ступнею, стала называться *подошвою* и самая низкая часть горы, какъ у французовъ она называется *piéd de montagne* по аналогіи съ ногою. Название *подушки* произошло отъ того, что она подкладывается *подъ ухо*; но теперь оно употребляется для обозначенія и такихъ предметовъ, которые не имѣютъ этого значенія, какъ, напр., подушки въ электрической машинѣ. Здѣсь сходство во внѣшнемъ видѣ было источникомъ метафоры.

Изъ всего этого видно, какимъ образомъ въ языкѣ произошли *тропы*. На нихъ поэтому нельзя смотрѣть какъ на роскошь языка или какъ на простое, придуманное украшеніе; нѣтъ, они напротивъ прямо вытекаютъ изъ самой природы мыслящаго человѣка или изъ разнообразныхъ отношеній его мысли ко всему окружающему міру. Въ языкѣ каждаго народа есть свои особенныя народныя тропы, которые большею частью совсѣмъ невозможно передать тѣми же словами на другомъ языкѣ. Это происходитъ отъ того, что у каждаго народа есть своя точка зрѣнія, при сближеніи разнородныхъ предметовъ и понятій.

Въ заключеніе спросимъ, какія названія въ языкѣ образовались прежде: имена собственные — отдѣльныхъ предметовъ, индивидуальныхъ понятій, или имена нарицательныя — понятій видовыхъ и родовыхъ?

нимъ составляла отличительную черту первыхъ возрастовъ человѣчества. Въ ней объясненіе тѣхъ символовъ, посредствомъ которыхъ законы, управляющіе развитіемъ языка, перенесены въ область религіозныхъ предметовъ; въ ней объясненіе того идеалогическаго письма, дающаго мысли извѣстный физическій образъ и примѣняющаго къ письменному воспроизведенію идей тотъ же принципъ, который руководитъ воспроизведеніемъ идей помощью звуковъ". (О происхожденіи языка Эрн. Ренана).

Этотъ вопросъ разрѣшается такимъ образомъ: всѣ имена существительныя выражаютъ первоначально одинъ изъ многихъ признаковъ, которымъ предметъ поражаетъ насъ особенно, и этотъ признакъ, выражаетъ онъ качество или дѣйствіе, есть непремѣнно общее понятіе. Такъ, чтобъ назвать первый городъ *юродомъ*, нужно было, чтобъ уже существовало общее понятіе объ *огороженіи*, которое выразилось въ корнѣ *градъ*. Какъ могъ явиться этотъ корень, наука не въ состояніи объяснить; она только доискала, что каждый корень первоначально выражаетъ качество или дѣйствіе, т. е. признаки, общіе многимъ предметамъ. Лишь только явился корень, какъ названіе для того или другого предмета уже готово. Первый городъ, какъ просто огороженное мѣсто, далъ потомъ названіе всѣмъ другимъ городамъ, по аналогіи. Незначительныя различія между ними здѣсь легко упускались изъ виду, и первое имя становилось все болѣе и болѣе общимъ съ каждымъ новымъ предметомъ, къ которому оно приобщалось. Затѣмъ уже не всякое огороженное мѣсто стало называться городомъ, а только мѣсто пользующееся известными правами и съ известною обстановкою жизни. Отсюда это нарицательное названіе опять можетъ перейти въ имя собственное. Такъ въ Москвѣ та часть, гдѣ преимущественно сосредоточивается торговая дѣятельность, называется *Городомъ* вмѣсто собственного имени. Латинское имя *urbis* сначала принадлежало только древнему Риму, а потомъ стало нарицательнымъ именемъ всѣхъ городовъ. *Паладинскій* холмъ въ Римѣ далъ названіе дворцу, который былъ на немъ построенъ. Это же названіе съ теченіемъ времени распространилось и на всѣ дворцы — *palaces*, *palais*, *palazzo* и т. д. Отсюда и наше нарицательное имя *палата*, *палаты* въ смыслѣ большихъ роскошныхъ комнатъ, и потому уменьшительное *палатка*. Произнося это послѣднее слово, кто подумаетъ сразу, что оно произошло отъ собственного названія Паладинскаго холма въ древнемъ Римѣ? Такимъ образомъ аналогія мѣняетъ значеніе словъ, переводя имена собственные въ нарицательныя.

¹⁾ Лекція М. Миллера.

Примѣчаніе. 1. Трудно отыскать корни всѣхъ словъ въ языкѣ, но посредствомъ сравнительнаго изученія есть возможность найти многіе. Для примѣра возьмемъ слово *земля*, которое уже не выражаетъ никакого впечатлѣнія. Не трудно догадаться, что въ немъ буква *л* есть вставочная между губною *м* и окончаніемъ *я*, какъ придыхательною гласною, слѣд. корень его есть *земъ*, который, впрочемъ, у насъ сохранился въ выраженіи *на земъ*; Значенія корня, конечно, должно искать въ другихъ языкахъ по сравненію. Въ персидскомъ языкѣ мы находимъ слово *земинъ*, означающее то же самое, т. е. *земля*. оно, видимо, происходитъ отъ зендскаго *земо*, имѣющаго то же значеніе, но уже съ выраженіемъ впечатлѣнія; корень *земо* составляетъ глаголъ *зем* или *дзем*, одинакій съ санскритскимъ *ган* и *жан* (г—з—ж) и значить *родить*. Такимъ образомъ, теперь намъ ясно то впечатлѣніе, отъ котораго произошло названіе *земли*. Русскій народъ выразилъ это впечатлѣніе другимъ словомъ, назвавъ землю *матерью*,—*мать-земля*. По тому же самому впечатлѣнію составилось слово *жена*, соотвѣтствующее персидскому *зенъ* и греческому *υγη* (г—з—ж), гдѣ *ем* и *ен* какъ носовые легко мѣняются, равно какъ *г* и *з* легко измѣняются на придыхательную *ж*. Здѣсь мы не доказываемъ происхожденіе русскаго слова отъ персидскаго или греческаго, а только выводимъ, что всѣ они происходятъ отъ одного корня. Итакъ *жена*, какъ и *земля*, по впечатлѣнію будетъ выражать: *рождающая*. Это самое впечатлѣніе русскій народъ выразилъ въ другомъ словѣ: *родительница*. Такъ составились и составляютъ слова.

Примѣч. 2. Иногда въ говорѣ народа незамѣтно происходитъ перестановка коренныхъ буквъ въ словѣ, отъ чего часто не вдругъ можно указать на корень, напр. рус. *лодонъ* составилось изъ *долонъ* (длань), *сыворотка* изъ сыроводка, лат. *forma* (видъ) изъ корен. гречес. *μορφα* (видъ); корни словъ *рака*, *рамо*, *врачъ*, *врагъ*, *работа*, *влеку*, *лебедь* находятся также въ словахъ лат. *arca*, *armus*, нѣм. *Arzt*, *Arg*, *Arbeit*, греч. *ἐλκω*, исланд. *albpt*. Примѣровъ можно найти во всѣхъ языкахъ довольно.

Примѣч. 3. (Изъ грам. Буслаева § 154, 156):

„Синтаксическое употребленіе словъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самымъ значеніемъ ихъ, объясняемымъ посредствомъ разбора троповъ и синонимовъ.

„Участіе тропа оказывается въ предложеніи тогда, когда слово, переходя отъ одного значенія къ другому, видоизмѣняется въ синтаксическомъ употребленіи. На этомъ основывается, напр., различное управленіе одного и того же глагола. Напр. *слѣдовать*, въ значеніи первоначальномъ, наглядномъ требуетъ творит. падежа съ предлогомъ *за* (слѣдовать за кѣмъ); а въ переносномъ—дательнаго (слѣдовать кому).

„Слова, переходя отъ одного значенія къ другому, приравливаются къ извѣстному порядку однородныхъ понятій. Такъ, напр., глаголь *надѣяться*, переходя отъ первоначальнаго значенія: *полагаться на что* (*надѣяться на что*), къ значенію *ожидать*, становится понятіемъ однороднымъ съ этимъ послѣднимъ. Такія слова называются синонимами.

„Значеніе синонимовъ особенно важно въ разсужденіи управленія глаголовъ; потому что глаголь, заимствуя переносный смыслъ отъ синонимовъ, съ которыми составляетъ въ одинъ разрядъ, получаетъ то же самое управленіе, какъ и прочіе глаголы, которыми выражаются эти синонимы. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ, *надѣяться*, становясь синонимомъ глаголу *ожидать*, требуетъ родительнаго падежа такъ же, какъ и этотъ послѣдній глаголь (ожидать *чего* = *надѣяться чего*).—Еще примѣръ: глаголь *наблюдать* собственно требуетъ вин. падежа: *наблести что*, *блести что* (*хранить что*), но, будучи сближенъ съ понятіями: *слѣдить за кѣмъ*, *смотрѣть за кѣмъ*, управляетъ, какъ и эти глаголы, творительнымъ падежомъ съ предлогомъ *за* (наблюдать *за кѣмъ*); будучи сближенъ съ понятіемъ: *дѣлать опытъ надъ чѣмъ*, получаетъ управленіе, согласно съ этимъ описательнымъ выраженіемъ, принимая послѣ себя творитель-

ный падежъ съ предлогомъ *надъ* (наблюдать *надъ чѣмъ*, наблюдение *надъ чѣмъ*).

„Первоначальное значеніе слова, въ наибольшей мѣрѣ, соотвѣтствуетъ этимологическому составу грамматической формы. Такъ въ словѣ *набѣяться* первоначальное значеніе (т. е. полагаться *на что*)—объясняется самымъ производствомъ—*набѣят-ся*. Потому этотъ глаголь, въ соотвѣтствіе своему образованію, и управляетъ винит. падежомъ съ предлогомъ *на*. Равномѣрно и *наблюдать*, происходя отъ глагола *блюсти* (т. е. хранить *что*), первоначально управляетъ, какъ замѣчено выше, винит. падежомъ.

„Перенесеніе слова отъ одного значенія къ другому расширяетъ смыслъ грамматической формы, уже по требованію отвлеченной мысли. Такимъ образомъ, ставя глаголь *набѣяться* въ одинъ разрядъ съ синонимомъ *ожидать*, уже отвлекаетъ это первое слово отъ его собственнаго, нагляднаго значенія, опредѣляемаго этимологическимъ составомъ.

„Изъ сказаннаго явствуетъ, что синтаксическое употребленіе словъ бываетъ двоякое: 1) основанное на этимологической формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядное; и 2) отступающее отъ этой формы по требованію мысли, и потому отвлеченное.

„Въ исторіи языка періодъ изобразительнаго представленія предшествуетъ періоду овлеченныхъ понятій. Этотъ древнѣйшій періодъ сохранился до нашихъ временъ, частію въ письменныхъ произведеніяхъ древнерусской литературы, но преимущественно въ языкѣ народномъ современномъ, по его мѣстнымъ нарѣчіямъ.

„Господство отвлеченнаго понятія надъ изобразительностію первоначальнаго впечатлѣнія и надъ свѣжестью живой разговорной рѣчи оказалось уже въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности, отъ которыхъ ведетъ свое начало нашъ книжный языкъ. Возведеніе слова, отъ нагляднаго представленія до общаго отвлеченнаго понятія, обыкновенно совершающееся въ

языкъ по мѣрѣ умственного развитія народа, у славянъ получило свое начало отъ перевода Священнаго Писанія.—Отвлеченность церковно-славянскаго языка зависить: 1) частію отъ умственныхъ и нравственныхъ понятій христіанства, которыя нужно было передать по-славянски во всей ихъ чистотѣ: напр. *вѣра*, *надежда*, *терпѣніе*, *смиреніе*, *уговать* и пр.; 2) частію отъ реченій и оборотовъ чужеземныхъ, взятыхъ изъ греческаго языка: напр. *іерей*, *діаконъ*, *литургія*, *ангелъ* и др.; и наконецъ 3) большею частью отъ новыхъ, чисто книжныхъ реченій, составленныхъ переводчиками по образцу греческаго текста, напр. *благочестіе* (εὐσεβεία), *благородіе* (εὐγένεια), *благодущіе* (εὐψυχία) и проч.

„Направление, данное нашему языку церковно-славянскими книгами, болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ русской литературы, потому что грамотные люди учились читать и писать по церковнымъ книгамъ. Отсюда понятно, почему языкъ древнерусскихъ памятниковъ содержитъ въ себѣ значительное количество словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, и уступаетъ нынѣшнему областному просторѣчію въ изобразительности.

„Нынѣшній книжный языкъ и составившаяся подъ его вліяніемъ рѣчь образованнаго общества, какъ плодъ умственного развитія, получившаго начало со времени перевода Св. Писанія и воспитаннаго церковнославянскою литературою въ древнемъ періодѣ и вліяніемъ образованности другихъ народовъ въ новѣйшее время, отличается отъ народнаго языка господствомъ отвлеченной мысли въ словѣ надъ изобразительнымъ представленіемъ“.

Эпитеты. § 19. Мы уже сказали, что съ теченіемъ времени выраженіе перваго впечатлѣнія въ словѣ теряется, какъ скоро теряется значеніе корня, и слово дѣлается простымъ отвлеченнымъ названіемъ предмета. Но народъ, любящій все представлять живо, по впечатлѣнію, не довольствуется про-

стыми названіями предметовъ; не находя въ нихъ выраженія впечатлѣнія, онъ дополняетъ ихъ другими словами, выражающими впечатлѣніе или ту сторону предмета, которая особенно его поражаетъ. Такія дополнительные слова называются *эпитетами*, слѣд. и они вытекаютъ изъ потребности народнаго духа. Въ языкѣ многіе эпитеты перешли въ названіе: *смертный, животное, настѣкомое, всемошная*. Общность живого народнаго возрѣнія производитъ *постоянные* эпитеты, точно такъ какъ метафоры и сравненія, которыя кажутся всякому изъ народа, ихъ создававшего, самыми естественными и прекрасными, въ то время какъ чужеземцу могутъ показаться вычурными, смѣшными и нелѣпыми; здѣсь опять каждый народъ творитъ по своей риторикѣ, сообразно со своимъ взглядомъ. Въ эпическій вѣкъ древнегреческой жизни всѣ называли богиню Аэину *волоокая* (боопсѣ) или *свѣтлоокая* (глаукописѣ), богатыря — *дивный* (діосѣ), быка — *кривоногий* (ейлипусѣ), островъ — *волнообъятый* (амфіалосѣ), слово *крылатое* (птероентѣ) и проч. Все это не было кѣмъ-нибудь придумано, но вытекло прямо изъ народнаго взгляда: какое качество или свойство въ предметѣ болѣе всего поражаетъ народъ, то онъ и выражаетъ яркимъ эпитетомъ, который остается надолго, потому что народъ не мѣняетъ своего взгляда, если не измѣняются предметы или въ немъ самомъ не произойдетъ измѣненія. Съ теченіемъ времени и самые эпитеты иногда теряютъ свое живое представленіе, но они уже такъ тѣсно срастаются съ другимъ словомъ, выражающимъ извѣстный предметъ, что оно одно представляется недостаточнымъ и какъ то неполнозвучнымъ, какъ напр., у насъ въ пѣсняхъ *блгый свѣтъ, красное солнце, ясный соколъ* и м. др. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нашихъ постоянныхъ эпитетовъ, которые встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ. Всматриваясь въ нихъ, мы находимъ, что большая ихъ часть получила свое начало отъ впечатлѣнія свѣта и цвѣта. Эти два впечатлѣнія здѣсь безпрестанно сближаются и даже смѣшиваются. Сильное впечатлѣніе отъ цвѣта преимущественно передъ другими качествами хорошо объясняется слѣдующими обыкновенными выраженіями въ нашихъ сказкахъ:

„Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася,
 Что не синь во поляхъ засинѣлася,
 Не крась закраснѣлася, не чернь зачернѣлася“.

Здѣсь глазъ, прежде чѣмъ разглядить дальнѣй предметъ, старается схватить тотъ цвѣтъ, которымъ предметъ себя обозначаетъ.

Свѣтъ обыкновенно любезенъ глазамъ каждого человѣка, потому въ глазахъ народа онъ сдѣлался символомъ всего чистаго, непорочнаго производящаго въ душѣ пріятныя и сладостныя впечатлѣнія; отъ того словомъ свѣтъ часто выражается чувство любви и привязанности: *свѣтъ мой батюшка, свѣтъ мой, мои свѣты родимые*.

Примѣч. У персіанъ въ томъ же значеніи употребляется выраженіе *свѣтъ глазъ моихъ*. Впрочемъ оно попадаетъ и у насъ, напр. у Данила Заточника (XIII вѣка): *свѣтъ очю моею*.

Отливаясь въ природѣ то бѣлымъ, то блестящимъ краснымъ цвѣтомъ, свѣтъ сдѣлалъ и эти цвѣта особенно любезными народу. Они въ его воображеніи иногда даже сливаются вмѣстѣ, такъ что онъ говоритъ: *бланный свѣтъ, бланный день, бланная заря*; здѣсь самый свѣтъ или блескъ отпечатлѣвается въ его воображеніи отливомъ цвѣта. Въ самомъ корнѣ слова *свѣтъ* заключается понятіе бѣлизны, что видно изъ санскрит. *света*, знач. бѣлый; нашимъ эпитетомъ только восстанавливается это значеніе, какъ первоначальное впечатлѣніе.

Слово *бланный* еще въ глубокой древности означало доброе начало, производящее свѣтъ, что видно изъ названія *Благ-Богъ*.

Эпитетъ *бланный* постоянно придается членамъ тѣла: *бланная рука, бланная руки*.

Другой часто употребляемый эпитетъ *красный* также имѣетъ близкое отношеніе къ свѣту. Корень этого слова находится въ древне-славянскомъ словѣ *кресъ*, означавшемъ свѣтъ, блескъ, жаръ и потомъ жизнь: онъ виденъ въ малорусскомъ словѣ *кресало* (огниво), *кресить* (высѣкать огонь), или въ старой поговоркѣ: *на кресу не бывать* т. е. не оставаться въ живыхъ, не сносить своей головы, въ крестьянскомъ названіи мѣсяца іюля *кресникъ* (жаркій). Отъ этого же корня произошло слово

воскресить. Въ крестьянскихъ избахъ среднее окно между двумя волоковыми называютъ *краснымъ*, потому что черезъ него проходитъ солнечный свѣтъ и освѣщаетъ избу. Свѣтъ въ своемъ источникѣ отливается самымъ яркимъ краснымъ цвѣтомъ, потому понятие о свѣтѣ перешло на понятие о цвѣтѣ. Такимъ образомъ въ словѣ *красный*, какъ народномъ эпитетѣ, мы безпрестанно встрѣчаемъ слитіе этихъ двухъ понятій.

Не свѣтла ночь безъ мѣсяца,
Не *красенъ* день безъ солнышка.

Золото постоянно носить эпитетъ *красное*, тогда какъ серебро иногда называется *бѣлымъ*.

Примѣч. И въ персидской поэзіи тѣ же эпитеты постоянно при-
даются золоту и серебру: *серх-у-сефидъ*—красное и бѣлое—озна-
чаетъ золото и серебро.

Имѣя въ виду первоначальное впечатлѣніе отъ предметовъ на воображеніе народа, мы должны сказать, что для солнца не могло и быть никакого другого эпитета, кромѣ *красный*; *красное солнышко*.

Впечатлѣніе отъ всего пріятнаго и нѣжнаго народъ сбли-
зилъ съ пріятнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ на душу
блескомъ свѣта и потому изъ того же корня образовалъ слово
краса, *красота*. Это понятіе о красотѣ часто заключается и въ
словѣ *красный*; такъ напр., берегъ носить названіе *краснаго*
т. е. красиваго: „праздникъ *красенъ* пирогами, какъ рѣка
берегами“. Какъ мы вмѣсто слова красивый часто употребля-
емъ болѣе общее *хорошій*, такъ въ нашихъ народныхъ про-
изведеніяхъ наоборотъ: вмѣсто хорошій, встрѣчается *красный*.
У насъ теперь это слово только въ превосходной степени
выражаетъ понятіе о красотѣ: *прекрасный*.

Хорошо составленная рѣчь или слово, кстати и ловко ска-
занное, производятъ пріятное впечатлѣніе, которое сближается
съ впечатлѣніемъ отъ красоты, потому народъ ихъ называетъ
красными: *красная рѣчь*, *красное слово*; „красно поле рождю,
а *рѣчь* — *ложью*“; эта ложь въ рѣчи иногда называется
прикрасой.

Растенія отпечатлѣваются въ народномъ воображеніи сво-

имъ зеленымъ цвѣтомъ и получили общее названіе *зелени*. Сначала это понятіе выражалось въ словѣ *зеле*, какъ ближайшемъ къ корню:

Обсади меня тремя *зелями*:
Первымъ зельемъ—*воздичками*,
Другимъ зельемъ—*васильками*,
Третьимъ зельемъ—*стрѣлочками*;

потомъ зельемъ стали называть лекарственные травы, а съ ними вмѣстѣ и волшебныя для колдовства и чарованія; наконецъ отсюда къ нему иногда стали присоединять понятіе нечистаго. Эпитетъ *зеленый* употребляется у насъ при многихъ словахъ: *зеленая дубрава*, *зеленое виноградье*, *зеленая груша*, *зеленый садъ*.

Додолева *зеленый* садъ *зелень* стоялъ,
А нынѣ *зеленый* садъ засохъ, приobleкъ.

Слово *зеленый* у насъ употребляется также для выраженія *ѣдкости*, *юречи*, такъ напр., когда дымъ слишкомъ ѣстъ глаза, то говорятъ: *зелено въ глазахъ*. Зеленый цвѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, самый ѣдкій цвѣтъ; отъ многихъ травъ эта ѣдкость пристаётъ къ рукамъ, и вы ее сильно почувствуете, когда дотронетесь тѣми же руками до своихъ глазъ. Такимъ образомъ народъ, вслѣдствіе одинакихъ впечатлѣній, переноситъ слова отъ одного понятія къ другому.

Море поражало нашихъ предковъ также своимъ цвѣтомъ. Грекъ обыкновенно смотрѣлъ на море, какъ на противоположность со своей прекрасной землею, и потому его называлъ *пустыннымъ*, *безплоднымъ*, иногда *бурнымъ*, иногда, по вкусу воды, *соленнымъ*. Въ корнѣ слова *море* заключается понятіе гибели, смерти; онѣ, конечно, должны производить самое сильное впечатлѣніе на первоначальный народъ, незнакомый еще съ морскою жизнію. Отъ того *море* и *смерть* произошли отъ одного корня. Но наши предки, потерявъ первоначальное впечатлѣніе, уже знакомые съ моремъ, говоря о немъ, всегда ему придавали эпитетъ *синее*; онъ постоянно встрѣчается и въ Словѣ о полку Игоря (XII стол.).

Черный цвѣтъ сильно отпечатлѣвается въ воображеніи народа, и потому онъ получилъ различныя примѣненія. Почти у всѣхъ народовъ чернота, какъ совершенное отсутствіе свѣта, въ противоположность бѣлизнѣ, относилась къ злему началу. У славянъ былъ *Бѣль-богъ* и *Черно-богъ*; у персіянъ *диавъ* (злой духъ) вездѣ называется *черный* (сіяхъ); въ нашихъ народныхъ произведеніяхъ названія нѣкоторыхъ частей тѣла постоянно имѣютъ при себѣ слово *бѣлый*; тамъ же, гдѣ говорится о *Тугаринѣ Змѣевичѣ*, какъ враждебной силѣ, бѣлый замѣняется словомъ *черный*:

И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алеша на *черну грудь*.

При такомъ впечатлѣніи отъ чернаго цвѣта, онъ сталъ выраженіемъ всего, что производитъ въ нашей душѣ непріятное впечатлѣніе, скорбь и страданіе. У грековъ неблагопріятная судьба называлась *черная судьба* (кера меляйна), у насъ несчастный день—*черный день*; тяжелыя, тревожныя мысли—*черная дума*; про человѣка съ мрачнымъ видомъ говорить, что онъ *чертѣ ночи*; безчестное дѣло зовутъ *чернымъ поступкомъ*; дурную совѣсть—*черною совѣстью*; колдовство—*чернокнижіемъ*; словомъ, все что, повидимому, происходитъ отъ злого начала, принимаетъ названіе *чернаго*.

Иногда эпитетъ *черный* выражаетъ одно простое впечатлѣніе отъ чернаго цвѣта, какъ, напр., *черная туча*, *черный воронъ*. Чернота воронова крыла даже служить предметомъ для сравненія. Какъ названіе птицы *голубь* дало нашимъ предкамъ слово для выраженія голубого цвѣта, такъ точно слово *вороной*, произведенное отъ *воронъ*, стало выражать черный цвѣтъ. Впрочемъ, оно служитъ эпитетомъ только коню.

Въ нашихъ народныхъ произведеніяхъ большая часть животныхъ обыкновенно описывается цвѣтомъ шерсти или перьевъ; такъ лебедь и кречетъ постоянно зовутся *бѣлыми*; орелъ и голубь—*сизыми*; утка и волкъ—*серыми*; соболь—*чернымъ*. Коню и коровѣ принадлежитъ нѣсколько цвѣтовъ, которые даже обратились въ собственныя лошадиныя и коровьи имена: *спрко*, *ипьдо*, *сивко*, *бурко*, *буренушка*, *чернушка* и др.

Конечно, такіа имена могли получить только тѣ животныя, съ которыми человѣкъ безпрестанно обращается какъ со своимъ слугою и помощникомъ. Русскій человѣкъ, сильнѣе всего принимая впечатлѣніе отъ цвѣта, цвѣтъ же, какъ и естественно, обратилъ въ имена своимъ любимымъ животнымъ.

Упомянемъ еще объ эпитетѣ *ясный*, который придается соколу. Многіе примѣры (особенно въ санскритск. яз.) доказываютъ, что впечатлѣніе отъ свѣта обличалось народомъ съ впечатлѣніемъ отъ быстроты; въ нѣкоторыхъ славянск. нарѣчіяхъ слово *ясно* или *есно* означаетъ *быстро* и наоборотъ: *быстро* означаетъ *ясно*. Такимъ образомъ эпитетъ сокола выражаетъ быстроту въ полетѣ, которая сравнивается съ быстротою распространяющагося свѣта.

Части рѣчи. § 20. Раздѣленіе словъ или рѣчи на части не выдуманно составителями грамматикъ, а вытекаетъ прямо изъ природы и образа мыслей человѣка. Человѣкъ можетъ мыслить только тогда, когда ясно сознаетъ себя и окружающіе предметы, что составляетъ матерьялъ для его мышленія, когда онъ можетъ сказать: *я не онъ, а онъ не ты*. Для сознанія ему необходимо слово, которое опредѣляетъ и представляетъ его сознаніе. Слово является въ минуту сознанія, когда въ человѣкѣ отразятся окружающіе *предметы* такъ, что онъ будетъ въ состояніи отличить *признаки* каждаго изъ нихъ, слѣдовательно когда онъ вполнѣ сознаетъ *бытіе*. Но все въ природѣ живетъ, а признакъ жизни выражается преимущественно въ движеніи или *дѣйствіи*, что также должно необходимо войти въ сознаніе человѣка и слѣдовательно выразиться въ словѣ. И такъ въ языкѣ являются: *имя существительное, прилагательное и глаголъ*. Въ природѣ существуютъ предметы въ нашемъ умственномъ мірѣ — представленіе предметовъ, изъ представлений у насъ составляются понятія *видовыя* и *родовыя*; выраженные въ словѣ, представленія и понятія называются именами существительными. Для отличія каждаго изъ представлений, опредѣляемъ его какою-нибудь особенностію. Въ языкѣ понятія видовыя и родовыя составляютъ существительныя

общія или *нарицательная*; *недѣлимая*, *отличенная* чѣмъ *ни-будь*,—*существительная частная* или *собственная*. Недѣлимая одного вида могутъ составить изъ себя одно цѣлое; выраженное въ одномъ словѣ, оно представить существительное *собирательное* (*стадо, толпа*). Кромѣ того нашъ умъ создаетъ множество понятій, которыя не имѣютъ ни вида, ни рода, потому что не вытекаютъ изъ представленій внѣшняго міра (*надежда, любовь*), они принадлежать исключительно нашему внутреннему міру, невидимому, и выражаясь въ словѣ, называются *умственными* или *отвлеченными*. Признаки предметовъ, составляющіе ихъ качества и свойства, выражаются въ языкѣ *именемъ прилагательнымъ*; признаки же, составляющіе дѣйствіе или существованіе въ опредѣленные моменты, выражаются въ *глаголѣ*. Дѣятельность предмета бываетъ двоякая: одна заключается въ самомъ предметѣ, какъ сила или способность (*цвѣсти, расти, звенѣть*), другая исходитъ изъ предмета, обращаясь на другой предметъ (*бросать, читать*). Первая называется *субъективною*, вторая *объективною*. На этой двоякой дѣятельности основано раздѣленіе глаголовъ на залоги—*средній* и *дѣйствительный*. Изъ дѣйствительнаго выдѣлились еще два залога: одинъ выражаетъ состояніе предмета, на который обращено дѣйствіе — *страдательный*; другой представляетъ дѣйствіе, удержанное при самомъ дѣйствователѣ—*возвратный*. Оба они часто смѣшиваются, такъ что страдательный легко уступаетъ свое мѣсто возвратному, напр. *вм. быть почитаемымъ, уважаемымъ* говорятъ: *почитаться, уважаться*. Эти залоги существуютъ во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ.

Въ русскомъ языкѣ не выработались отдѣльныя формы для cadaго залога. Въ немъ залогъ опредѣляется только въ синтаксическомъ соединеніи съ другими словами въ предложеніи, такъ что одинъ и тотъ же глаголъ можетъ быть въ одномъ соединеніи дѣйствительнымъ, а въ другомъ среднимъ, напримѣръ *бить тревогу, бить звѣря*, (дѣйств.), *ручей бьетъ мутною волной* (сред.), *сердце бьется, бьется какъ рыба объ ледъ* (сред.), *птица бьется осенью* (страдат.), *ходитъ на сходку* (сред.), *ходитъ журавля*—*плясать* (дѣйств.). Особенно разнообразно употребленіе глагола въ мѣстныхъ діалектахъ:

• *Первую тавлеюшку царь ступилъ,
Другую тавлеюшку Добрыня младъ.*

Форма съ глаголомъ *быть* (быть читану, биту), которая въ другихъ языкахъ называется *страдательною* и которою мы, по большей части, передаемъ смыслъ страдательнаго залога иностранныхъ глаголовъ, у насъ не всегда выражаетъ этотъ смыслъ; употребленіе ея гораздо шире: ее могутъ даже принимать глаголы средніе, чего въ другихъ языкахъ не допускается: мѣсто *хожено*, *сужено*, конь *пѣзженъ*.

У дороднаго добра молодца
Много было на службѣ *послужено*;
На печи было въ волю *полежено*;
Съ каутомъ со свиньями *положено*;
На добрыхъ коняхъ *пользжено*.

Здѣсь *быть* соединяется съ причастіемъ какъ съ прилагательнымъ (быть добрымъ, быть спѣсивымъ) и уже выражаетъ простое состояніе какъ средній залогъ*).

Признаки проявляются съ разною силою, съ разными качествами, при разныхъ обстоятельствахъ. Все это мы должны отличить въ своемъ мышленіи, откуда и вытекаетъ особая часть рѣчи — *нарѣчіе*.

Въ природѣ существуетъ множество однородныхъ предметовъ; необходимость представить то ихъ число, которое мы имѣемъ въ виду при мышленіи, произвела въ языкѣ *имя числительное* — *количественное*, на вопросъ *сколько*, и *порядковое*, на вопросъ *который*; необходимость чѣмъ-нибудь отличить въ нашихъ мысляхъ тотъ или другой изъ однородныхъ предметовъ произвела *мѣстоименіе*. Итакъ мѣстоименіе представляетъ ни названіе предмета, ни его признакъ, а только условное его отличіе отъ другихъ предметовъ; оно опредѣляетъ предметъ, или показывая отношеніе его къ мыслящему лицу или указывая на него, или ограничивая его и проч.

Замѣчательно, что всѣ индоевропейскіе языки имѣютъ

*) Залоги *взаимные* и *общіе* нашихъ старыхъ грамматикъ мы относимъ къ среднимъ, потому и не ведемъ о нихъ рѣчи.

одинакія мѣстоименія. Такое единство ясно доказываетъ, что они уже развились въ первоначальномъ языкѣ, какъ необходимы при мышленіи.

Такъ какъ опредѣленіе совершается съ разными цѣлями и разными способами, то и мѣстоименіе раздѣляется на *личное, возвратное, вопросительное, относительное, указательное, притяжательное* или *усвоительное, опредѣлительное, неопредѣленное и отрицательное*.

Наконецъ, нужны еще особыя слова, для означенія взаимныхъ отношеній предметовъ въ пространствѣ и послѣдовательности дѣйствія во времени. Предметъ, существуя и дѣйствуя, постоянно имѣетъ отношеніе къ другимъ предметамъ, близкимъ или отдаленнымъ. Такое отношеніе постороннихъ предметовъ къ бытію и дѣйствію главнаго (подлежащаго) въ языкѣ выражается столько же предлогами, сколько и падежами. Въ тѣхъ языкахъ, которые утратили склоненіе, падежи замѣняются предлогами. Дѣйствіе можетъ имѣть разныя направленія по вопросамъ: *откуда, куда и идѣ, разныя причины и цѣли: почему, зачѣмъ и пр.*; на все это указываетъ предлогъ, *соединенный съ именемъ или съ самимъ глаголомъ*. Чтобы выразить разнообразную связь мыслей въ языкѣ, являются *союзы*.

Такимъ образомъ, какъ скоро человѣкъ началъ мыслить, явились вдругъ всѣ части рѣчи, и притомъ совокупленные въ *предложеніи*, гдѣ два главныхъ понятія, *подлежащее и сказуемое*, тотчасъ заняли первыя мѣста. Все это непремѣнно существуетъ въ каждомъ языкѣ, потому что вытекаетъ изъ потребности мысли.

Всѣ части рѣчи, изъ которыхъ слагается полная мысль, выражаютъ или понятія, или отношенія понятій; поэтому онѣ раздѣляются на два рода словъ — на слова понятій или *знаменательныя* и на слова отношеній — *служебныя*. Къ первымъ относятся глаголъ, имя существительное и прилагательное; ко вторымъ: числительное, мѣстоимѣніе, предлогъ, союзъ. Нарѣчіе иногда выражаетъ понятіе (*дома, верхомъ, хорошо*), иногда отношеніе (*здесь, тамъ*), поэтому занимаетъ середину между знаменательными и служебными и можетъ назваться *знаменательно-служебною частью рѣчи*.

Междометія выражаютъ мгновенное движеніе чувства и часто представляютъ не развитое предложеніе.

ГЛАВА IV.

Словопроизведеніе.

Принадлежности знаменательнаго слова. § 21. Знаменательныя слова въ языкѣ раздѣляются на *первообразныя* (коренныя) и *производныя*. Въ первыхъ флексивное окончаніе (флексія) соединяется прямо съ *корнемъ* и опредѣляетъ его отношеніе ко всѣмъ прочимъ словамъ, составляющимъ рѣчь: родъ, число, лицо, падежъ — тѣ термины, которыми опредѣляются слова при помощи окончаній. Изъ первообразныхъ словъ составляются производныя: 1) съ помощью *суффиксовъ*, которые вставляются между корнемъ и флексивнымъ окончаніемъ и даютъ слову новое значеніе, (*рука* — *ручной*, *дать* — *дань*, *данникъ*), или 2) съ помощью *приставокъ* въ началѣ слова (*праматерь*, *подруга*, *приказъ*), или 3) при различныхъ *измѣненіяхъ* въ корнѣ слова (жертва, кор. *гзр*), шлю (кор. *сл*).

Необходимая принадлежность каждого отдѣльнаго слова (знаменательнаго и служебнаго) *удареніе*, т. е. повышеніе голоса на одномъ изъ слоговъ. Въ русскомъ языкѣ нѣкоторыя слова послѣ предлоговъ иногда теряютъ свое *удареніе*, отдавая его предлогу и какъ бы сливаясь съ нимъ: *на мостъ*, *подъ ялову*, *на сковороду*.

Примѣчаніе. Во всѣхъ древнихъ индоевроп. языкахъ гласныя различались по количеству, т. е. были долгія и короткія. По нѣкоторымъ даннымъ можно съ достовѣрностью заключить, что въ старину и у славянъ было такое же различіе гласныхъ, на которомъ основывалось ихъ стихосложеніе. На основаніи возможности уравнивать по нѣскольку слоговъ короткихъ съ однимъ долгимъ, образовались мѣрныя фразы сказочнаго размѣра, что сохранилось и до настоящаго времени. Но съ теченіемъ времени различіе долгихъ и короткихъ слоговъ у насъ сгладилось, а постоянное мѣсто

для ударенія не опредѣлилось, какъ, напримѣръ, въ польскомъ языкѣ, гдѣ мѣсто для ударенія всегда на предпоследнемъ слогѣ. У насъ произошла *подвижность* и *неопредѣленность* ударенія: оно въ одномъ и томъ же словѣ часто передвигается, глядя по падежу или лицу (сестры—сѣстры), или падаетъ безразлично то на одинъ, то на другой слогъ (дѣвица и дѣвица, молодецъ и молодецъ). Въ новѣйшемъ русскомъ языкѣ замѣтно стремленіе уравнивать слоги удареніемъ; его переносятъ на средніе или даже приближаютъ къ концу слова. Еще замѣчательно, что предлоги любятъ къ себѣ притягивать удареніе, что мы уже видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ; но вотъ еще другіе: отъ *выдать* — *высѣдать*, *заповѣдь*, *подѣсть*. Конечно, этого нельзя принять за общій законъ, потому что подъ него не подошли бы многіе другіе случаи. Вообще законы ударенія въ нашемъ языкѣ еще не выяснились, и потому здѣсь мы не руководствуемся правилами, а слѣдуемъ одному употребленію. У насъ по ударенію различаются не только падежи, но и весьма многія слова, напр. бѣрегу—бѣрегѹ, бѹди—буди, бѣлокъ—бѣлокъ, вѣротъ—вѣрогъ, дорогѧ—дорога, жила—жила, замокъ—замокъ, знакомъ—знакомъ, паромъ—паромъ и мн. др.

Въ словахъ сложныхъ первое слово обыкновенно теряетъ свое удареніе: *винодѣліе*, *хлѣбопашество*, *сребролюбіе*.

Нѣкоторыя первообразныя слова употребляются одинаково въ смыслѣ существительнаго и глагола: мнѣ *жалъ* его, отъ *жали* не плакать стать, *жалю* моря не переѣдешь, вѣку не изживешь; *лнѣ* мнѣ, съ *лнѣю* далеко не уйдешь, по *естю* старецъ келью строить (потому, что *естъ*, т. е. сообразно со средствами.—У Нестора), не въ *мочъ* мнѣ, нѣтъ ему *мочи*, гдѣ вамъ *мочъ*, какъ бы на нихъ *напастъ*, пришла *напастъ*, гдѣ вамъ *знатъ*, собралась все *знатъ*, съ какой *стати*, не можетъ *течь*, образовалась *течь* и много др.

СЛУЖЕБНЫЯ СЛОВА. § 22. Служебныя слова въ языкѣ произошли отъ особыхъ корней, которыхъ число очень ограничено. Отъ однихъ изъ нихъ произошли мѣстоименія и нарѣчія. Они составились изъ одного или двухъ звуковъ, какъ-то: *азъ*, *мъ*, *и*, *те*, *св*, *и*, *он*, *к*, *т*, *с*, *ов*, *вы*, *ин*, *сам*.

Наше мѣстоименіе перваго лица *я* сократилось изъ *азъ*, которое есть не что иное, какъ смягченное выговоромъ коренное *азъ*. Подобное сокращеніе мы замѣчаемъ и въ дру-

гихъ новѣйшихъ языкахъ, такъ француз. *je* изъ латин. *ego*, англ. *I* изъ древн. *ik* (нѣм. *ich*).

Примѣч. Въ славянскомъ мѣстоименіи *азъ* звукъ *з* есть смягченный придыханіемъ изъ *ъ*, которое видно въ лат. *ego*, въ греч. *εγω*, въ санскр. *ахамъ*; подобное же смягченіе является и въ Zend-скомъ *азсмъ*.

Во всѣхъ индоевр языкахъ для косвенныхъ падежей является новый коренный звукъ *м*. Въ русскомъ языкѣ къ этому *м* присоединяется еще другой звукъ *н*, который въ родственныхъ языкахъ является только во множ. числѣ (*nos*, *vous*); у насъ родит. и вин. пад. *меня* (стар. *мене*), дат. и пред. *мнѣ* (ст. *ми*), творит. *мною*. Старинный винит. пад. *мя* скрывается въ своемъ юсовомъ *я* носовой звукъ винительнаго падежа. Имен. пад. множ. числа у насъ сохранилъ тотъ же звукъ *м*, который въ другихъ языкахъ замѣняютъ *н* и *в* (*nos*, *vous*, *wir*). Въ словѣ *мы* звукъ *м* родственъ съ носовымъ *а*, что мы видимъ въ спряженіи существительнаго глагола: *есми* и *есма* (греч. *ἐσμεν*).

Въ род., винит. и пред. падежахъ *насъ* является новый звукъ *с*, который встрѣчаемъ и въ родственныхъ языкахъ, напр. нѣмец. *uns*, франц. *vous*, происшедшее изъ лат. *nos*. Въ дат. пад. *намъ* и въ твор. *нами* звукъ *м* принадлежитъ падежному окончанію флексіи. Въ старинномъ дательномъ *ми* *м* скрылось въ носовую гласную, обратившуюся въ *ы*, подобно тому какъ въ старинномъ вин. *ни* скрылось *н*, принадлежащее оконч. винит. падежа.

Въ мѣстоименіи второго лица *ты* звукъ *м*, соотвѣтствующій въ родственныхъ языкахъ *у* (*tu*, *du*), произошелъ изъ коренного звука *в*, который является въ нѣкоторыхъ первообразныхъ языкахъ во 2-мъ лицѣ (напр., санскрит. *tvam*) и въ нашемъ мѣстоименіи *твой*. Это *в* въ косвенныхъ падежахъ един. числа у насъ замѣняется близкою по звуку *б*, при чемъ являются бѣглыя гласныя *е* и *о*: *тебя* (стар. *тебе*), *тебѣ* (стар. *ти*), *тобою* и проч. Въ старинномъ винит. *та* скрывается носовой звукъ.

Примѣч. Въ латинс. языкѣ также является звукъ *б*: *tibi*.

Во множеств. чис. у насъ, какъ и во многихъ родствен-
ныхъ языкахъ, является одинъ коренной звукъ *в*; окончанія
косвенныхъ падежей такія же, какъ и въ первомъ лицѣ: *вы*
(*vos, vous*); *васъ, вамъ, вами* и пр.

Первообразное мѣстоименіе третьяго лица было *и, я, е*, кото-
рое видно въ сложномъ ц. слав. мѣстоименіи *иже, аже, еже*,
и которое мы теперь употребляемъ при прилагательныхъ, обра-
зую такъ-называемое полное окончаніе. Наше мѣстоименіе 3-го
лица *онъ-она-оно-они-онѣ* произошло изъ указательнаго, которое
впослѣдствіи было употребительно только съ производнымъ
окончаніемъ: *оний-оная-оное*, а нынѣ считается устарѣлымъ. Ко-
свенные падежи всѣ сохранились коренные отъ *и-я-е*: *ею, ея,*
ему, ей, ихъ, имъ и пр. Старинный вин. пад., един. числа
и-ю-е и множ. *я* у насъ замѣнился родительнымъ. Винит.
ж. род. *ее* отличается отъ родит. *ея* только на письмѣ, но
не филологически: здѣсь *я* въ говорѣ перемѣнилось на *е*.
Послѣ предлоговъ всѣ эти мѣстоименія принимаютъ въ началѣ
благозвучное *н*: *о немъ, отъ нея, за нихъ, при нихъ* и пр.
Такимъ же образомъ составились и ц. сл. слова *занъ* (*за-н-и*),
заню, зане.

Въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ замѣчательно
употребленіе мѣстоименія *онъ* при подлежащемъ, гдѣ оно
кажется вовсе лишнимъ, напр.: „А втапоры *Волховъ онъ* до-
гадливъ былъ“, „Доселева *Рязанъ они* селомъ слыла“, „Ко-
торы *молодцы они* поглавнѣ сръзали чембуры шелковыя“. *Здѣсь онъ*
употребляется скорѣе какъ мѣстоименіе указатель-
ное въ смыслѣ члена.

Возвратное мѣстоименіе *себя* у насъ принадлежитъ всѣмъ
тремъ лицамъ, тогда какъ въ другихъ языкахъ только одному
третьему. Оно у насъ показываетъ отношеніе лицъ къ са-
мымъ себѣ, и поэтому, не имѣя возможности быть подле-
жащимъ, не имѣетъ и именительнаго падежа. Его корень
есть *св*, что видно въ производномъ мѣстоименіи *свой*; слѣд-
ственно оно образовалось подобно мѣстоим. *ты*, потому схо-
дится съ нимъ и въ склоненіи: *себя, себѣ, собою*. Эти три
формы заключаютъ въ себѣ какъ единств., такъ и множ. ч.
Старинный дат. падежъ *си* у насъ остался только въ словѣ

во *свои*, и болѣе нигдѣ не употребляется; старинный вин. *ся* (ся) является теперь только при глаголахъ, сокращаясь послѣ гласной въ *сь* (дѣлаться, дѣлаюсь). Въ старорусскомъ языкѣ *ся* могло стоять отдѣльно отъ глагола, впереди или позади него, раздѣляясь нѣсколькими словами: напр. *ся кланяеть* вм. *кланяется*; *на ниче ся годины обратиша* вм. *обращаются*; въ современномъ же языкѣ *ся* нераздѣльно сливается съ глаголомъ. Возвратное *себя* вообще означаетъ отдѣльность, сосредоточенность предмета въ себѣ самомъ. Отъ него произошло слово *особа*, прекрасно выражающее понятіе недѣлимаго, отдѣльнаго отъ всѣхъ, живущаго своею жизнію. Выраженіе *по себѣ* означаетъ *отдѣльно*: „а голова его по себѣ лежитъ, руки, ноги разбросаны“ (др. рус. стих.); при глаголахъ мѣстоим. *себѣ* — *собою* выражаютъ отдѣльное, сосредоточенное въ предметѣ дѣйствіе: „думаетъ *себѣ* разумомъ своимъ: а самъ *съ* (простонар. сокращ. *себѣ*) молодецъ размышляетъ; а и сталъ *тъ-то* рѣчи размышляти *собою*“ (древ. рус. стих.).

Ся при глаголахъ послѣ гласной часто сокращается на *сь*: *оплакась, мылась*.

Частица *ся* останавливаетъ дѣйствіе при самомъ лицѣ и не позволяетъ переходить на предметы; поэтому глаголы возвратные сходны съ среднимъ залогомъ, который также выражаетъ дѣйствіе, не переходящее на внѣшніе предметы. Съ другой стороны, какъ скоро появится имя лица, подъ вліяніемъ котораго находится лицо дѣйствующее, то эта форма принимаетъ значеніе страдательное: вмѣсто *онъ всѣми уважаемъ* говорятъ: *онъ всѣми уважается*.

Такъ какъ частица *ся* удерживаетъ дѣйствіе при дѣйствующемъ лицѣ, то мы употребляемъ ее и при среднихъ глаголахъ, показывающихъ переходъ въ извѣстное состояніе, если хотимъ выразить *пребываніе* въ этомъ состояніи, такъ: изъ *блѣдетъ, чернѣетъ* (дѣлается бѣлымъ, чернымъ) составляемъ *блѣдается, чернѣется* (кажется бѣлымъ, чернымъ).

Частица *ся* относится ко всѣмъ тремъ лицамъ и во многихъ случаяхъ не только удерживаетъ дѣйствіе при лицѣ, но и указываетъ на самостоятельность дѣйствія, независимо

отъ воли лица, напр. *мнѣ хочется, вамъ не спится, ему зѣвается.*

И вѣтрится, и плачется,
И такъ легко, легко.

Такія выраженія отличаются отъ личныхъ тѣмъ, что здѣсь дѣйствіе представляется независимо отъ воли лица, которое само подчиняется ему. Различіе между *я говорю* и *мнѣ говорится* состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ дѣйствіе вытекаетъ изъ воли лица, а во второмъ оно является независимо. Въ другихъ языкахъ мы не встрѣчаемъ такого широкаго употребленія *ся*. Тамъ возвратное мѣстоименіе, не сливаясь съ глаголами, служитъ только для выраженія возвратнаго дѣйствія. Наши областныя нарѣчія даютъ намъ въ народныхъ пѣсняхъ и пословицахъ много любопытныхъ примѣровъ употребленія этой частицы:

Скажу, скажу тебѣ:
Не *таюсь* себя,
Не *боюсь* тебя.

—
Умывалася царица бѣлешенько,
Надѣвалась она хорошохонько.

—
У меня три года какъ *сосватанось*.

—
У меня замаленько да было *боротось*.

—
Только видѣли Илюшеньку *сядучись*,
А не видѣли его *попдучись*.

—
Молода Добрынюшку изъ чиста поля *дождидаются*,
Припдучись не *начаются*,
т. е. не дождутся, когда онъ пріѣдетъ.

Мѣстоименный корень *и*, *я*, *е*, соединившись съ другими корнями *мъ*, *тв*, *св*, *нас*, *вас*, образовалъ мѣстоименія притяжательныя: *мой*, *моя*, *мое*, *твой*, *твоя*, *твое*, *свой*, *своя*, *свое*, *нашъ*, *вашъ*. Въ старыхъ рукописяхъ писано *наишъ*, *ваишъ*, гдѣ *и* и есть сокращенное *и*; передъ нимъ с измѣнился въ *ш*.

Для мѣстоименія указательнаго коренными звуками являются у насъ *т* и *с*, первообразная ихъ форма *тъ, та, то, съ*, изъ нихъ съ мѣстоимен. корнемъ *и*, *я*, *е* образовались *той, моя, мое, сей, сія, сіе*.

Мѣстоименіе указательное *тъ, та, то* употреблялось и теперь иногда употребляется какъ членъ для большаго опредѣленія, напр. въ нашихъ старыхъ стихотвореніяхъ: „и сѣла на палаты бѣлокаменны, на *тъ на палаты* царскія, къ *тому* царю индѣйскому, и на *то окошечко* косящатое“; „безъ *того* кровопролитія напраснаго“; „мало время позамѣшавши, несутъ Тугарина Змѣевича на *той доскѣ* красна золота“. Это мѣстоименіе здѣсь не указываетъ на упомянутые предметы: о нихъ прежде не говорилось ни слова.—Въ современномъ языкѣ для большаго опредѣленія, какъ членъ, употребляется *то*, приставляясь къ концу опредѣляемаго слова: *я-то, онъ-то, человѣкъ-то, жена-то*. Въ простонародномъ говорѣ слышится слогъ *отъ*, *етъ*, который встрѣчается и у Нестора: *холмъ-отъ, отрокъ-отъ*, и въ старинныхъ сказкахъ: „будетъ *Лѣтній-етъ* день въ половинѣ дня“... Здѣсь, конечно, *о* и *е* только гласныя соединительныя. У Крылова: „мостъ-отъ нашъ каковъ“; у Грибоѣдова: „въ ученіи прокъ-отъ не великъ“.

Примѣч. Въ новоболгарскомъ языкѣ *отъ—та—то—тъ* служатъ членомъ опредѣлительнымъ, сливаясь съ окончаніемъ существительныхъ, напр. „*потребное* (есть) *человѣку*, да *сооблача* *вѣтъха-та* и *смадлива-та* *бриха* (одежду) *грѣховна* *отъ* *своя-та* *си* *душа*, *каково-то* (такъ какъ) и *змія-та* *соблача* *вѣтъха-та* *кожа* *отъ* *снама-та* (тѣла)“.

У Нестора иногда встрѣчается слогъ *осъ* на концѣ слова: „дѣлаша *градохъ-осъ*“, „и пойду въ *юродъ-осъ*“. Это *осъ* — очевидно другое мѣстоим. *съ* (сей). У насъ есть нѣсколько выраженій, въ которыхъ сохранились слѣды первообразной формы отъ *сей*: *по сю пору* (вин. пад.), *по сю сторону* (в. п.), *по се время* (ср. р.), *по съ мѣста* (мн. ч.).

Наше мѣстоим. *тотъ* не что иное, какъ удвоенное *тъ*, а сложившись съ указательнымъ звукомъ *э*, произвело *этотъ*, которое указываетъ на ближайшій предметъ. Въ склоненіи оно отличается отъ *тотъ*, вездѣ замѣняя *ъ* послѣдняго буквою *и*: *тъ—эти...*

Для большаго опредѣленія и усиленія рѣчи иногда употребляется *то-то*: *то-то* расплясались! *то-то* парень!

Примѣч. Точно такимъ же образомъ греч. мѣстоименіе *ος, η, ου* сдѣлалось родовымъ окончаніемъ, перейдя въ членъ, и вполнѣ соответствуетъ нашему *ый—оя, ое*, равно какъ и латинское *us, a, ut*. Изъ мѣстоименій же образовались въ новѣйшихъ языкахъ всѣ члены: *le, la, il, (ille, illa), der, die, das* и пр.

Во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ въ мѣстоименіяхъ вопросительныхъ и относительныхъ кореннымъ звукомъ является *к*, который иногда переходитъ въ *ч*. Отсюда наши первообразныя мѣстоименія, которыя съ мѣстоименнымъ окончаніемъ *и, я, е* обратились въ *кой* (*кѣй, кий*) и *чей* (*чѣй, чій*); а соединившись съ указательнымъ *то*, образовали *кто, что*, хотя въ косвенныхъ падежахъ удержали первообразную форму *кою, чего*. Корни *вс* и *сам* произвели мѣстоименія опредѣлительныя *весь, вся, все* и *самъ, сама, само*. Последнее съ окончаніемъ *и, я, е* образовало *самый, самая, самое*.

Въ нарѣчіяхъ встрѣчаемъ тѣ же коренные звуки, что и въ мѣстоименіяхъ, именно для вопросительныхъ *к—куда, какъ, когда*, для указательныхъ *т, с—туда, сюда, тамъ, сямъ, тогда, такъ, сямъ*, окончанія нарѣчій мѣста *да, дѣ, ду, мѣ* напоминаютъ падежныя окончанія.

Коренныя числительныя имена только первыя десять количественныхъ. Сличая названія нашихъ единицъ съ названіями въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, мы замѣчаемъ, что всѣ они подобиозвучны, изъ чего заключаемъ, что ихъ происхожденіе принадлежитъ глубокой древности *).

Изъ числительныхъ порядковыхъ только *первый* не можетъ назваться производнымъ отъ количественнаго, корень его *пр*, общій во всѣхъ языкахъ индоевропейскихъ.

Примѣч. Француз. *premier* произошло отъ латин. *prior, primus*, которое въ родствѣ съ греческими *πρωτος*. Здѣсь частицы *прі, прѡ* и наше *предъ* имѣютъ одинаковое значеніе.

*) Статья Шлейхера: Темы именъ числительныхъ въ литовско — славянскомъ и нѣмец. языкахъ (прилож. къ X т. записокъ Императ. Академіи наукъ).

Основные формы именъ. § 23. Слова, которыя могутъ имѣть по нѣскольку флективныхъ окончаній, слѣдовательно нѣсколько формъ, смотря то требованію мысли, называются *измѣняемыми* словами; сюда относятся имена, мѣстоименія и глаголы. Но за основную форму или за начало слова обыкновенно принимаютъ только одну—въ именахъ ту форму, которая отвѣчаетъ на вопросъ *кто, что* или именительный падежъ, и въ глаголахъ форму съ окончаніемъ *ти* или такъ называемое *неопредѣленное* наклоненіе.

Обыкновенное окончаніе для начальной формы имени существительнаго и прилагательнаго:

муж. ѣ,	жен. а,	сред. о
ъ (ѣ)	я	е.

Эти окончанія называются *родовыми*.

Но не всѣ существительныя могли опредѣлиться въ родовыхъ окончаніяхъ; попадаютъ слова мужескаго рода съ окончаніемъ *неродовымъ* а, я, е, о: *слуга, воевода, вельможа, юноша, дядя, карло, турка, Кузьма, Лука, Тома, Михайло, Кирила, Данила, Марка, подмастерье, полудурье, объѣдало, опивало, мѣняло, обирало, домище, мужище, домина, мужичина, дѣтина, батюшка, дялюшка, дѣдушка, воришка, плутишка, старикашка* и мн. др.

У насъ есть весьма много словъ съ окончаніемъ а и я, выражающихъ личности вмѣстѣ и мужскія и женскія, напр. *скряга, калѣка, сутяга, горемыка, заика, повѣса, бродяга, убійца, пьяница, неряха, писака, львиша* и др.

Неродовое окончаніе женскаго рода на ѣ произошло изъ окончанія и, которое въ древнихъ родственныхъ языкахъ принадлежало женскому роду. Въ старославянскомъ языкѣ многія слова появляются съ оконч. и и ѣ, которыя въ русскомъ языкѣ измѣнялись на ѣ и овѣ: *мати—мать, дѣти—дочь, любви—любовь, церкви—церковь, свекры—свекровь*.

Область женскихъ именъ, кончающихся на ѣ, очень обширна; ими означаются кромѣ женскихъ личностей или вещей: *кость, кисть, трость*, по большей части отвѣченность—качества: *чернь, юречь, мелочь, кось, даль, глубь, тишь*, или количества: *треть, четверть*, или дѣйствія: *кладь, опись, копоть*,

запись, рязь, скорбь, плавь, ложь и др. или совокупность лицъ и вещей: *Русь, Чудь, Везь, чернь, знать, челядь, молодежь*. Это окончаніе любятъ особенно областныя нарѣчія: *пособь* (пособіе), *рань* (раннее время), *назовь* (названье), *калчъ* (калъки).

Въ современномъ русскомъ языкѣ замѣтно стремленіе измѣнять неродовое окончаніе *ъ на я*; такъ старое окончаніе *ыни* обратилось у насъ въ *ыня* вмѣсто *ынь*; *рабыни* — *рабыня*, *княыни* — *княгиня*, *пустыни* — *пустыня* и *пустынь*, *благостыни* — *благостыня*, иногда *благостынь*; или вмѣсто словъ: *земь, гребь, капъ, ловь* употребляемъ: *земля, гребля, капля, ловля*; также говоримъ: *постеля, басня, пѣсня, яблоня*, вм. *постель, баснь, пѣснь, яблонь*, или изъ первообразныхъ *смокы, буквы* сдѣлали: *смоква, буква* вм. *смоковь, буквъ*; въ областномъ говорѣ: *церква* вм. *церковь*. Нѣкоторыя же слова изъ одного рода переходятъ въ другой, напр. въ народн. пѣснѣ: при той *путь*, при дороженькѣ.

Неродовое окончаніе *а*, обратившееся въ русскомъ языкѣ въ *я*, принадлежитъ многимъ именамъ, изъ которыхъ часть относится къ среднему роду. Укажемъ здѣсь на породу именъ съ окончаніемъ *мя*: *бремя* (беремя), *время, вымя, знамя, имя, пламя* (поломя), *племя, темя, стреми, съмя*. Въ древнѣйшемъ русскомъ языкѣ къ этой породѣ относилось большее число именъ, но время размѣстило ихъ по другимъ отдѣламъ, придавъ имъ родовыя окончанія, такъ *письмо* вм. *письмя* (письмена), *рамо* вм. *рамя* (рамена), *камень* вм. *камь, ячмень*—*ячмы*, *корень* — *коря*. Сюда же должно отнести *день*, отчего и въ род. пад. иногда слышится *дни, день*. *Пламень* и *пламя* — употребляются обѣ формы и въ настоящее время*).

Мѣстоименный корень *и, я, е*, соединившись съ окончаніемъ *ъ—а, о, ъ—я—е*, образовалъ другое окончаніе для прилагательныхъ *ий* (ай), *ая, ое, ій* (ей), *ля, ее*. Окончанія *ий, ій* перешли въ нашъ литературный языкъ изъ старославянскаго; въ народномъ же говорѣ постоянно слышатся *ой, ей*; подъ удареніемъ *мы* и сами произносимъ не *ий* а *ой*: *золотой, простой, чужой*. Такимъ образомъ прилагательныя явились окон-

*) О прочихъ см. въ отдѣлѣ „уменьшительныя слова“.

чаніями *короткими* и *долгими* или первообразными и производными. Но въ современномъ языкѣ не во всѣхъ употребляются оба окончанія: *добръ* и *добрый*, *красивъ* и *красивый*, а *разный*, *мазной* безъ короткаго окончанія. Еще у Нестора употребляются прилагательныя *дѣтскъ*, *дѣвческъ*, въ Русской Правдѣ *болярскъ*, во многихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ *отень*, *владычень*, тогда какъ теперь не иначе какъ *дѣтскій*, *дѣвическій*, *болярскій*, *отчій*, *владычній*.

Впрочемъ и въ современномъ языкѣ встрѣчаются прилагательныя, которыя ходятъ только съ первообразнымъ окончаніемъ: *петровъ*, *лисицынъ*.

Числительныя порядковыя сохранили первообразныя окончанія только въ выраженіяхъ *самъ другъ* (другой), *самъ четвертъ* (четвертый), *самъ пять* (пятый), *самъ сотъ* (сотый); въ другихъ выраженіяхъ употребляются только съ производнымъ окончаніемъ.

Основная форма глагола. § 24. Признакомъ основной формы глагола у насъ служить окончаніе *ти* или сокращенное *тъ*, которое въ извѣстныхъ случаяхъ переходитъ въ *сти* (сть) и *чь*. Эта форма называется *неопрѣленнымъ наклоненіемъ* *) и выражаетъ дѣйствіе безъ отношенія къ лицу и времени.

Если глагольный корень оканчивается на чистую гласную, то окончаніе *тъ* къ нему присоединяется прямо безъ всякаго посредства другихъ буквъ: *знать* (кор. *зна*), *дать* (кор. *да*). Въ другихъ же случаяхъ *тъ* присоединяется къ корню или посредствомъ гласной *а*, *я*, *ѣ*, *и*, *е*, *о*: *братъ* (кор. *бр*), *колотъ* (кор. *кол*), *тереть* (кор. *тр*); или безъ всякаго ея посредства, но скрывая послѣднюю согласную корня и обращаясь въ *сти* или *чь*.

Окончаніе *сти* показываетъ, что въ корнѣ скрыта одна изъ буквъ: *б*, *д*, *т*, *с*; она тотчасъ обнаруживается передъ гласною: *грести*—*гребу*, *цѣсти*—*цѣтеть*—*отцѣтатъ*, *вести*—*веду*—*водитъ*.

*) Хотя новѣйшіе грамматики справедливо считаютъ неправильнымъ такое названіе этой формы, но мы его удерживаемъ за неимѣніемъ другого болѣе точнаго.

Примѣчаніе. Въ другихъ родственныхъ языкахъ опущеніе коренной согласной буквы выражается удвоеніемъ слѣдующей, какъ напр., въ латин. *illuminatio, alligare, occultus* вм. *inlu, minatio, adligare, obcultus*. Но въ нашемъ языкѣ не терѣлось удвоеніе звуковъ, поэтому вмѣсто удвоеннаго *т* является зубной *с*, какъ звукъ легче и чаще всѣхъ сочетающійся съ *т*.

Въ словѣ *расти* буквы *ст* принадлежатъ окончанію, а не корню, хотя и въ корнѣ мы находимъ такія же буквы (*ростъ*), но коренныя здѣсь выпали по требованію языка, не любящаго удвоенія. Въ полной формѣ *рости* коренное *т* по общему правилу обратилось въ *с*, передъ которымъ коренной *с* долженъ былъ скрыться. Передъ гласною обѣ коренныя вновь восстанавливаются: *росту*. Къ этому же разряду словъ должны бы относиться и глаголы на *эти* (везти), гдѣ *з*, по общему правилу, должно измѣниться въ *с*; но мы пишемъ: *везти, лѣзть, ползти*, а не *вестъ, лѣстъ, полсти*, удерживая коренную букву, хотя въ произношеніи и измѣняемъ ее на *с*.

Окончаніе *чь* показываетъ, что въ корнѣ должны быть звуки *г* или *к*. Въ нашемъ языкѣ эти звуки не легко сочетаются съ *т*, но, измѣняясь въ *ж* и *ш*, сливаются съ нимъ въ одинъ звукъ—въ ц. сл. *щ*, въ рус. *ч*. Такъ, напр., изъ общаго индоевропейскаго корня *нокт* (лат. *noctu*) составилось старославянское *нощѣть, нощѣ*, и рус. *ночь*. Точно такимъ же образомъ произошло глагольное окончаніе *щи* (ц. сл.) и *чь* (рус.) изъ *ти* и *кти*. Въ малорус. нарѣчій *ти* и *кти* остались безъ измѣненія: *пекти, стрети*. Передъ гласной коренныя *г* и *к* вновь восстанавливаются: *пеку, жу*.

Если послѣдняя буква корня есть носовая *м* и *н*, то передъ согласнымъ окончаніемъ *тъ* она обращается, по общему правилу, въ носовое *я* (т. е. въ *юсъ*: ѡ), которое послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* по требованію выговора обращается въ *а*. Это носовое *я* передъ гласной уступаетъ свое мѣсто кореннымъ звукамъ *м* (ем), *н* (ен), наприм. *мѣть*—*мну* (кор. *ми*), *распѣть*—*распну* (кор. *пи*), *жѣть*—*жму* и *жну* (кор. *жи* и *жи*), *взѣть*—*возьму* (кор. *ем*).

Переходъ глагола въ прилагательныя. § 25. Въ рускомъ языкѣ слова изъ одной части рѣчи легко переходятъ

въ другую, что составляет *шбкость* языка — немаловажное его достоинство.

Разсмотримъ сперва переходъ *глагола* въ *прилагательныя*. При такомъ переходѣ свойства глагола (введеніе времени, вида) могутъ сохраняться, могутъ и теряться. Въ первомъ случаѣ являются *причастія*, во второмъ *отглагольныя* прилагательныя, напр. *видѣть* переходитъ въ *видимый, видѣнный, видный, колоть*, — *колющій, колючій, колотый*. Какъ прилагательныя причастныя формы въ современномъ языкѣ бываютъ *краткія* (или первообразныя): *я* (*а* послѣ ж, ч, ш, щ), *чи, въ* (вши), *лз, мз, нз, тз*, и *полныя* (или производныя) *щій, чій, вщій, мый, мый, ный, тый* (*той*). Оконч. *я* (*а*), *чи, въ* (вши могутъ назваться *неродовыми*, такъ какъ они не выражаютъ рода; но въ ц. славян. яз. оконч. *я* (происшедшее изъ *а*) и *въ* принадлежали только мужеск. роду и могли склоняться какъ прилагательныя:

м. р. дѣлаа	ж. р. дѣлаючи
р. п. дѣлающа	дѣлающія
мн. ч. дѣлающе	дѣлаючи и пр.
м. р. дѣлавъ	дѣлавши
р. п. дѣлавша	дѣлавшія
мн. ч. дѣлавше	дѣлавши и пр.

У насъ же эти причастныя формы потеряли способность склоняться и выражать числа; онѣ стали уже опредѣлять не имя, а дѣйствіе, и слѣдственно получили значеніе обстоятельствоное. Такія формы въ нашихъ грамматикахъ стали называть *дѣепричастіями*, приравнивая ихъ къ нарѣчіямъ. Форма *учи, ючи* есть чисто-русская народная: *будучи, дѣлаючи*, отъ которой произошли отглагольныя прилагат. на *чій*: *колючій, трескучій*.

Оконч. *я* присоединяется прямо къ корню глагола во 2 спряженіи *): любить — *любя, терпѣть* — *терпя, смотрѣть* — *смотря*; въ 1-мъ же спряженіи къ гласной, соединяющей ко-

*) Мы относимъ ко 2-спряженію всѣ глаголы, принимающіе въ настоящ. времени оконч. *ю, аю, ею, аю, аю*, а къ 1-спряж. глаголы съ оконч. *ею, ею, ею, юю, юю*.

рень съ оконч. *тъ*: *дѣлатъ*—*дѣлая*, *имѣтъ*—*имѣя*. Тамъ же, гдѣ нѣтъ гласной, *я* соединяется прямо съ корнемъ: *нести*—*неся*, *цвѣсти*—*цвѣтя*. Нѣкоторые глаголы неохотно переходятъ въ эту форму, какъ, напр., *колотъ*, *мать*, *жать*, *мочь*, *сѣчь*, *течь* и другіе, большею частію первообразные.

Окончаніе *въ* присоединяется также къ гласной, соединяющей корень съ окончаніемъ основной формы, если она не *е*: *сдѣлатъ*—*сдѣлавъ*, *броситъ*—*бросивъ*; если же въ основной формѣ гласная *е* или совсѣмъ нѣтъ гласной, то къ корню присоединяется вмѣсто *въ* одно *ъ*, а иногда окончаніе *иш*: *нести*—*несиш*, *умереть*—*умериш*, *шедъ*—*шедиш*, *мочь*—*можиш*.

Впрочемъ, коренные звуки *д* и *т* не постоянны, иногда они остаются, иногда выпадаютъ, уступая свое мѣсто *в*: *спѣтъ*—*спѣвши*, *пѣтъ*—*пѣвши*, *ведтъ*—*ведши*, *цвѣсти*—*цвѣтиши*, *плести*—*плетиши*.

Это послѣднее окончаніе *иш* употребляется и при *въ*: *сдѣлавши*, *пѣхавши*. Въ глаголахъ съ признакомъ *ну*, выражающимъ переходное состояніе, обыкновенно отбрасывается этотъ признакъ, чѣмъ эти глаголы отличаются отъ мгновенныхъ на *ну*: *дрябнуть*—*дрябши*, *мокнуть*—*можиш*, *мерзнуть*—*мерзши*, *увянуть*—*увядши*.

Въ ц. славян. языкѣ изъ краткихъ формъ при помощи мѣстоименнаго оконч. *и* образовались полныя формы *яи*, *ми*, *ви*: *тіи*, *яди*, *си*, *сотвориави*; у насъ же для полныхъ формъ являются окончанія *уцій*, *юцій*, *ацій*, *ицій*, *вицій*, *иій*. Въ старыхъ рукописяхъ вмѣсто *у* и *я* находимъ *юсы* ж, л, слѣдовательно въ окончаніяхъ *иц*, *уц* былъ слышенъ носовой звукъ. Отсюда видно, что признакъ нашего причастія одинаковъ съ признаками причастія настоящаго другихъ родственныхъ языковъ: нѣм. *end*, лат. *ans*, *ens* (*ants*, *ents*), греч. *ων* (*онт*). Коренной звукъ *т* въ славян. яз. измѣнился въ *ц* по вліянію слѣдующаго гласнаго придыхательнаго звука. Въ народномъ говорѣ рѣдко слышится эта отглагольная форма; она есть принадлежность нашего литературнаго языка и зашла сюда изъ языка ц. слав. Ломоносовъ, составляя свою грамматику, также отнесъ эту форму причастія къ ц. слав. языку. Звукъ *ц*, такъ часто употребляемый въ этомъ послѣднемъ,

очень необходимо является въ русскомъ языкѣ, который вмѣсто того, чтобы сказать, что мы уже видѣли прежде изъ многихъ примѣровъ. Такимъ образомъ, вмѣсто окончанія *щій* рус. языку совершенно чуждъ и надо полагать, что въ древнемъ языкѣ это окончаніе въ самомъ дѣлѣ принадлежало причастной формѣ, но что потомъ, утративъ обыкновенное причастное выраженіе, оно стало принадлежать простымъ отглагольнымъ прилагательнымъ, такъ ц. слав. причастію *ходящій* соответствовало наше *ходячій*, *горящій* — *горячій* и *горючій*, *могущій* — *могучій*, *живущій* — *живучій*, *стоящій*, *стоячій*, *сидящій* — *сидячій*. Это же подтверждается и нашими краткими причастными оконч. *учи* и *ючи*. Окончанія *учій*, *ючи*, *ячій* представляетъ прямо къ корню глагола: *летучій*, *выпучій*, *носячій*, *плывучій*, *плывучій*, *трескучій*, *толкучій*. Всѣ эти слова, уже какъ прилагательныя, приняли выраженіе качества, какъ свойства предмета, точно также какъ и нѣкоторыя слова на *щій*: *свѣдущій*, *всемоущій*.

Если въ народныхъ пѣсняхъ и попадаются формы на *щій*, то онѣ зашли сюда изъ ц. слав. языка.

— Соловей птица *свистущая*.

— Увидѣлъ матушку *сидящую*,
Подъ окошечкомъ слезно плачущись.

— Что корова *заблудящая*,
Что ворона *залетящая*.

Оконч. *ущій*, *ющій* принадлежатъ 1 спряж. а *ящій*, *яющій* — второму: *вещи* — *ведуть* — *ведущій*, *дѣлать* — *дѣлають* — *дѣлающій*, *лещи* — *лещи* — *лещащій*, *кричатъ* — *кричатъ* — *кричащій*.

Различіе въ значеніи формъ *щій* и *вшій* (*вшій*) такое же, какое и въ краткихъ формахъ. Первая означаетъ неопредѣленную продолжительность, вторая же продолжительность опредѣленную. Оконч. въ первой формѣ лучше всего выражается настоящее время, а во второй прошедшее. Впрочемъ, форма на *щій* иногда выражаетъ и будущее время, что видно въ самомъ словѣ *вѣщій* или изъ слѣдующихъ примѣровъ у Жуков.: братьевъ своихъ истребленъ, тогда неизбѣжно

падающихъ;—руки *загребущи*, кости *распадающи*. Эту же форму употребляютъ и для выраженія прошедшаго времени, современнаго другому дѣйствию: у Пушкина: презирая опасности, ему *угрожающихъ*, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію; у Дмитріева: увидя старика, *входящую* съ сумою, собака лаять начала.

Одинакое значеніе съ короткою причастною формою на *ъ* имѣетъ и другая на *зъ*; разница въ томъ, что первая не выражаетъ рода, вторая же способна выражать родъ: *лзъ*, *ла*, *ло*, и потому можетъ назваться *родовою*; она также можетъ выражать окончаніемъ *ли* множест. число всѣхъ родовъ, но подобно первой не имѣетъ нужды въ падежахъ. Образуется она точно такъ же, какъ и первая; въ ней также послѣ согласныхъ въ мужескомъ родѣ ед. чис. *л* пропадаетъ: *скребъ* (скреблъ), *несъ* (неслъ), *могъ* (могъ), *влекъ* (влеклъ); впрочемъ, иногда выпадаютъ и язычные *д*, *т*, вм. *л*: *велъ* (ведлъ), *плелъ* (плетлъ), и тогда уже вновь не появляются въ женскомъ и сред. род. и во множ. ч., какъ *л*. Въ современномъ языкѣ нѣкоторые глаголы съ признакомъ *ну*, выражающимъ переходное состояніе, стали удерживать свой признакъ, подражая разряду мгновенныхъ глаголовъ: *утонуть* — *утонулъ* (*утонувший* и *утопшій*), *сгинуть*—*сгибъ* и *сгинулъ*, *окрѣпнуть*—*окрѣпнулъ* и *окрѣпъ*. Глаголь *рости* выбрасываетъ и коренное *т* и оконч. *л*, в. *росъ*—*росшій*.

Изъ краткой формы *лзъ* произошла полная *лмй*, которая перешла въ разрядъ прилагательныхъ, выражая постоянное свойство предмета: *служилый*, *смѣлый*, *лежалый*, *сидѣлый*, *трѣпый*, *бывалый*, *жилой*, *рослый*, *чашлый*.

Причастныя формы на *мъ*—*мый*, *нъ*—*ный*, *тъ*—*тый* имѣютъ значеніе *самостоятельнаго качества*, въ которое перешло дѣйствіе: *знаемый*, *читаемый*, *любимый*, *родимый*, *бываемый*, выражаютъ такія качества, которыя явились въ предметѣ вслѣдствіе дѣйствія и остались въ немъ постоянными. Съ этимъ вмѣстѣ соединяется и значеніе *возможности*, напр. *съѣдомое*—то, что можно ѣсть, *видимый*—тотъ, кого можно видѣть, *уязвимый*,—кого можно уязвить, *поправимый*—что можно поправить, *терпимый*, — что можно терпѣть. Смыслъ рѣчи

часто придаетъ этой формѣ значеніе страдательнаго залога настоящаго времени; но самая форма не имѣетъ исключительно этого значенія, такъ какъ въ нее могутъ переходить и средніе глаголы: *бываемый, ходимый, неизсякаемый, тьма не-святимая, сокрушимый, удержимый, уловимый, сгораемый*. Оконч. *емый, омый* принадлежатъ 1 спряженію; *имый* второму. Исключаются: *псть—подомый*.

Формы *ный, тый* заимствовали свои суффиксы *н, т* изъ мѣстоименій 3 лица (онъ, ть), ⁴указывающихъ на предметъ, отдаленный отъ говорящаго лица; слѣд. съ ними связывается представленіе объ отдаленности, отвлеченности. Отсюда имъ приписывается значеніе прошедшаго времени, такъ какъ въ немъ конченное дѣйствіе уже перешло въ качество или отвлечено отъ дѣйствія. Страдательное значеніе этихъ формъ зависитъ также отъ смысла рѣчи, напр. *почтенный* человекъ, *битая* посуда, *воспитанное* дитя не имѣютъ значенія страдательнаго; а человекъ, *почтенный* *встѣ* за свои заслуги, посуда, *битая въ теченіе года*, дитя, *воспитанное въ хорошемъ домѣ*, принимаютъ смыслъ страдательный. Глаголы, имѣющіе смыслъ средняго залога, также могутъ принимать эти формы: *суженный, хоженный, паженный, плытый, житый*.

Въ старинномъ языкѣ глаголы свободнѣе принимали обѣ формы *ный* и *тый*: *звѣтый* и *званный*, *знѣтый* — *узнанный*, *одѣтъ—одѣтъ*, *обогрѣтъ—обогрѣтъ*. Разница между ними въ томъ, что *ный* выражаетъ болѣе отвлеченности, тогда какъ *тый* нагляднѣе представляетъ качество: *омытый—омовенный*, *открытый—откровенный*, *убитый—убіенный*. Въ современномъ языкѣ форма *тый* употребляется: 1) въ простыхъ (коренныхъ) глаголахъ съ гласнымъ окончаніемъ корня, исключая *а* съ которой соединяется форма *ный*: *дуть—дутый*, *мыть—мытый*, *брить—бритый*, *грѣть—грѣтый*; изъ глагола *жѣть—жѣтый*, а не *жаный*, потому что здѣсь *а* произошло изъ юсоваго *я* послѣ *ж*. 2) Въ глаголахъ съ соединительн. гласной *о, е* послѣ *л, р*, причемъ *е* выпадаетъ, а *о* остается: *терѣтъ—тертый*, *колотъ—колотый*, *молотъ—молотый*. 3) Въ глаголахъ съ примѣтою *ну*: *двинуть—двинутый*, *инуть—инутый*. Въ прочихъ случаяхъ употребляется суффиксъ *н*, который въ современ-

номъ языкѣ часто удваивается; въ глаголахъ на *ать* и прямо присоединяется къ *а*: *дать*—*данный*, *узнать*—*узнанный*; въ глаголахъ на *ить*, *сти*, *чь* онъ присоединяется къ корню съ помощію *е*, которое имѣетъ вліяніе на измѣненіе предыдущихъ гортанныхъ *г*, *к*, *а*, иногда и язычныхъ *д*, *т*: *варить*—*варенный*, *родить*—*рожденный* (ц. сл. рожденный), *пздить*—*пзженный*, *мостить*—*мощенный*, *вразумить*—*вразумленный* (л. послѣ губн. м), *вести*—*веденный*, *жечь*—(жг) *жженный*, *стѣчь*—*стѣченный*, *толочь*—*толченный*. Въ глаголахъ съ гласною *ъ*, одни удерживаютъ ее въ письмѣ, другіе замѣняютъ буквою *е*: *видѣть*—*видѣнный*, *обидѣть*—*обиженный*, *высидѣть*—*высидженный*.

Примѣч. „Общее правило то, что эта форма причастія образуется исключительно отъ темы неопреч. накл. (безъ оконч. *тъ*) и непремѣнно при помощи соединительной гласной, т. е. *е*. Все различіе, впрочемъ кажущееся, заключается лишь въ томъ, что при темахъ на согласный звукъ, *е* остается чистымъ, какъ *несенъ*, *веденъ* и т. д.; при темахъ на гласные звуки, кромѣ *и*, совершается обычная ассимиляція (уподобленіе звука) и поглощеніе одного изъ одинаковыхъ звуковъ: *читати*—*читаенъ*—*читаанъ*—*читанъ*, *умѣти*—*умѣенъ*—*умѣтнъ*—*умѣтъ* (недоумѣніе) что же касается до тематическаго звука *и*, то извѣстно свойство его превращаться передъ гласнымъ въ *j* (*ь*); отсюда: *род-ити* съ соединительнымъ *е* должно образовать форму *родиенъ*—*родѣнъ*—*рожденъ*. Вотъ почему и всѣ глаголы съ темою на *и* въ причастіи на *нъ* неизбѣжно требуютъ смягченія всѣхъ смягчаемыхъ согласныхъ“ („Лавровскаго“ Объ истор. грам. Буслаева. Записки Имп. акад. н. т. VIII кн. I 1865).

Если оконч. *ный* прямо присоединяется къ корню глагола, а не къ глагольной темѣ, какъ въ предыдущихъ примѣрахъ, то и самая форма будетъ заключать въ себѣ меньше глагольнаго значенія и переходитъ въ разрядъ прилагательныхъ именъ, напр. *вид-ный*, *слыш-ный*, *род-ной*, *юд-ный*, *вред-ный*.

Примѣч. Въ народныхъ пѣсняхъ всѣ причастныя формы, переходя въ прилагательныя и слѣд. выражая одно качество, смѣшиваются между собою и употребляются одна вмѣсто другой: молва *неутѣшная* (*неутѣшающая*), вдова *неутѣшная* (которую нельзя утѣшить), милостыня *спасеная* (спасающая), мать *порожденная* (родившая), конь *непзжалый* (неѣженный), *пзжалый* добрый молодецъ (ѣдившій), огонь *теплый* (теплящійся).

Нѣкоторыя прилагательныя отличаются отъ причастій только удареніемъ: причастіе *униженный*, *положенный*, *приданный*, *прѣзрѣнный*—прилагат. *униженный*, *положенный*, *приданный*, *прѣзрѣнный*. Можно полагать, что первыя перешли къ намъ изъ церковно-слав. яз., тогда какъ вторыя части—русскія причастныя формы, сдѣлавшіяся прилагательными. Нѣкоторые глаголы, чтобы перейти въ прилагательныя, употребляютъ два суффикса *л* и *н*, отчего составляется окончаніе *льный*: *кадитъ*—*кадильный*, *будитъ*—*будильный*, *родитъ*—*родильный*, *читатъ*—*читальный*, *мытъ*—*мальный*.

Когда дѣйствіе обращается въ свойство и способность предмета, то часто употребляется суффиксъ *к*: *терпкій*, *вязкій*, *ходкій*, *ломкій*, или съ перемѣною *к* въ *ч*: *юнчій*, *ловчій*, *стрѣлчій*, *купчій*, *пѣвчій*.

Для выраженія *преобладанія* извѣстнаго дѣйствія какъ качества предмета, глаголы нерѣдко переходятъ въ прилагательныя посредствомъ окончаній *изъ*, *ивый* въ связи съ суф. *к* (измѣняющ. въ *ч*) и *л*: *бранчивый*, *вспылчивый*, *находчивый*, *заносчивый*, *сворочивый*, *терпливый*, *молчаливый*, *тоскливый*, *хвастливый*, *крикливый*.

Переходъ существ. въ прилаг. § 26. Суффиксъ *н* имѣетъ весьма обширную область въ прилагательныхъ: онъ является во многихъ, корни которыхъ у насъ неупотребительны, напр., *блѣдный* (*pallidus*), *праздный*, *полный* (*pleo*), *пышный*, *ровный*, *черный*, *ясный*.

Съ помощію оконч. *ный* (*ной*) переходятъ многія имена существительныя въ прилагательныя: *вѣра*—*вѣрный*, *глава*—*главный*, *глазъ*—*глазной*. Замѣчательно, что передъ *ный* звуки *з*, *к*, *х* обращаются въ придых. *ж*, *ч*, *ш*: *влага*—*лажный*, *сокъ*—*сочный*, *смѣхъ*—*смѣшной*, *грѣхъ*—*грѣшный*. Это заставляетъ подразумѣвать передъ *ный* придыханіе, которое въ самомъ дѣлѣ появляется въ видѣ *ъ* (послѣ *л*: *дѣльный*, *цѣльный*; въ польскомъ языкѣ оно выказывается постоянно.

Примѣч. Съ нашимъ окончаніемъ *ный* совершенно сходно греч. *ινος* и лат. *inus*, слѣд. *ъ* передъ *ный* не что иное, какъ сократившееся первоначальное *і*.

Съ помощію звука *и* переводятся чужеземныя прилагательныя въ число нашихъ: *familiaris*—*фамиллярный*, *ideal*—*идеальный*, *cursive*—*курсивный*, *progressive*—*прогрессивный*, *privatus*—*приватный* и пр.

Посредствомъ оконч. *ннй* переводятся въ прилагательныя даже цѣлыя выраженія: *Богу молиться*—*богомольный*, *челомъ бить*—*челобитный*, *подъ небесами*—*поднебесный* и пр.

Звукъ *и* нерѣдко соединяется съ другими усвоительными окончаніями *ов*, *ев*, *ій*, *ин*: *гречневый* (греча), *коричневый* (корица), *верховный* (верхъ), *дневный* (день), *братнйй* (стар. братень), *Господнйй* (Господень). Оконч. *нйй* прилагается къ существ., означаящимъ время и мѣсто: *лѣтнйй*, *осеннйй*, *утреннйй*, *верхнйй*, *далнйй*, *долнйй*. Иногда двойко: *мужнйй*—*мужнинъ*, *братнйй*—*братнинъ*, *женнйй*—*женинъ*, *зятнйй*—*зятнинъ*.

Какъ въ причастіяхъ, такъ и въ прилагательныхъ *и* часто удваивается послѣ гласнаго звука.

Въ старорусскомъ языкѣ имена существительныя переходили въ прилагательныя, измѣняя свое оконч. на *ъ*, которое сократилось изъ *и* (оно же во многихъ языкахъ имѣетъ назначеніе переводить существительныя въ прилагательныя); напр. отъ существ. *Иванъ*, *Боянъ*, *Володимерь*, *Ярославъ*, *Всеволодъ*, *Борисъ*, *человѣкъ*, *птица*, *чалка* произошли прил. *Иванъ*, *Боянъ*, *Володимерь*, *Ярославъ*, *Всеволожь*, *Боришь*, *человѣчь*, *птичь*, *чаличъ*. Въ современномъ языкѣ это *ъ* или *и*, принявъ мѣстоименное окончаніе *ій*, обратилось въ *ійй* и переводитъ многія существит. въ прилаг., при чемъ измѣняются только звуки *и*, *к*, *х* и *ц*: *бѣлуга*—*бѣлужійй*, *волкъ*—*волчійй*, *пистухъ*—*пистухійй*, *рыба*—*рыбійй*, *леса*—*лисійй*, *птица*—*птичійй*. Въ словахъ *ребячійй*, *телячійй*, *цусачійй* и пр. т. п. окончаніе *ійй* прибавилось къ полному неродовому окончанію *ятъ*, *атъ* (*ребятъ*, *телятъ*), при чемъ *т* передъ *і* измѣнилось въ *ч*. Слова *кошачійй* и *кошечійй*, одинакія по значенію, различаются производствомъ: первое произведено отъ уменьшит. *коша*, второе же отъ *кошка*.

Замѣчательно, что производственное окончаніе *ійй* не употребляется при именахъ неодушевленныхъ существъ. Впрочемъ, и при одушевленныхъ вмѣсто *і* у насъ часто является

слогъ *ов*, *ев*, означающій принадлежность или усвоеніе. Если усвоеніе относится къ извѣстному лицу или животному, тогда прилагательное принимаетъ первообразное окончаніе: *Петровъ*, *Ивановъ*, *отцовъ*, *бобровъ*; если же къ цѣлому роду лицъ и животныхъ, тогда является мѣстоименное окончаніе *ий*: *козловый*, *слоновый*, *юрностаевый*, *кузнецовый*, *писцовый*. Здѣсь должно замѣтить, что слоги *овъ* и *овый* переводятъ въ прилагательныя только мужскія имена на *ъ*, *ь*. Усвоительное окончаніе *овый* отъ лицъ и животныхъ перешло и на вещи: *дубовый*, *ольховый*, *еловый*, *домовый*. Равносильно съ окончаніемъ *овъ* употребляется въ прилагательныхъ оконч. *инъ*, которое прикладывается къ именамъ лицъ и животныхъ съ женскимъ окончаніемъ *а*, *я*, *ь*: *бабушка—бабушкинъ*, *дедъ—дединъ*, *Васька—Васькинъ*, *Маша—Машинъ*, *птица—птицинъ*, *сова—совинъ* и пр.

По этому же правилу составляются и наши фамиліи: къ имени съ мужеск. оконч. прибавляется *овъ*, *евъ*: *Ивановъ*, *Петровъ*, *Камышовъ*, *Волковъ*, *Каменевъ*; къ имени съ женскимъ оконч. прибавляется *инъ*: *Оминъ*, *Лукинъ*, *Мышинъ*, *Лисицинъ*, *Кишкинъ*, *Шапкинъ*, *Щепкинъ*, *Неволинъ*.

Какъ оконч. *овъ* можетъ переходить въ *овый*, для того чтобы выразить принадлежность цѣлой породы, такъ точно и оконч. *инъ* переходитъ въ *иный*, которое, впрочемъ, можетъ прилагаться только къ именамъ животныхъ, не обращая вниманія на ихъ окончанія: *воробинный*, *голубинный*, *орлиный*, *звѣринный*, *лошадинный*, *львинный*, *муравинный*.

Равносильно съ суффиксами *н*, *ов*, прилагательное образуется черезъ суф. *ск*: *царскій*, *женскій*, *конскій*, *сельскій*, *успенскій*, *русскій*, *январскій*. Старинное окончаніе было *скый*. гдѣ *и*, послѣ *к*, по великорусскому выговору, не могло устоять и обратилось въ *і*. Передъ оконч. *скій* скрыто придыханіе *ъ*, сократившееся изъ *и* (нѣм. *isch*, лат. *icus*). Оно обнаруживается послѣ *л*: *пріятельскій*, *ательскій*, *апостольскій*, послѣ гласной обращаясь въ *й*: *византійскій*, *англійскій*, и послѣ *ъ*, *к*, *х*, которыя по этому случаю обращаются въ соотвѣтственныя придыхательныя *ж*, *ч*, *ш*: *человѣчeskій*, *дружескій*, *монашескій*, гдѣ *ъ* для облегченія выговора переходитъ въ бѣглое *е*. Въ польскомъ языкѣ это придыханіе *ъ* передъ оконч.

скій сохранилось во всей силѣ; поляки говорятъ: *паньскій*, *русьскій* и пр. Въ новѣйшемъ производствѣ у насъ законъ измѣненія гортанныхъ звуковъ оставленъ безъ вниманія, особенно при именахъ иностранныхъ, наприм. *петербургскій*, *ямбургскій*, *гамбургскій*; поэтому при выговорѣ мы выпускаемъ звукъ *г*, который по законамъ нашего языка передъ оконч. *скій* устоять не можетъ. Слова, составленныя въ старину, сохранились у насъ и донинѣ въ правильной формѣ: *рижскій*, *волошскій*, *греческій* и др.

Примѣч. Наше оконч. *скій* одинако съ древне-нѣмецк. *isk* и съ новонѣмецк. *isch*: Russisch, Französisch, съ гречес. — *ισκος* βασιλ — *κός* (царскій), съ лат. *icus*, *asiaticus* (азіатскій), *germanicus* (германскій). Оконч. *isc* попадаетъ у Тацита въ названія народовъ: *Avarisci*, *Narisci*. Родственное съ *искъ* встрѣчаемъ во француз. яз. оконч. *esque*: *gigantesque*, *arabesque*, *grotesque*.

Для избѣжанія непріятнаго стеченія звуковъ *чск*, — звукъ *ч* передъ *скій* часто обращается не въ *ч*, а въ *т*, которое вмѣстѣ съ слѣдующимъ *с* сливается въ *ц*, напр. *мужикъ* — *мужитскій* — *мужицкій*, *дуракъ* — *дуратскій* — *дурацкій*. Такое же измѣненіе было въ старомъ склоненіи прилагательныхъ на *скій*: *человѣчскій* — *человѣчестій* — *человѣчестнй*.

Имена, кончающіяся на *скъ*: *Бѣлозерскъ*, *Архангельскъ*, *Курскъ*, *Полотскъ* и др., сами произошли отъ прилагательныхъ на *скій*, а потому, вновь переходя въ прилагат., они принимаютъ только оконч. *ій*, а не *скій*: *бѣлозерскій*, *архангельскій*, *курскій* и пр.

Имена, кончающіяся на *инъ*, выражающее единичность, при переходѣ въ прилагательное на *скій*, теряютъ слогъ *ин*: *господинъ* — *господскій*, *дворянинъ* — *дворянскій*.

Примѣч. Оконч. *скій* мы употребляемъ также при латин. прилаг. на *icus* и француз. на *ique* для того, чтобы перевести ихъ въ русскія; здѣсь латин. слогъ *ic* и франц. *iqu*, слившись съ нашимъ *скій*, произвели окончаніе *ическій*: *физическій* (*physicus* — *physique*), *гармоническій*, (*harmonicus* — *harmonique*), *химическій*, *панический* и пр.

Оконч. *скій* иногда соединяется съ другимъ усвоительнымъ слогомъ *ов*, *ев*, *ин*, отъ чего происходятъ окончанія *овскій*, *евскій*, *инскій*: *воровской*, *отцовскій*, *материнскій*.

Суффиксы и въ окончаніяхъ *овъ, инъ, ѣннъ* выражаютъ обладаніе чѣмъ-либо: *женинъ, кушенинъ, рѣчнъ, плетенинъ, оловнъ, желѣзникъ, стѣнникъ*.

Переходъ нарѣчій въ прилагат. § 27. Нарѣчія времени и мѣста сеголетать въ прилагательныя посредствомъ окончанія *ннъ*: *летѣннѣй, осеннѣннѣй, зимнѣннѣй, лѣтнѣннѣй, зимнѣннѣй, лѣтнѣннѣй* и пр. Спрашивается, откуда здѣсь явились *ннѣ*? Они могъ произойти только изъ мѣстоименнаго окончанія *съ*, которое иногда появляется при нарѣчійхъ, какъ, напр., *этотъ* составилось изъ стариннаго *отъ*, *днесь* изъ *отъ*, или въ провинціальныхъ говорахъ: *днесь*, *мѣсь*, *тѣсь*, *сѣсь*, *нѣсь* и др.

Имя лицъ. § 28. Для производства различныхъ названій *лицъ* по ихъ качеству, дѣйствию, состоянію и пр. употребляются по большей части тѣ же суффиксы, что и въ прилагательныхъ. Суффиксами *акъ* и *икъ* изображаются:

1. Названіе лица по его хорошему или дурному качеству: *остракъ, толмачъ, бѣлякъ, добрякъ*.

2. Названія лицъ по ихъ промыслу, занятію, иногда и по происхожденію изъ извѣстнаго мѣста. Эти имена происходятъ отъ именъ существительныхъ коренныхъ: *бурсакъ, морякъ, рыбакъ, скорякъ, землякъ, прусакъ, полякъ, тулякъ, сибирякъ*. Эти же слова для выраженія женскихъ именъ къ слогу *акъ* принимаютъ оконч. *ика*, въ которомъ *ь*, измѣнивъ предшествующее к на ч, выпадаетъ: *рыбачка, землячки, прусаки, сибирячки, козачки* и др.

Суф. *икъ*, соединившись съ суффик. *нъ*, произвелъ оконч. *никъ* и представляетъ лица, обращающіяся около извѣстныхъ вещей и занятій: *мядникъ, печникъ, булочникъ, картѣжникъ, книжникъ*.

Суф. *скій*, соединившись съ суф. *икъ*, образовалъ оконч. *щикъ* и *чикъ*: *ямщикъ, зеленщикъ, конторщикъ, заводчикъ, монетчикъ, наборщикъ, переводчикъ и переводчикъ*. Буквы *з, с, ст, ск* передъ оконч. *щикъ* трудно выговариваются, а потому отбрасываются: отъ *рѣзать, доносить, сгискать* составились: *рѣщикъ, донощикъ, сгисчикъ*.

Суф. *л*, соединившись съ оконч. *щикъ*, произвелъ оконч. *льщикъ*: *молотильщикъ* (молотить—молотилъ), *платильщикъ* (платить—платилъ), *плавильщикъ* и др.

Окончаніе *щикъ* иногда соединяется съ суф. *ов*; въ такомъ случаѣ происходитъ окончаніе *овщикъ*: *медовщикъ*, *гробовщикъ*.

Окончанію *икъ* въ женскомъ родѣ соотвѣтствуетъ оконч. *ица*: *булочница*, *картежница*, *конторщица*, *заводчица*, *переводчица*, *донощица*.

Впрочемъ, нѣкоторыя слова принимаютъ въ женскомъ родѣ другія окончанія: *ящикъ*—*ящичка*, *старикъ*—*старуха*, *дворникъ*—*дворничиха*.

Примѣч. Окончаніе *ица* родственно съ французскимъ *esse* и греческ. *ισσα*: *princesse*, *baronesse*, *tigresse*, *βασιλισσα*.

Окончаніе *ачъ*, *ачь* употребляется для названія лицъ по обилію въ нихъ какого-нибудь качества: *богачъ*, *силачъ*, *усачъ*, *хохлачъ*, *бородачъ*, *лихачъ*. Эта порода именъ сходна съ прилагательною пороодою на *атъ*, изъ которой, какъ видно, она и произошла: *богатъ*, *хохлатъ*, *усатъ*.

Окончаніе *ачъ* иногда соотвѣтствуетъ окончанію *ецъ*, выражая имена лицъ, обращающихся въ извѣстномъ дѣйствіи: *ткачъ*, *ковачъ*, *скрипачъ*, *трубачъ*, *творецъ*, *купецъ*, *боецъ*, *пѣвецъ*, *лжецъ*, *лстецъ*. *Ецъ* иногда соединяется съ друг. суффик. *л*, отчего образуется оконч. *лецъ*: *жилецъ*, *постоялецъ*, *сидѣлецъ*, *кормилецъ*, *владелецъ*. Слогъ *ецъ*, прибавляясь къ прилагательнымъ, выражаетъ названіе лицъ, выказывающихъ чѣмъ-нибудь свое качество: *храбрецъ*, *мудрецъ*, *упрямецъ*, *лѣнivecъ*, *знакомецъ*, *молодецъ*.

Наконецъ, имена земель и городовъ съ окончаніемъ *ецъ* выражаютъ ихъ уроженцевъ: *европѣецъ* (отъ старин. Европія), *азиатецъ*, *новгородецъ*.

Окончанію *ецъ* въ женскомъ родѣ соотвѣтствуютъ *ица* и *ька*, первое употребительнѣе для именъ отглагольныхъ и прилагательныхъ, второе для выраженія уроженокъ извѣстной земли: *пѣвица*, *жилица*, *постоялица*, *кормилица*, *владица*, *упрямица*; *европейка*, *азіятка*, *новгородка*; *знакомецъ*—*знакомка*, *молодецъ*—*молодка*, *купецъ*—*купчиха*. Нѣкоторыя имена совсѣмъ не

могутъ переходить въ женскій родъ, какъ *творецъ, храбрецъ, мудрецъ, хитрецъ*.

Сходно съ окончаніемъ *ецъ* представляетъ имя дѣйствителя также оконч. *тель*: *создатель, предатель, учитель, толкователь, блюститель*.

Всѣ эти имена для выраженія женскихъ лицъ соединяются съ суф. *н* и съ окончаніемъ *ица*: *предательница, учительница* и проч.

Примѣч. Окончаніе *тель* вполне сходно съ латин. *tor* и съ греч. *твор*, *тѣр*: *creator* (создатель), *proditor* (предатель), *σωτήρ* (спаситель).

Окончаніе *ичъ*, *ичь* употребляется для названія лицъ по отчеству. Здѣсь существуетъ слѣдующій законъ: имя отца съ родовымъ окончаніемъ переходитъ въ прилаг., принимая суф. *ов*, *ев*, къ которому и прибавляется *ичъ*: *Петръ—Петровъ—Петровичъ, Василій—Васильевъ—Васильевичъ*. Имена же съ неродовымъ оконч. *а*, *я* прямо принимаютъ *ичъ*: *Кузьма—Кузьмичъ, Илья—Ильичъ*. Сюда же относятся слова: *царевичъ, княжичъ, баричъ, отчичъ, дѣдичъ, родичъ, родовичъ*; также названіе лицъ по происхожденію изъ нѣкоторыхъ русскихъ городовъ: *москвичъ, псковичъ, костромичъ*.

Примѣч. Оконч. *ичъ* совершенно сходно съ греч. *ιτης, ιδης*: *Παλτιδης, Ἀτρειδης*.

Мужескому оконч. *овичъ, евичъ* соотвѣтствуетъ женское *овна, евна*: *Петровна, Васильевна*, а простому *ичъ* — женск. *ичична*: *Лукинична, Ильичична*..

Но отъ *Никита* происходитъ *Никитична*. Для названія по происхожденію изъ городовъ эти женскія окончанія не употребляются.

Для названія лицъ по происхожденію изъ извѣстной области, по извѣстному сословію, а иногда и религіи, употребляется суф. *ан*, *ян*, въ связи съ друг. суф. *ин* или *ецъ*: *римлянинъ, киевлянинъ, ладожанинъ, итальянецъ, африканецъ, дворянинъ, мѣщанинъ, крестьянинъ, гражданинъ, мірянинъ, клирошанинъ, маометанинъ, лютеранинъ*. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ именахъ оконч. *инъ, ецъ* прибавляется прямо къ корню безъ посредства *ан*, *ян*: *татаринъ, русинъ, испанецъ*, а въ нѣко-

торыхъ при оконч. *анинъ, янинъ* является еще новый суф. *ит*: *москвитянинъ, тверитянинъ*.

Окончаніе *инъ* здѣсь имѣетъ значеніе единства, оттого во множеств. числѣ оно выпадаетъ: *римляне, христіане, крестьяне*.

Примѣч. Наше окончаніе *анинъ, янинъ* совершенно сходно съ греческ. *ανος* и латин. *apus*: *христіανος, аfrіcanus*.

Въ названіи женскихъ лицъ окончанія *инъ* и *ецъ* замѣняются оконч. *ка*: *римлянка, москвитянка, итальянка, дворянка, лютеранка, хозяйка; юсупожа, барыня, боярыня*.

Женскія окончанія *ыня, ица, ша, иха* употребляются по большей части для выраженія званія мужа: *юсударыня, княгиня* (изъ стар. княгыни), *полковница, советница, поручица, воеводиша*. Впрочемъ, окончаніе *ша* преимущественно употребляется съ иностранными словами: *генералша, ассесорша, профессорша, офицерша, слесарша, аптекарша*.

Примѣч. Въ древнемъ рускомъ языкѣ оконч. *ыни, ыня* изображали происхожденіе женщинъ изъ извѣстнаго народа *крекыни, ясыни, самаряныни*; теперь же для этого мы употребляемъ *ка, янка*.

Окончаніе *иха* употребляется при именахъ русскихъ женъ низшаго состоянія: *дѣвчиха, старостиха, повариха, ткачиха*; употребляется также при именахъ собственныхъ: *Иваниха*—жена Ивана или Иванова. Иногда *иха* производитъ имена женъ отъ глагола: *шумиха, шумиха, трусиха*.

Окончаніе *истъ* перенято нами изъ другихъ языковъ и потому встрѣчается только при чужеземныхъ именахъ: *академистъ, семинаристъ, латинистъ, хористъ*. Изъ русскихъ именъ приняло его одно *усмистъ*.

Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ окончаній есть еще нѣсколько другихъ для выраженія имени лицъ, какъ, напр., *ай, яй, уй, ей, аха, уха*, но они встрѣчаются гораздо рѣже.

Имя дѣйствія. § 29. Имена, означающія внѣшнее дѣйствіе, осязаемое для чувствъ, чаще всего появляются со звуками *и, к, х, т*: *визгъ, трескъ, стукъ, блескъ, шорохъ, страхъ, трепетъ, хохотъ*.

Самое обыкновенное окончаніе для выраженія имени дѣйствія есть *ка*, которое прибавляется къ корню глагола: *носить*—*носки*, *плясать*—*пляска*, *скакать*—*скачка*, *играть*—*игрушка*.

Другое окончаніе есть *іе* и *іе*, происшедшее изъ причастной формы на *нъ*, *тъ*: *рожденіе*, *вспоминаніе*, *страданіе*, *мытѣ*, *шитѣ*. Съ этими окончаніями имена дѣйствія приближаются къ именамъ отвлеченнымъ.

Имя орудія. § 30. Изъ суффиксовъ для изображенія орудій употребляются тѣ же, которыми означаются дѣйствующія лица и дѣйствія: *ок*, *ик*, *ник*, *ецъ*, *ицъ*, *акъ*, *ка*: *катокъ*, *рукомойникъ*, *курильница*, *рылецъ*, *тесакъ*, *спчка*, *пряжка*, *рукоятка*. Здѣсь орудія разсматриваются наравнѣ съ дѣйствующимъ лицомъ и потому принимаютъ тѣ же окончанія лицъ. Имя дѣйствія также весьма часто переносится на орудіе или на вещь, употребляемую для дѣйствія: *свчка*, *краска*, *терка*, *соска*.

Многія имена орудія и вещей происходятъ изъ причастія на *ло*: *мыть*—*мыло*, *покрывать*—*покрывало*, *кадитъ*—*кадило*, *кропитъ*—*кропило*. Однако жъ средніе глаголы, отличенные примѣтами *н* и *ну*, не могутъ принять знакъ орудія *ло*. Иногда къ суф. *л* прибавляется еще окончаніе имени дѣйствія *ка*: *вѣшалка*, *курилка*, *будилка*, *прялка*.

Имена осудовъ, назначенныхъ для вмѣщенія извѣстнаго вещества, являются съ суф. *ик* и *ицъ* въ связи съ суф. *н*: *чай*—*чайный*—*чайникъ*, *чернила*—*чернильный*—*чернильница*, *кофейникъ*, *молочникъ*, *сахарница* и пр.

Имена отвлеченныхъ понятій. § 31. Для выраженія отвлеченности качества, количества или дѣйствія, болѣе другихъ употребителенъ производственный слогъ *ство*: *лукаство*, *воровство*, *блѣство*; *дѣвство*, *дружество*, *дѣтство*, *монашество*, *богатство*, *величество*; *единство*, *первенство*; *качество*, *количество*, *ничтожество*; *существо*.

Здѣсь нужно замѣтить, что предъ окончаніемъ *ство* скрывается придыханіе *ь*; оно обнаруживается послѣ *л*: *нахальство* (*нахаль*), *удальство* (*удаль*), послѣ гласной, измѣняясь въ *й*: *убійство* (*убить*); по этому случаю и гортанные *з*, *к*, *х* измѣняются въ *ж*, *ч*, *ш*, при чемъ отъ стеченія согласныхъ *ь* обращается въ *е*: *дружество* (*другъ*), *одинокство* (*оди-*

нокъ), *монашество* (монахъ); отсюда исключается только слово *бгство*.

Иногда къ суф. *ств* прибавляется окончаніе *іе*: *царствіе*, *путешествіе*, *слѣдствіе*, *благоденствіе*, *дѣйствіе*, *бѣдствіе*.

Другое употребительное окончаніе *ость*, *есть* соединяется преимущественно съ прилагат. и причастіями: *старость*, *строгость*, *бодрость*, *крѣпость*, *усталость*, *терпимость*, *горестъ*, *тяжестъ*, *свѣжестъ*.

Весьма употребительны также окончанія *іе*, *тіе*, происшедшія изъ причастій: *чтеніе*, *опредѣленіе*, *искушеніе*, *бытіе*, *житіе*, *мытіе*.

Кромѣ упомянутыхъ окончаній есть еще нѣсколько употребительныхъ, какъ, напр., *ота*: *доброта*, *пустота*, *чернота*; *оба*: *дружба*, *служба*, *пальба*, *ходьба*; *оба*: *худоба*, *злоба* и др.

Имя мѣста. § 32. Для указанія мѣста, гдѣ находятся вещи или совершается дѣйствіе, обыкновенно употребляются окончанія *ня* и *ище*: *ружейня*, *бойня*, *харчевня*, *куратня*, *овчарня*, *спальня*, *мыльня*, *сушилня*, *купальня*; *игрище*, *кульбище*, *пепелище*, *пожарище*, *жилище*, *святимище*, *училище*. При производствѣ имени мѣста отъ существительнаго, окончанія *ня* (и суффиксъ прилагат.) и *ище* присоединяются прямо къ корню; отъ глагола же — къ причаст. *ль*: *игрище* отъ *игра*, *жилище* отъ *жилъ*.

Окончаніе *ище* въ старорусскомъ языкѣ употреблялось для опредѣленія пространства и разстоянія, такъ у Нестора: *стрѣлище*—пространство, сколько пролетитъ стрѣла, *днище*—пространство, которое можно пройти въ продолженіе дня.

Имена уменьшительныя. § 33. Цѣль представленія предметовъ и ихъ качествъ въ уменьшенномъ видѣ бываетъ различна: иногда представляется просто малость или мало-важность, иногда только ласка и вѣжливость, иногда презрѣніе.

Наши имена могутъ имѣть три степени уменьшенія. Наиболѣе употребительные суффиксы: *я* (я), *к*, *ц*.

Юсовое *я* употребляется при именахъ собственныхъ: *Петя*, *Вася*, *Саша*, *Дуня*, или выражающихъ родство: *тятя*, *дядя*, *тетя* (здѣсь иногда *я* обращается въ *а*: *папа*, *мама*) или

въ названіи малолѣтнихъ животныхъ: *жеребя, теля, порося*. Впрочемъ, открыто у насъ ходитъ съ этимъ оконч. одно слово *дитя*; воѣ же другія мы переводимъ на вторую степень уменьшенія, съ оконч. *окъ*, при чемъ носовой звукъ, скрытый въ *я*, снова появляется: *жеребенокъ, теленокъ*.

Первоначальное окончаніе воѣхъ словъ этой породы было *сть*: изъ него звукъ *т* выпалъ весьма рано; впрочемъ въ косвенныхъ падежахъ онъ сохранялся долѣе, такъ у Нестора мы еще встрѣчаемъ *родит. пад.* отъ *Юря* (уменьш.—Юрій) — *Юряти*; въ ц. слав. и старорус. языкѣ *жеребяти, осяти*; во множеств. числѣ названія малолѣтнихъ животныхъ мы и теперь сохраняемъ *т*: *жеребята, осята*. Этотъ же звукъ *т* перешелъ и въ производныя прилагательныя, измѣнившись на *ч* передъ *і* (*ь*): *жеребачій, телачій, ребячій*. Имена *жиденята, чертенята, турченята, внученята, дѣтченята* составлены неправильно, вмѣсто *жидята, чертяни, турчати* и пр.

Въ современномъ языкѣ мы всячески стараемся избѣгать этой породы съ оконч. *юсъ*, и потому имена ласкательныя облизали съ именами женскаго рода на *а* и *я*, и подражаемъ имъ даже въ склоненіи, а имена малолѣтнихъ животныхъ перевели въ родъ мужескій (*енокъ*), удержавъ только старое множественное число (*ята*). Осталось лишь слово *дитя*, но и его въ косвенныхъ падежахъ нерѣдко мы силимся подвести подъ общія правила именъ съ родовыми окончаніями; такъ говорятъ въ винит. пад. *дитю* вм. *дитя*, въ твор. *дитю*, *дитяшю* вм. *дитяшюмъ*; множ. число передѣлалось въ *дѣтя*.

Оконч. *окъ, екъ, икъ* (для муж. р.), *ка* (для женск.), *ко* (для ср.) прикладываются къ корню именъ существительныхъ: *лазко, локошко, денекъ, дружокъ, крючокъ, листокъ, ложикъ, кончикъ, рубчикъ, юлоска, шалыки, ручки, вефюкы, ушко, бремачко*.

Оконч. *окъ, екъ* и *икъ* ничѣмъ не разнятся одно отъ другого и многія имена переходятъ въ уменьшительныя посредствомъ тѣхъ и другихъ слоговъ: *листокъ* и *лиштикъ, изѣтокъ* и *изѣтикъ, часокъ* и *чашикъ, разокъ* и *разикъ*; при чемъ окончаніе *окъ* всегда притягиваетъ къ себѣ удареніе. Впрочемъ, кончающіеся на *і, к, г* всегда принимаютъ окончаніе *окъ*: *дружокъ, старичокъ*, а на *ж, ч* и *ц* — окончаніе *икъ*: *кончикъ, рубчикъ, ножикъ, мячикъ*. Здѣсь *и* смягчается въ *ч*.

Передъ окончаніемъ *ка* и *ко* скрыто *ь*, которое часто обнаруживается послѣ *л* и гласной: *недѣлька*, *воробейко* (*ь* измѣн. въ *й*); вслѣдствіе же этого гортанные звуки *г*, *к*, *х* измѣняются въ соотвѣтственные придыхательные: *ножка* (нога), *ручка* (рука), *ушко* (ухо).

Имена на *мя* при уменьшеніи восстанавливаютъ выпавшее окончаніе *т*, которое передъ *ко* (*ько*) измѣняется въ *ч*: *времячко*, *стѣмячко*.

Многія имена, принявъ уменьшительные слоги, потеряли значеніе уменьшенія и ходятъ какъ имена простыя: *кусокъ*, *возокъ*, *мужикъ*, *стѣникъ*, *книжка*, *елка*. Для выраженія уменьшенія они вновь принимаютъ тѣ же уменьшительные слоги: *кусочекъ*, *возочекъ*, *мужичокъ*, *книжечка* и пр.

Слогъ *ецъ* очень рѣдко появляется при простыхъ именахъ (братецъ, изъянецъ); онъ преимущественно уменьшаетъ имена предложныя: *уродецъ*, *доходецъ*, *запасецъ*, *насосецъ*, *охладецъ*.

Уменьшительное оконч. *це* весьма употребительно въ именахъ средняго рода: *дѣлце*, *письмѣце* *). *шильце*, *мыльце*, *имѣньце*, *чтенъце*. Здѣсь передъ *ц* скрывается *ь* и обнаруживается послѣ *л*. Оконч. *це* не можетъ уменьшать только имена, кончающіяся на гортан. *г*, *к*, *х*, ихъ придых. *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и зуб. *ц*. Причина заключается въ неблагозвучіи, которое произошло бы отъ стеченія придыхательныхъ съ зубнымъ *ц*. Въ этомъ случаѣ обыкновенно употребляется окончаніе *ко*: *ухо* — *ушко*, *яйцо* — *яичко*.

И здѣсь многія имена съ уменьшительнымъ *це* потеряли значеніе уменьшенія: *солнце* (солонь), *сердце*, *яйцо*, *кольцо*.

Въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ мы замѣчаемъ окончаніе *ута*, *юта*, какъ, напр., *Машута*, *Васюта*, *Гришута*. Здѣсь только восстанавливается *т*, отпавшее отъ носоваго окончанія *я*, при чемъ тонкій *юсѣ* (*я*) измѣняется на широкій (*у*, *ю*).

Для выраженія уменьшенія иногда входитъ суфф. *ш*, что видно въ словахъ *Маша*, *Даша*. *Сашш* и пр., или *ыш*, часто

*) *Е* здѣсь обращается въ *о* подъ удареніемъ.

представительны, и потому, как правило, употребляются в единственном числе.

Так, например, в предложении: «Вот твой друг» — слово «друг» употреблено в единственном числе. Если же сказать: «Вот твои друзья», то слово «друзья» употреблено во множественном числе. В русском языке существительные, обозначающие лиц, употребляются в единственном и во множественном числе. Но не все существительные имеют такое свойство. Например, «книжка», «ручка», «пенал» употребляются только в единственном числе.

Существительные, обозначающие лиц, употребляются в единственном и во множественном числе. Но не все существительные имеют такое свойство. Например, «книжка», «ручка», «пенал» употребляются только в единственном числе. Существительные, обозначающие животных, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «кошка», «собака», «птица» употребляются в единственном числе, а «кошки», «собаки», «птицы» — во множественном.

Существительные, обозначающие животных, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «кошка», «собака», «птица» употребляются в единственном числе, а «кошки», «собаки», «птицы» — во множественном. Существительные, обозначающие предметы, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «стол», «стул», «кровать» употребляются в единственном числе, а «столы», «стулы», «кроватьи» — во множественном.

Существительные, обозначающие предметы, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «стол», «стул», «кровать» употребляются в единственном числе, а «столы», «стулы», «кроватьи» — во множественном. Существительные, обозначающие качества, употребляются только в единственном числе. Например, «красота», «сила», «мудрость» употребляются только в единственном числе. Существительные, обозначающие профессии, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «учитель», «врач», «инженер» употребляются в единственном числе, а «учителя», «врачи», «инженеры» — во множественном.

Существительные, обозначающие профессии, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «учитель», «врач», «инженер» употребляются в единственном числе, а «учителя», «врачи», «инженеры» — во множественном. Существительные, обозначающие названия городов, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «Москва», «Петербург», «Ленинград» употребляются в единственном числе, а «Москвы», «Петербурга», «Ленинграда» — во множественном. Существительные, обозначающие названия стран, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «Россия», «Франция», «Англия» употребляются в единственном числе, а «России», «Франции», «Англии» — во множественном.

Существительные, обозначающие названия стран, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «Россия», «Франция», «Англия» употребляются в единственном числе, а «России», «Франции», «Англии» — во множественном. Существительные, обозначающие названия рек, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «Волга», «Днепр», «Буг» употребляются в единственном числе, а «Волги», «Днепра», «Буга» — во множественном. Существительные, обозначающие названия морей, употребляются в единственном и во множественном числе. Например, «Черное море», «Балтийское море» употребляются в единственном числе, а «Черных морей», «Балтийских морей» — во множественном.

гладкій — гладенькій, короткий. — коротенькій, сладкій — сладенькій, низкій — низенькій. Прилагательныя съ первообразнымъ оконч. *енекъ* всегда принимаютъ удареніе на слогъ *ен*, тогда какъ въ производной формѣ—на предыдущемъ слогѣ: *низёнекъ — низенькій, узёнекъ — узенькій, худёнекъ — худенькій.*

Отъ соединенія уменьшительн. окончаній *окъ, екъ, ка, ко* съ тѣми же окончаніями первой степени произошли оконч. *очекъ, ечекъ, чка, чко*: *дружочекъ, глазочекъ, елочка, ведерочко.* Впрочемъ, оконч. *чка* и *чко* употребляются не во многихъ словахъ; вмѣсто нихъ употребительнѣе *ушка, шико*, которыя составились черезъ соединеніе уменьшительн. оконч. *ух, ти* съ другими уменьшительн. *ка* и *ко*: *матушка, лебедушка, голубушка, кумушка, Танюшка, солнышко, ведрышко, зернышко, перышко, млыдышко, стеклышко.*

Отъ нихъ должно отличать окончанія съ удареніемъ *ушка, юшка, шико*, которыя выражаютъ пренебреженіе: *болтушка, вертушка, Ванюшка, Танюшка, дѣлшко, мѣстшко, сукнышко.* Сюда относятся мужскія имена: *воришка, мужичишка, мальчишка.*

Имена женск. рода принимаютъ унизительное окончаніе *ишка* безъ ударенія: *побѣдишка, награднишка.*

Въ именахъ собственныхъ, чтобы выразить пренебреженіе, обыкновенно *юсовое я* и *а* первой степени измѣняется на *ька*: *Васька, Манька, Дунька*, иногда употребляется оконч. *утка, ютка*: *Васютка* (Васюта), *Маиутка* (Машута), *Гришутка* (Гришута).

Третья степень уменьшенія мало употребительна; она составляется изъ второй черезъ прибавленіе тѣхъ же окончаній *екъ, ка, ко*: ее принимаютъ имена малолѣтнихъ животныхъ для выраженія ласки: *ребеночекъ, цусеночекъ, теленочекъ*; также другія имена: *муженечекъ, куманечекъ, малюточка.*

Имена унизительныя второй степени дѣлаются въ третьей степени ласкательными: *старушоночки* (старушонка), *ручончки, дучоночка, бабеночка, Маишуточка, Гришуточка.*

Уменьшительныя формы у насъ особенно распространены въ областныхъ говорахъ, тамъ даже слышатся онѣ въ мѣстоимен. *мнѣшеньки* и въ глаголахъ *кушеньки, птеньки, спатеньки.*

Примѣч. Изъ другихъ индоевроп. языковъ замѣчательнѣ итальянскій, въ которомъ уменьшительныя окончанія развиты едва ли не болѣе, чѣмъ въ русскомъ. Тамъ тоже есть степени уменьшенія или уменьшительныя отъ уменьшительныхъ, есть уменьшительныя ласкательныя и унизительныя: звуки, служащіе для уменьшенія имени, суть: *ch* (*k*), *l*, *n*, *t*, и самыя обыкновенныя окончанія: *ino*, *ina*, *lino*, *lina*, *ello*, *etta*, и 2 степ. *ellino*, *icella*, *ettino*: *fiore* (цвѣтокъ)—*fiorello*, (уменьш. 1 степ.), *fiorellino* (умень. 2 степ.), *uccello* (птица)—*uccelletto* (1 ст.)—*uccellettino* (2 ст.). Вообще для выраженія уменьшенія, ласки и презрѣнія здѣсь развилось весьма много окончаній, которыя, впрочемъ, въ основныхъ звукахъ имѣютъ много общаго съ нашими.

Въ языкахъ латин. и греч. уменьшительныя окончанія весьма мало употребительны. Въ латин. языкѣ для этого ходитъ звукъ *l*: *filio*la, *vetu*la, въ греч. *ιχ*, *λο*, *α*, равные нашимъ *ик*, *ил*, *аш*: *πόλις*—*πολίχυν* (городишко), *κάλυξ*—*κάλυντ* (чашечка), *νίκη*—*νικίον* (побѣдишка). Во француз. языкѣ также весьма мало употребительны уменьшит. окончанія: обыкновенные здѣсь звуки *t* и носовое *n*. Въ нѣмец. яз. въ большомъ употребленіи уменьшеніе именъ собственныхъ: въ оконч. *chen* являются тѣ же звуки, какъ и у насъ.

Имена увеличительныя. § 34. Увеличительныя имена у насъ составляются не для того, чтобы возвысить достоинство предмета, а чтобы показать его массивность и величину, доходящую иногда до безобразія; отъ этого многія имена увеличительныя въ то же время заключаютъ въ себѣ и выраженіе униженія, презрѣнія.

У насъ самыя употребительныя окончанія *ище*, *ища*. Замѣчательно, что всѣ имена мужскаго рода при увеличеніи переходятъ въ неродовыя: *домище*, *дворище*, *мужичище*, *комодище*, *опородище*. Имена женскія принимаютъ оконч. *ища*: *ручища*, *книжища*.

Имена муж. рода лицъ и вещей могутъ принимать и другое неродовое окончаніе *ина* съ удареніемъ: *дытина*, *старичина*, *мужичина*, *молодчина*, *домина*. Съ этимъ окончаніемъ не всегда соединяется выраженіе презрѣнія. Иногда оба окончанія соединяются и составляютъ *инище*: *мужичинище*, *старичинище*. Впрочемъ, такія слова можно назвать простонародными.

Оконч. *ага*, *яга*, *ега*, *уга*, *юга*, прилагаясь къ именамъ, приносятъ съ собою нѣчто унизительное: *Басюга*, *Беклуга*,

лелеха. Впрочемъ, эти окончанія отдѣльно рѣдко употребляются.

Прилагательныя увеличительныя выражаютъ качество предмета въ большей степени. Здѣсь оконч. *емькій* (*онькій*) соединяется съ суф. *ех*—*еш*, *ехонькій*, *ешенькій*: *блехонькій*, *близехонькій*, *скорешенькій*. Имена существ. переходятъ въ эту породу съ оконч. *авый*, *ивый*, *астый*, *истый*, и вносятъ въ прилагательное понятіе о множествѣ, большомъ количествѣ, или преобладаніи извѣстнаго свойства: *дыравый*, *лукавый*, *кудрявый*, *величавый*; *лѣстивый*, *шривый*, *спѣсивый*; *носастый*, *лазастый*, *зубастый*, *волнистый*, *голосистый*, *тѣнистый*, *лѣдистый*, *мозолистый*, *мясистый*.

Формы сравненія. § 35. Предметы могутъ быть сравниваемы между собою въ одномъ и томъ же качествѣ, отчего въ прилагательныхъ произошли степени сравненія:

1) *Положительная*, представляющая нормальное качество въ предметѣ безъ всякаго отношенія его къ другому предмету; это — прилагательное съ своимъ обыкновеннымъ окончаніемъ.

2) *Сравнительная*, представляющая сравненіе между двумя предметами, изъ которыхъ въ одномъ извѣстное качество преобладаетъ.

3) *Превоходящая*—для выраженія преобладанія извѣстнаго качества въ предметѣ, сравнительно со всѣми ему подобными.

Само собою разумѣется, что только тѣ прилаг. могутъ имѣть эти степени, въ которыхъ выражаемые ими качества возможно сравнивать въ предметахъ.

Отличительнымъ признакомъ для сравнительной степени служить слогъ *тѣиш* (съ удареніемъ); здѣсь послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, буква *н* по общему закону измѣняется въ *а*—*айиш*. Это окончаніе прибавляется къ корню прилагательнаго, причемъ всѣ умягчаемые звуки отъ вліянія *н* переходятъ въ соотвѣтствующіе придыхательные: *добрый*—*добрѣйшій*, *легкій*—*легчайшій*, *дорогой*—*дорожайшій*.

Сокращеніе формы сравнительной степени *тѣиш* мы замѣчаемъ уже въ первыхъ нашихъ рукописяхъ. Какъ въ при-

частіяхъ дѣйствительныхъ, въ имен. пад. неслышны были звуки *щ* и *ш* (*дѣлаѣи* вм. *дѣлающій*, *храниѣи* вм. *хранищій*)⁴ такъ и въ сравнительной степени исчезало *ш* и являлось окончаніе *нѣ* или *нѣ*: *старѣи*—*старѣе*, *честнѣи*—*честнѣе*. Въ ц. славян. яз. употребительнѣе было оконч. *ій*: *боліи*, *мнѣи*, *старіи*.

Примѣч. Послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, вмѣсто *нѣ* употреблялось оконч. *ае* какъ вмѣсто *нѣи*—*аи*; нынѣ оно превратилось въ *е*. Еще наши писатели прошедшаго столѣтія употребляли форму на *ае*: какъ напр. *Кантемиръ*, *Тредьяковский*, *Сумароковъ*, *импер.* *Екатери-рина II* и др.: *кратчае*, *мельчае*, *строжае*, нынѣ мы говоримъ *кратче*, *мельче*, *строже*. *Е* употребляется въ нѣкоторыхъ словахъ и вмѣсто *нѣ* послѣ *л*, *р*: *старе*, *боле*, *тяжеле*. Въ старину послѣ *л*, *н*, *р* допускалось также измѣненіе *нѣ* на *ае*: *скорае*, *сѣтлае*, *смирнае*; нынѣ: *скорѣе*, *сѣтлѣе*, *смирнѣе*.

Въ нѣкоторыхъ словахъ изъ полной формы *нѣи* уцѣлѣлъ только звукъ *ш*, отчего явилось окончаніе *ше* и *шій*: *старше*—*старшій*, *меньше*—*меньшій*, *больше*—*большій*, *дальше*—*дальшій*, *лучше*—*лучшій* и пр.

Прилагат. на *кій* при переходѣ въ сравнительную степень теряютъ свое *к*: *тонкій*—*тоньше*, *высокій*—*выше*, *широкій*—*шире*, *жидкій*—*жиже*, *гладкій*—*гладше*, *узкій*—*уже*. Прилаг., происшедшія отъ существ. и нарѣчій, не могутъ имѣть степеней сравненія, тогда какъ отглагольныя, въ которыхъ дѣйствіе превратилось въ постоянное свойство или качество, принимаютъ и сравнительныя формы: *ходкій*—*ходче*, *звонкій*—*звонче*, *робкій*—*робче*, *тряскій*—*трясче*. Впрочемъ, не всѣ изъ нихъ употребительны. Замѣтимъ, что здѣсь *к* никогда не отбрасывается, а измѣняется въ *ч*.

Превосходная степень въ русскомъ языкѣ потеряла свою особенную форму. Въ народномъ говорѣ иногда слышатся причастныя окончанія *ущій*, соотвѣтствующія окончанію увеличительныхъ существительныхъ на *ище*, и *енный*, напр. *большущій*, *злущій*, *завидуущій*, *тмуущій*, *большенный*, *страшенный*. Но обыкновенно для выраженія превосходства мы употребляемъ форму сравнительной степени и отличаемъ одну отъ другой такимъ образомъ: при сравнительной ставимъ имя того предмета, который беремъ для сравненія: *лучше меня*,

богаче, чѣмъ Крезъ, а превосходная можетъ стоять отдѣльно или съ мѣстоим. *встѣхъ*, иногда съ предлогами *изъ*, *передъ*, *между*, чего не допускается при сравнительной: *добрѣйшій изъ встѣхъ*, *добрѣйшій между людьми*, *лучше встѣхъ*.

Нѣкоторыя изъ нашихъ словъ сравнительной степени сдѣлались исключительнымъ выраженіемъ превосходной, напр. слова, имѣющія двоякую сравнительную форму: *великій* и *большой*—*большій* (сравн.)—*величайшій* (превосх.), *низкій*—*низшій* (сравн.)—*низжайшій* (прев.), *высокій*—*высшій* (сравн.)—*высочайшій* (прев.) и проч. Обыкновенно же сокращенная форма есть собственность сравнительной степени, а полная чаще выражаетъ превосходную.

Для выраженія превосходства употребляются также мѣстоим. *самый*, *все*, нарѣч. *очень*, *весьма* и частицы *пре*, *наи*; нарѣчье говорится съ положительной степенью, а прочія съ положительной и сравнительной: *самый хорошій*, *самый лучшій*, *пресвѣтлѣйшій*, *пресвѣтлѣйшій*, *всемилолюбивѣйшій*, *всемилолюбивѣйшій*. Также употребляются выраженія: *что ни* есть лучшій, *куда онъ у тебя завидная* скотина (Крыл.).

Замѣчательно, что прилагательныя, выражающія понятіе хорошаго, дурного, великаго, малаго, многого, во всѣхъ сродныхъ языкахъ имѣютъ особыя степени сравненія: *хорошій*—*лучшій*, ц. сл. *добрый*—*уній*—*уншій*; *злый*—*горшій*; *большой*, *великій*—*болшій*, *вящій*; *малый*—*меншій*—*мни* (ц. сл.).

Примѣч. 1. Для сравненія приводимъ изъ другихъ языковъ: нѣм. gut—besser, фран.—bon—meilleur, латин. bonus—melior—optimus; ἄγαθος—ἀριεὺς—ἀριστος, βελτιων—βέλτιστος, κρείσσον—κράτιστος, λῦον—λῦστος; фр. mauvais—pire, лат. malus—reior—pessimus, греч. κακος—κακιστος, ἥσσον—ἥκιστος фр. petit—moindre, лат. parvus—minor—minimus, греч. μικρός—ἐλασσον—ἐλαχιστος, μέιον—μείστος; нѣм. viel—mehr—meist, фр. plus, лат. multus—plus—plurimus, греческ. πολὺς—πλεῖστον—πλείστος.

Примѣч. 2. Признаки степеней сравненія во многихъ языкахъ употребляются для образованія числительныхъ порядковыхъ, напр. въ нѣмецкомъ языкѣ признакъ превосходной степени ste, te: erste, zweite, zwanzigste и проч. или франц. ième (deuxième, troisième) родственное латинск. imus. Лат. prior выражаетъ сравнительную степень—*первый изъ двухъ*. Для выраженія *второй* въ греч. языкѣ также употребляется форма сравнит. степени *тер* (τερ). Сходно съ

греческимъ словомъ (*δύτατος*) та же форма оказалась и у насъ въ словѣ *стѣной*. Слогъ *тор* здѣсь не что иное, какъ древнѣйшая индоевроп. форма сравнит. степени; она у насъ обнаружилась еще въ словѣ *который* и въ старин. *стеръ* (нѣкоторый *).

Различныя образцы *третій*, *четвертый* (греч. *τρίτος*, *τέταρτος*, лат. *tertius*, *quartus*) въ оконч. *тій*, *тый* представляютъ признаки превращенной превосходной степени. *Четыре* могло произвести *четвертый* по родству и съ *в*.

Сравнительная степень прилагательн. на *ѣ*, *е* переходить въ нарѣчіе; а для выраженія превосходной степени нарѣчіе иногда принимаетъ оконч. *охонько*, *ешенько*: *тихоохонько*, *малоешенько*.

Производство залоговъ. § 36. Когда изъ имени нужно составить средній залогъ, то употребляютъ букву *ь*, напр. *жечь*, *жечь*, *бѣло*, *старъ*, *темень*, производятъ *пламенть*, *жжеться*, *бѣлеться*, *старить*, *темнеть*.

Такіе глаголы, произведенные изъ именъ прилагательныхъ, выражаютъ переходъ изъ одного состоянія въ другое, какъ *блѣдѣть*, *сирѣнѣть* и пр. Въ же другіе выражаютъ постоянное или временное пребываніе въ извѣстномъ состояніи.

Послѣ причыхат. буквъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, буква *ь* переходитъ въ *и*: *мелко*—*мелчать*, *ветхъ*—*ветшеть*, *тощъ*—*тощать*, *умнѣло*—*умничать*, *срдце*—*срдчать*. При переводѣ именъ въ глаголы, имена лишаются признаковъ рода и склоненія, и глаголы обыкновенно производятся отъ основной ихъ формы. У прилагательныхъ на *иный* основною формою считается старинное окончаніе *ен*, а не нынѣшнее *и*. Поэтому отъ *деревянный*, *каменный*, *ледяной* дѣлаются глаголы *деревенѣть*, *каменѣть*, *леденѣть*.

Въ глаголахъ отъименныхъ буква *ь* (*а*) остается примѣрно по нѣкимъ глагольнымъ формамъ: *блѣдѣть*—*блѣтью*—*блѣдѣль*—*блѣдѣющій*, тогда какъ въ другихъ глаголахъ она исчезаетъ: *хотѣть*—*хочу*, *глядѣть*—*гляжу*, *терпѣть*—*терплю*.

*) Слѣд. первоначальное значеніе „который“ было: *который изъ двухъ*. Швайхеръ производитъ *кой* отъ основной формы *an taga* (*an* указат. мѣст. и *tag* суффиксъ сравн. ст. *ga*), гдѣ *an* какъ носовой звукъ у насъ перешло въ *у*, которое въ свою очередь замѣнилось въ *а*.

Кромѣ буквы *ъ* для выраженія средняго залога иногда употребляется буква *и* съ гласною *у*. Эта примѣта *ну* образуетъ глаголы всегда отъ чистаго корня и также выражаетъ *переходъ изъ одного состоянія въ другое*: *зѣбнуть*, *дрѣбнуть*, *сохнуть*, *лосхнуть*, *меркнуть*, *чахнуть* и др. Такіе глаголы въ причастной формѣ выкидываютъ слогъ *ну* (*зѣбъ*, *крѣпъ*, *ишъ*) и тѣмъ отличаются отъ глаголовъ совершенно другой породы съ примѣтою *ну*, которые выражаютъ мгновенность дѣйствія: *кольнуть*, *двинуть*; эти сохраняютъ во всѣхъ своихъ формахъ отличительную примѣту (*кольнуть* — *кольнувшій*, *двинуть* — *двинувшій*).

Букву *и* мы употребляемъ при производствѣ дѣйствительнаго залога отъ имени, тамъ, гдѣ для средняго употребляемъ *ъ*; при чемъ гортанныя буквы переходятъ въ соотвѣтствующія придыхательныя: *пламенить*, *блѣнить*, *темнить*, *сушить* (*сухъ*), *вручить* (*рука*), *двоить*, *троить*.

Съ помощью этой же буквы средніе залогіи переходятъ въ дѣйствительныя, при чемъ происходитъ и усиленіе или подъемъ гласныхъ въ корнѣ или въ срединѣ слова:

1. Гласныя *е*, *и* измѣняются въ *о*: *мереть*—*морить*, *звенѣть*—*звонить*, *нѣть*—*ноить*, *нѣть*—*ноить*; *ъ* въ *а*: *сытъ*—*садить*; *ы* въ *у*: *стынуть*—*студить*, *ишнуть* (кор. *ишъ*)—*губить*. Иногда *и* перемѣняется въ *ъ* и наоборотъ: *липнуть*—*лѣпить*, *вѣсть*—*вѣсить*.

2. Коренная буква *и*, оканчивая собою корень, измѣняется въ родственнѣйшій слогъ *ов*, *ав*: *святъ*—*славить* и *словить*, *плѣтъ*—*плавить*, *прибытъ*—*прибавить*. Изъ глагола *киснуть* произошелъ дѣйствительный *квасить*, потому что корень его не *кис*, а *кыс*, гдѣ *ы* перешло въ *а*.

Если корень глагола оканчивается на гласную *а*, то между нею и соединительною *и* является придыханіе *в*: *статъ*—*ставить*.

Согласная, скрытая въ глагольной темѣ, восстанавливается, причемъ гортан. *г*, *к* измѣняются передъ *и* въ соотвѣтствующія *ж*, *ч*: *лечь*—*ложить*, *течь*—*точить*, *тонуть* (кор. *тонъ*)—*топить*, *зѣбнуть* (*я—ъ*)—*знобить*, *рости*—*ростить*.

Въ русскихъ глаголахъ суф. *ов, ев* переходить въ родственную гласную *у, ю* передъ гласными личныхъ окончаній: *москoватъ—москoу, гореватъ—горюю*.

Примѣч. Ему соотвѣтствуетъ въ греческ. яз. производственная *υ* (съ предыдущею *ε*), которая тоже бываетъ то гласною, то согласною. Какъ у грековъ отъ именъ *πλoτis* (вѣтра), *ἡμερα* (день) составились глаголы *πλoтeῖω*, *ἡμερεῖω*, такъ у насъ отъ именъ *вѣтра*—*вѣтроватъ*, *днeвaтъ*.

Глаголы съ этою примѣтою производятся, большею частію, отъ первообразныхъ именъ, а изъ производныхъ преимущественно способны переходить имена, кончающіяся на *тва* и *ство*, *ствіе*. Гласною соединительною здѣсь служить *а*: *ликъ—ликоватъ, горе—гореватъ, плутъ—плутоватъ, имя (я—л)—именоватъ, мудръ—мудроватъ, жертва—жертвоватъ, чувство—чувствоватъ, царство—царствовать*.

Примѣч. Иностранные глаголы чаще всего переходятъ въ нашъ языкъ съ помощью суф. *ов, ев*: нѣм. *mahlen—малсватъ, reissen—рисоватъ, werben—вербоватъ, tanzen—танцоватъ*; франц. *adresser—адресоватъ, risquer—рисковатъ, arrêter—арестоватъ, critiquer—критиковатъ* и мн. др. Замѣтимъ, что здѣсь остаются безъ вниманія чужестранные производственные слоги *iz* и *ier*, они не отбрасываются, а принимаются какъ коренные; такъ въ нѣмец. глаголѣ *anatomieren* уже есть производственный слогъ *ier*, равный нашему *ов*, однако жъ мы прибавляемъ къ нему и свой слогъ, произнося *анатомироватъ*. Слово *магнитизироватъ* заключаетъ въ себѣ три производственныхъ слога изъ разныхъ языковъ: французскій глаголъ *magnétiser*, переходя въ нѣм. языкъ, удерживаетъ свой производственный *iz* и еще принимаетъ другой нѣмец. слогъ *ier*: *magnetisieren*. Мы, перенявъ этотъ глаголъ у нѣмцевъ, прибавляемъ еще свой слогъ *ов*: *магнитизироватъ*.

Виды глагола. § 37. Въ большей части индоевропейскихъ языковъ весьма развились глагольные времена: тамъ при одномъ настоящемъ встрѣчается нѣсколько прошедшихъ и будущихъ временъ. Возможность такого развитія заключается въ самомъ свойствѣ прошедшаго и будущаго, которымъ принадлежитъ безчисленное множество мгновеній, слѣдственно одно и то же дѣйствіе въ нихъ можетъ выражаться весьма различно: оно можетъ быть или предшествующимъ, или современнымъ другому дѣйствію, близкимъ или отдаленнымъ.

Русскій языкъ въ этомъ случаѣ удалился отъ родственныхъ языковъ; у него есть средства выражать три главныхъ времени—настоящее, прошедшее и будущее, но онъ не развилъ ихъ для выраженія различныхъ обстоятельствъ дѣйствія. Въмѣсто этого въ немъ развился другой способъ различать дѣйствіе, которое можетъ выказаться въ разныхъ степеняхъ продолжительности. Такое проявленіе дѣйствія мы называемъ дѣйствіемъ *по кратамъ*, а кратныя степени глагола называемъ глагольными видами. Способъ выражать дѣйствіе по кратамъ развитъ только въ языкахъ славянскихъ; въ другихъ европейскихъ языкахъ онъ едва проявляется.

Имѣя въ виду всѣ прежнія изслѣдованія нашихъ филологовъ, представляемъ русскіе глагольные виды въ такомъ изображеніи:

1. Основаніемъ видового дѣленія служитъ *кратность* дѣйствія, т. е. степень его продолжительности, которая нерѣдко выражается въ повтореніи дѣйствія.

2. Изъ этого основанія вытекаютъ три кратныя степени или три вида: *однократный*, *неопредѣленный* и *многократный*. Однократный выражаетъ дѣйствіе, ограниченное въ своей продолжительности, опредѣленное временемъ, мѣстомъ или какимъ обстоятельствомъ. Если я говорю: *я двинулъ, я шелъ, я велъ, я заперъ, птица летѣла*, то здѣсь я разумѣю одинъ извѣстный случай, въ которомъ выразилось опредѣленное дѣйствіе или на одномъ пунктѣ или въ одномъ извѣстномъ направленіи, или доведенное до конца.

Къ неопредѣленному виду относятся всѣ глаголы, которые могутъ выражать дѣйствіе, неопредѣленное въ своей продолжительности: *двигалъ, ходилъ, водилъ, затиралъ, птица летала*.

Примѣч. Представляя дѣйствіе одного раза, эти глаголы не могутъ смѣшиваться съ *однократными*, потому что постоянно сохраняютъ въ себѣ нѣкоторую неопредѣленность. Такъ какъ всякое дѣйствіе совершается въ пространствѣ и во времени, то и глаголы должны указывать на то и другое. Однократные представляютъ намъ опредѣленное пространство, дѣйствіе въ одномъ извѣстномъ направленіи, тогда какъ неопредѣленные, представляя дѣйствіе одного раза, указываютъ на неопредѣленность пространства или же неоконченность во времени. Такъ, напр., выраженіемъ *я водилъ*

я могу иногда представить дѣйствіе одного раза, но тогда я представляю, что дѣйствіе совершалось не по одному извѣстному направленію (какъ *я велѣ*), а измѣняло его.

Глаголы, выражающіе духовную дѣятельность, всё относятся къ виду неопредѣленному: *мыслить, думать, грустить*. Сюда же безъ исключенія относятся всё глаголы, выражающіе переходное состояніе, какъ изъ породы *н*, такъ и изъ *ну*: *блѣтть, старѣть, злѣбнуть*.

Многочратный видъ выражаетъ всегда дѣйствіе, усиленно продолжительное, растянутое, по большей части повторявшееся въ извѣстный періодъ времени: *хаживалъ, саживалъ*.

Изъ коренныхъ или первообразныхъ глаголовъ нѣтъ ни одного, который былъ бы многочратнаго вида. Изъ нихъ одни относятся къ однократному, другіе къ неопредѣленному.

Въ народныхъ діалектахъ употребленіе видовыхъ степеней гораздо свободнѣе, чѣмъ въ языкѣ литературномъ:

Поѣзжаетъ Илья, самъ выговариваетъ,
Кладываетъ то заповѣдь великую....
Какъ приправивалъ Ильюшенька добра коня.

Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную!

И сажали за убраны столы,
Стали пить, ѣсть, потѣшаться.

Не оставливай горы золотыя,
Не оставливай садовъ-виноградовъ,
Не оставливай яблонь кудравыхъ *).

Изъ мѣстныхъ діалектовъ и Крыловъ въ своихъ басняхъ заимствовалъ нѣкоторыя формы:

Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой де откупщикъ и самый тороватый
Не давалъ секретарямъ (Синица).

(О значеніи форм глагола Некрасова.

Между однократными отличается своею формою порода глаголовъ, представляющихъ дѣйствіе *мгновенное*, для выраженія котораго мы употребляемъ букву *н* съ гласною *у*: *кольнуть*, *топнуть*, *тряхнуть*. Почти всѣ глаголы, которыми изображается осязаемое явленіе или физическое дѣйствіе, способны принять *ну* для выраженія мгновенности явленій и дѣйствій. Слогъ *ну* приставляется къ чистому корню и сохраняется во всѣхъ формахъ глагола, какъ слогъ отличительный, имѣющій свое опредѣленное значеніе; поэтому онъ можетъ называться *неотметаемымъ*. Приставляя слогъ *ну* къ корню, мы иногда дѣлаемъ нѣкоторыя опущенія, вставки и измѣненія:

1. Передъ *н* очень часто выпускаются коренныя буквы для легкости выговора, особенно гортанныя и язычныя: *тро-нуть* (кор. *трог*), *треснуть* (*треск*), *кинуть* (*кид*), *вянуть* (*вяд*) и мн. др.

2. Если въ корнѣ нѣтъ гласной, или при одной гласной много согласныхъ, то вставляется гласная; такъ вмѣсто *рвнуть*, *трнуть*, *кашльнуть* (отъ кор. *рв*, *тр*, *кашл*) говорится: *рвануть*, *тирнуть*, *кашленуть*. Въ просторѣчій слышится: *толкну-нуть*, *щелконуть* вм. *толкнуть*, *щелкнуть*.

3. Коренныя окончанія *ов*, *ев* сокращаются на гласныя *у*, *ю*: *сунуть*, *клюнуть* отъ кор. *сов*, *клев*.

4. Коренное окончаніе *ем*, *ен* измѣняется на носовую *я*: *грянуть* (к. *грем*).

Къ этой породѣ глаголовъ не могутъ относиться такіе глаголы на *нуть*, въ которыхъ буква *н* есть коренная: наприм. *тнуть*. Къ нимъ примыкаютъ и глаголы: *инуть*, *тянуть*, въ которыхъ *н* потеряло значеніе мгновенности и уже принимается за коренную, хотя въ корнѣ и нѣтъ ея (*иб*, *тя*).

Въ русскихъ глагольныхъ видахъ важное значеніе имѣютъ гласныя *и* и *а*, послѣдняя въ особенности. Онѣ выражаютъ какъ бы расширеніе или усиленіе дѣйствія въ пространствѣ и во времени и употребляются при переходѣ однократнаго вида въ неопредѣленный, равно какъ и неопредѣленнаго въ многократный. Буква *а* при этомъ сохраняется во всѣхъ формахъ глагола, какъ буква отличительная, и этимъ различается

отъ простой соединительной гласной. Переходъ коренныхъ глаголовъ на *сти* совершается съ помощью *и*; при чемъ возстановляется скрытый въ нихъ коренной согласный звукъ, а гласная коренная *е* расширяется въ *о*: *нести*—*носить*, *везти*—*возить*, *вести*—*водить*, *бresti*—*бродить*. Неопредѣленный глаголъ *ходить*, соотвѣтствуя однократ. *идти* (*ити*—*иге*), образовался изъ другого корня, именно изъ того, изъ котораго составились причастныя формы глагола *идти*—*шелъ*, *шедшій*; здѣсь *и* есть смягченное *х* передъ *е*, которое при переходѣ въ неопредѣл. видъ, какъ и во многихъ глаголахъ, обратилось въ *о*—*ходить*.

Если же въ глаголѣ однократ. вида уже есть соединительная гласная *и* или *ъ*, то, при переходѣ въ высшую степень, она измѣняется на *а*, которое иногда смягчается въ *я* особенно послѣ плавныхъ и язычныхъ: *броситъ*—*бросать*, *кончитъ*—*кончать*, *ронитъ*—*ронять*, *валитъ*—*валять*, *проститъ*—*прощать* (*просчать*), *пздитъ*—*пзжать* (*пзжять*), *садитъ*—*сажать* (*сажять*), *видитъ*—*видать*.

Въ глаголахъ мгновенныхъ слогъ *ну*, выражающій мгновенность, не можетъ удержаться въ неопредѣл. видѣ и замѣняется видовымъ *а*, при чемъ возстановляется скрытая коренная согласная: *кинутъ*—*кидать*, *свиснутъ*—*свисать*, *двинутъ*—*двигать*. Сходно съ ними глаголъ *пасть* принимаетъ въ неопредѣл. в. форму *падать*.

Глаголы, корень которыхъ оканчивается на гласную, при переходѣ въ высшую степень принимаютъ видовую *а*, которая отдѣляется отъ коренной гласной по общимъ законамъ языка придыхательнымъ звукомъ *в*, а иногда смягчается въ *я*: *бытъ*—*бы-в-ать*, *дать*—*да-в-ать* или *дая-ти*, *знать*—*зна-в-ать*, *плытъ*—*плы-в-ать*, *пить*—*пи-в-ать*, *мытъ*—*мы-в-ать*, *бритъ*—*бри-в-ать*, *дѣтъ*—*дѣ-в-ать* или *дѣ-я-тъ* (одѣяніе), *пѣтъ*—*пѣ-в-ать*, *грѣтъ*—*грѣ-в-ать*.

Если въ корнѣ предполагается *з* или *ъ*, то при переходѣ въ высшій видъ при *л*, *р* и *м* является подъемъ въ *и* или *ы*: *братъ* (кор. *бър*)—*бирать*, *вратъ*—*вирать*, *дратъ*—*дирать*, *рватъ* (кор. *ръв*)—*рывать*, *матъ*—*мигать*, *мятъ* (*я* носов.)—*минатъ*, *жатъ* (*а* изъ *я* носов.)—*жинатъ*, *теретъ* (кор. *тъ*)—*тирать*, *меретъ* (кор. *мър*)—*мирать*, *перетъ*, (кор. *пър*)—*пирать*.

Неопредѣл. глаголы изъ породы *и* удерживаютъ эту гласную и при переходѣ въ многократный видъ, но въ то же время принимаютъ и видовую *а*, раздѣляя обѣ гласныя придыхательнымъ звукомъ *в*, при чемъ звукъ *о* въ корнѣ слова, какъ бы для однозвучія (ассимиляціи) съ видовымъ *а*, измѣняется также въ *а*, принимая на себя и самое удареніе: *доитъ—даивать*, *поитъ—паивать*, *ходитъ—хаживать*, *носитъ—нашивать*, *молотитъ—молѣчивать*, *проситъ—прѣшивать*. Здѣсь передъ *и* умягчаемые звуки умягчаются, хотя въ первоначальномъ видѣ передъ тѣмъ же *и* они оставались безъ всякаго измѣненія. Но въ рус. яз. замѣтно стремленіе при всякомъ производствѣ смягчать звуки, если только къ тому представится какой-либо случай.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ переходъ простого глагола неопредѣл. вида въ многократный совершается черезъ удвоеніе *а* съ придыханіемъ *в*, при чемъ первое *а* переходитъ въ *ы*, отчего образуется окончаніе *ивать*: *играть—игрывать* (игрывать), *писать—писывать*, *таскать—таскивать* (таскивать), *мотать—матывать*, *давать—давывать*. Удареніе здѣсь переносится на слогъ, предшествующій оконч. *ивать*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Слова составныя.

Съ приставками. § 38. Въ русскомъ языкѣ многія слова составляются черезъ сліяніе знаменательнаго слова съ какою-либо служебною частицею, которая въ этомъ случаѣ называется *приставкою*, или черезъ соединеніе двухъ отдѣльных знаменательныхъ и служебныхъ словъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, составнымъ словамъ дается новое понятіе или новый оттѣнокъ. Приставки преимущественно являются въ началѣ слова, и между ними главное мѣсто занимаютъ предлоги, въ особенности въ образованіи глаголовъ.

Нѣкоторые предлоги являются не иначе, какъ именно съ глаголами. сюда относятся *воз* (взо, вз), *вы*, *низ*, *пере*, *раз*-

(роз). Впрочемъ, въ старомъ языкѣ *воз* управлялъ винит. пад., напр. *злая-воз-блая*, *благодать-воз-благодать*. Древнее нарѣчіе *изкую* составилось изъ *воз* и винительн. пад. мѣст. *камъ—возкую* или *изкую—зачѣмъ*. Въ предлогѣ *вы* звукъ *и* родствененъ носовому звуку, потому, перейдя въ нарѣчіе, онъ обратился въ *онъ*,—*вонъ—онъ*. Предлогъ *роз* принадлежитъ русскому яз. (*роздымъ*, *розювѣтъ*), а *раз* какъ русскому, такъ и ц. слав.

Примѣч. Предлоги *при*, *на* встрѣчаются только въ тѣхъ словахъ, которыя дошли до насъ изъ старины: *прядьбъ*, *пасынокъ*, *падчерница*. Должно отличать формы рус. предлоговъ отъ ц. слав.—рус. *перъ*, *передъ*, *черезъ*, ц. слав. *пре*, *предъ*, *чрезъ*.

Предлогъ въ русскомъ глаголѣ имѣетъ весьма важное значеніе. Сливаясь съ простымъ глаголомъ, онъ всегда ограничиваетъ дѣйствіе или выводитъ его изъ общей сферы въ частную, опредѣляетъ ему границы въ пространствѣ или во времени, напр. *писать* выражаетъ дѣйствіе общее, *вписать*, *выписать*, *дописать*, *записать*, *написать*, *исписать*, *надписать*, *отписать*, *отписать*, *переписать*, *пописать*, *подписать*, *предписать*, *присписать*, *прописать*, *росписать*, представляють уже дѣйствіе определенное, ожатое въ извѣстныхъ границахъ или обусловленное цѣлю или какимъ-либо обстоятельствомъ. *Искать*—дѣйствіе общее, неопределенное, а *выискать*—дѣйствіе, направленное по разнымъ мѣстамъ и закоулкамъ, чтобы достигнуть извѣстной цѣли. Отсюда предложные глаголы представляютъ намъ дѣйствіе реальное, съ большою *картинностью* и *модифицируемостью*; они менѣе отвлеченны, чѣмъ простые глаголы *.

Въ каждомъ отдѣльномъ предлогѣ заключается свое определенное значеніе, потому, сливаясь съ глаголомъ, онъ вноситъ въ дѣйствіе и это значеніе, которымъ оно и опредѣляется, какъ извѣстнымъ обстоятельствомъ. Такъ какъ въ которые предлоги указываютъ на отношеніе къ поверхности, границѣ или къ постигаемъ предметамъ также къ предмету и къ цѣли, то ожда они получаютъ возможность значать

* О значеніи предъ рус. слав. Ибрагимъ.

начальные или конечные моменты дѣйствія. Возьмемъ, напр. предлогъ *за*, онъ выражаетъ отношеніе предмета или дѣйствія къ извѣстной границѣ: *за мѣсомъ, за мѣсь, за меня, за мною, залетѣть, зайти*. Отсюда онъ же получаетъ возможность указывать и на крайній предѣлъ дѣйствія или на совершенный конецъ его, напр. *заносить платье* (т. е. носить больше, чѣмъ бы слѣдовало), *зачитать чужую книгу* (читать такъ много или такъ долго, что отъ книги какъ бы ничего не осталось для возвращенія), *замерзнуть, засохнуть, заложнуть, заплесневетъ*; иногда же этимъ предлогомъ указывается и на начало дѣйствія, такъ какъ исходная точка вмѣстѣ съ цѣлью дѣйствія составляютъ его предѣлы: *заблѣсть, заходить* (начать ходить), *закатать* (начать катать), *заплакать*. Такимъ образомъ, глаголѣ съ однимъ и тѣмъ же предлогомъ получаетъ нѣсколько значеній, которыя опредѣляются уже въ рѣчи общимъ ея смысломъ: *заносилъ ко мнѣ письмо, заносилъ свое платье, заносилъ вещи за уголъ, взялъ стулъ и заносилъ его*.

Въ народныхъ діалектахъ нерѣдко употребляется предлогъ *воз* для выраженія начала дѣйствія тамъ, гдѣ въ литературномъ языкѣ является *за*: *возговорить*, т. е. заговорить, *вскричалъ*—закричалъ.

Подобное же разнообразное значеніе сообщаетъ глаголу и предлогъ *по*. Онъ указываетъ на отношеніе къ мѣсту и времени—постепенность и послѣдовательность въ движеніи, а съ этимъ вмѣстѣ даетъ и представленіе о количествѣ, напр. *ходить по дому* (постепенно по всѣмъ частямъ дома), *пхать по дорогѣ* (послѣдовательно въ извѣстномъ направленіи), *ходить по грибы* (сбирать послѣдовательно одинъ за другимъ), *плакать по отцу* (послѣдовательно за смертью отца), *деревья посажены по дорогѣ* (послѣдовательно одни за другими); здѣсь уже представляется и количественность, потому что нельзя сказать одно дерево посажено *по дорогѣ*. Сообразно съ этимъ *по* ограничиваетъ дѣйствіе количественно, т. е. выражаетъ немного: *поиграть* (немного играть), *поскакать* (немного скакать), *покатать, побыть, пописать, поскучать, подвинуть*. Иногда же этотъ предлогъ (при многократномъ видѣ) выражаетъ дѣйствіе съ послѣдовательными перерывами: *похаживать, посмат-*

рывать, пошрывать. Этотъ же предлогъ сокращаетъ дѣйствіе до выраженія одного начала или одного конца; при однократномъ видѣ, онъ представляетъ дѣйствіе въ началѣ: *покатить, поплыть, полетѣть*; при многихъ глаголахъ неопредѣл. вида изъ породы *и* и при всѣхъ изъ породы *ъ*, выражающихъ переходное состояніе, онъ представляетъ дѣйствіе оконченное: *помирить, похоронить, поблѣять, помолодеть, поумнѣть*.

Такимъ же образомъ и многіе другіе предлоги, сообразно съ своимъ значеніемъ, ограничиваютъ дѣйствіе до конца его. Напр. предлогъ *со*, выражая соединеніе (съ твор. пад.) и мѣру (съ винит.), при слитіи съ нѣкоторыми глаголами представляетъ дѣйствіе оконченное, сообразно съ количествомъ матерьяла для дѣйствія или, иными словами, прямое достиженіе цѣли и окончаніе дѣйствія по причинѣ уничтоженія матерьяла: *согрѣть, съѣсть, смять, сжечь, согрѣть, сжоронить, слазить, слодить, сълзать*.

Предлогъ *на*, выражая отношеніе къ поверхности (*наступитъ на ногу, найтти на камень*), сливаясь съ глаголомъ, указываетъ и на окончаніе дѣйствія, если оно отразится на поверхности чего-нибудь: *написать, начертить, нарисовать, нацарапать, намазать*.

Предлогъ *о* сообщаетъ дѣйствію оконченность, если оно прошло все существо предмета, весь его объемъ или окружность: *окоченъть, озлбнуть, окръпнуть*.

Предлогъ, всегда ограничивая дѣйствіе извѣстнымъ обстоятельствомъ, получаетъ черезъ это возможность переводить высшій видъ въ низшій. Такъ всѣ глаголы многократнаго вида, слившись съ предлогомъ, переходятъ на степень неопредѣленнаго: *жиживаетъ—разжиживать, пьютъ—распивать, мыслятъ—продумывать*. Изъ этого ясно, что предложныхъ многократныхъ глаголовъ не существуетъ.

Но всѣ и изъ простыхъ глаголовъ употребительны въ многократномъ видѣ; часто они переходятъ на эту степень только для того, чтобы соединиться съ предлогомъ и черезъ него вновь перейти на степень неопредѣл. съ новымъ значеніемъ: *дуть—раздуть* (дуть неупотр.), *рыть—отрыпать* (рыть неупотр.), *зидать—созидать* (зидать неупотр.), *ждать—ожидать* (ждать неупотр.), *клясть—продолжать* (клясть неупотр.).

Глаголы, по своему роду неопредѣленные (т. е. не произведенные отъ однократныхъ), слившись съ предлогами, переходятъ на степень однократныхъ: *играть*—*проиграть*, *дѣлать*—*придѣлать*, *красить*—*выкрасить*, *жить*—*оживить*, *колоть*—*уколоть*. Глаголы неопредѣленные, происшедшіе отъ однократныхъ и съ предлогами, удерживаются на своей степени: *водитъ*—*разводить*, *носитъ*—*приносить*, *уноситъ*. Но если предлогъ выражаетъ при этомъ оконченность дѣйствія, то глаголъ переходитъ въ однократный видъ: *доносить что-либо по службѣ* (неопредѣл.); *доносить платье* (однократный).

Примѣч. Глаголы *вытащить* и *вытаскать*, *выломить* и *выломать*, *объжать* и *обжать* и подоб. вида однократнаго; но нужно видѣть различіе въ ихъ значеніи: происшедшіе отъ простыхъ однократныхъ (*вытащить*, *выломить*) выражаютъ окончаніе дѣйствія съ одного пріема; другіе же съ нѣсколькихъ пріемовъ (*вытаскать*, *выломать*).

Хотя весьма многіе неопредѣленные глаголы, слившись съ предлогомъ, и переходятъ на степень однократнаго вида, но черезъ это число ихъ уменьшаться не можетъ, потому что они имѣютъ возможность сказанными способами вновь возвратиться на свою степень: *печь*—*упечь*—*упекать*, *мочь*—*помочь*—*помогать*, *вянуть*—*увянуть*—*увядать*, *хладѣть*—*охладѣть*—*охладѣвать*, *срамить*—*посрамить*—*посрамлять*. Здѣсь всѣ звуки, скрытые въ неопредѣленномъ наклоненіи, вновь возобновляются.

Вотъ еще примѣры: *звать*—*призвать*—*призывать*, *воевать*—*завоевать*—*завоевывать*, *драть*—*выдрать*—*выдирать*, *знать*—*узнать*—*узнавать*, *красить*—*окрасить*—*окрашивать*, *ловить*—*вылавливать*, *глядѣть*—*переглядѣть*—*переглядывать*, *сидѣть*—*просидѣть*—*просиживать*, *пороть*—*спороть*—*спарывать*, *мереть*—*умереть*—*умирать*, *тереть*—*оттереть*—*оттирать*.

Впрочемъ, есть нѣсколько предложныхъ однократныхъ глаголовъ изъ породы *а*, которые могутъ переходить въ неопр. видъ, довольствуясь только перестановкой ударенія на видовую *а*: *кликать*—*накликать*—*наклика́ть*, *сыпать*—*засыпать*—*засыпа́ть*, *двигать*—*раздвигать*—*раздвига́ть*, *бгать*—*оббгать*—*оббга́ть*.

Примѣч. Удареніемъ также отличается значеніе глаголовъ съ предлог. *вы*: предлогъ безъ ударенія съ неопредѣленнымъ видомъ

глагола представляет стремленіе *откуда: выходить, вылетать*, а съ удареніемъ—пріобрѣтеніе черезъ постоянное дѣйствіе: *выплакать, выпросить*.

Въ нашемъ литературномъ языкѣ встрѣчается нѣсколько предложныхъ глаголовъ изъ ц. сл. яз., которые, при переходѣ въ неопредѣл. видъ, выказываютъ нѣкоторыя особенности: *отмстить—отмщевать, затмить—затмевать*; они какъ глаголы пришлые не подойдутъ подъ наши правила.

Иногда предлогъ, соединяясь съ глаголомъ, заставляетъ его принять окончаніе *ся*, безъ котораго эта предложная форма неупотребительна въ языкѣ: *стѣть—устѣться, лечь—разлечься, владѣть—владѣться*.

Иногда глаголъ соединяется съ двумя и съ тремя предлогами заразъ, при чемъ, конечно, дѣйствіе ограничивается уже разными обстоятельствами, слѣдственно должно отличаться и особенною изобразительностью: *попризадуматься, поприутихнуть, обезпечить, опрокинуть, разукрасить* *).

Большая часть нашихъ предложныхъ именъ произошла изъ предложныхъ глаголовъ черезъ посредство разныхъ именныхъ окончаній: *западъ, приходъ, заводъ, поднось, осада, переправа, зараза, пришлецъ, продавецъ, прозорливецъ*.

Сложеніе предлога съ именемъ бываетъ двоякое: 1) безъ измѣненія окончанія имени: *собрать, престолъ, подруга, правдѣ, правнука*; 2) предлогъ измѣняетъ или растягиваетъ окончаніе имени: *простынокъ, подворотня, прихвостень, задворокъ, подмастерье, поморье, подюрье, безлюдье, задвинье, побережье*. Этотъ послѣдній способъ употребительнѣе; первый по большей части встрѣчается тамъ, гдѣ нужно сохранить родовое окончаніе: *сотоварищъ, пращуръ, праматерь*.

Изъ этихъ именъ составляются прилагательныя по общимъ законамъ.

Въ сравнительной степени предлогъ *по* служитъ приставкою для нѣ котораго усиленія: *побольше, поскорѣе, помоложе*. Онъ же переводитъ прилагательныя въ нарѣчія для выраженія *раздѣльности, послѣдовательности* или *сообразности*: *помѣ-*

*) О знач. формъ рус. глг. Некрасова.

сячно, понедѣльно, поминутно, попарно, поочередно; полѣтному, позимнему, повчерашнему, почеловѣчи, поцарски, порусски, пособачи, попріятельски.

Приставки *пре*, *наи* служатъ для выраженія превосходной степени: *пресвѣтлый*, *пресвѣтлѣйшій*, *наилучшій*, *наискорѣе*.

Приставка *нѣ* употребляется при мѣстоименіи вопросительномъ для выраженія неопредѣленности, а *ни* для полного отрицанія: *нѣкто*, *нѣчто*, *нѣкій*, *нѣкоторый*, *нѣсколько*, *никто*, *ничто*, *никакой*, *никоторый*, *нисколько*. Въ старинномъ языкѣ *нѣ* при предлогѣ могло отдѣляться отъ мѣстоименія: *нѣ вкое время пригожуся тебѣ* (Древ. стих.), *нѣ вкоемъ мѣстѣ* (Ипат. л.). Теперь же подобное раздѣленіе допускается только съ *ни*: *ни за что*, *ни о комъ* и пр.

Приставка въ концѣ слова составляетъ по большей части мѣстоименіе *то*: *кто-то*, *что-то*, *какой-то*, *чей-то* или съ при нарѣчіи: *здѣсь*, *днесъ*. Мѣстоименіе *каждый* произошло отъ стараго *кыйждо*, гдѣ *ждо* составляетъ приставочную частицу *же* (тоже—тожде). *Жды* соединяется съ числительнымъ для выраженія числа *разъ*: *однажды*, *дважды*, *трижды*, *четырежды*. Въ словѣ *богатыня* предлогъ приставленъ къ концу слова *Богатня* (для), т. е. для Бога.

СЛОЖНЫЯ. § 39. Въ исторіи образованія славянскихъ сложныхъ словъ представляются намъ два главные періода: языческій и христіанскій. Въ первомъ сложеніе чисто славянское по народному воззрѣнію; во второмъ сложеніе, перенесенное къ намъ отъ грековъ черезъ переводъ Библіи.

1. Почти все славянскія языческія божества называются уже сложными именами: *Стрибогъ* (стри-повѣтріе)—богъ вѣтра, *Дажь-богъ*—солнце, *Свѣтовидъ*, *Бѣль-богъ*, *Чернобогъ*. Подобно именамъ боговъ и имена людей являются сложными: *Святославъ*, *Ярополкъ*, *Владиміръ*, *Вечеславъ*; также названія древнѣйшихъ городовъ: *Вышь-градъ*, *Новгородъ*, *Царь-градъ*, *Переяславъ* (зане *перя славу*, у Нест.). Въ этотъ же періодъ, вѣроятно, составилось много и русскихъ словъ, какъ напр.: *лукоморье*, *листопадъ*.

2. Къ христіанскому періоду относятся слова, переведенныя буквально съ греческихъ сложныхъ словъ: *Богоносецъ*,

(Θεοφῶρος), *Богородица* (Θεοτόκος), *свѣтодавецъ* (φωτοδότης), *сребролюбіе* (φιλάργυρια), *стѣценосецъ* (στεφανοῦβρος), *единоборецъ* (μονομάχος), *всесильный* (παντοδυναμος), *всеблагодѣ* (παναγαθος) и др.

Въ русскомъ языкѣ является двоякое сложение словъ: *собственное* и *несобственное*. Въ первомъ соединеніе словъ происходитъ съ помощью гласной *о*, *е*: *самолюбіе*, *земледѣліе*. Слово главное, которое въ предложеніи обратилось бы въ подлежащее или сказуемое, ставится въ концѣ со своимъ удареніемъ. Синтаксическое отношеніе между частями сложнаго слова бываетъ весьма различно; иногда одна часть бываетъ опредѣленіемъ другой: *самовидецъ* (самъ видитъ), *долго-терпѣніе* (долгое терпѣніе), иногда дополненіемъ: *сребролюбіе* (любить серебро), *винодѣліе* (дѣлаетъ вино); при чемъ замѣняются разные падежи: *Богомилъ* (милъ Богу), *Богданъ* (данный Богомъ), *паровозъ* (возащій паромъ), *рукопись* (писано рукою), *водолазъ* (лазитъ въ воду), *мореходъ* (ходитъ по морю) и проч.

Изъ всѣхъ этихъ словъ легко составляются прилагательныя по общимъ законамъ.

Примѣчаніе. Въ древнегреческ. языкѣ соединительною гласною также служила буква *ο*: ἀλλόφυλος (иноплеменникъ), въ лат. буква *i*: homicida, patricida. Въ древнепѣмск. нарѣчіяхъ употреблялись *a*, *o*, *e*; но въ новопѣмск. происходитъ сложение несобственное: Tag:slicht, Donnerstag.

Къ несобственному сложению относятся слова, сложившіяся безъ соединенія гласной: *Царь-городъ*, *жарь-птица*, *хлѣбъ-соль*. Сюда же относятся многія прозвища въ цѣломъ предложеніи, составляющія какъ бы одно слово, напр. въ псковск. лѣтоп.: *Θεόδωρѣ Умойсягрязю*, *Умылбородинѣ*, *Тертигоревѣ* и др.

Въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ попадаетъ несобственное сложение, происшедшее изъ собственного: *кровопролитіе* вмѣсто *кровапролитіе*, *богумерзкое* вм. *богомерзкое* и друг.

Слово *спасибо* сократилось изъ сложнаго *спасибогъ*.

Коренныя числительныя имена только первыя десять количественныхъ. Дальнѣйшее счисленіе ведется посредствомъ различнаго соединенія этихъ десяти.

Счисленіе второго десятка произошло съ помощью предлога *на*: наши *одинадцать*, *двѣнадцать*, *тринадцать* и т. д. сократились изъ старинныхъ *одинъ на десять*, *два* или *дѣвѣ на десять*, *три на десять* и проч. Слѣдующіе затѣмъ десятки; *двадцать*, *тридцать*, составились изъ *двадесѣтъ*, *тридесѣтъ*, въ которыхъ *два*, *три* какъ прилагательныя соединились съ *десѣтъ* какъ съ существительнымъ. Въмѣсто древняго *четыредесѣтъ*, въ русскомъ языкѣ употребительно слово *сорокъ*, сокращенное изъ греческаго *тессираконта* (тессирахонта—сорокъ). Въ словахъ *пѣтьдесѣтъ*, *шестъдесѣтъ* и пр. слово *десѣтъ* прибавляется, какъ существительное къ существительному, принимая окончаніе родит. пад. *Девѣносто* сократилось изъ *двѣтъдесѣтъ*, равно какъ *сто* изъ *десѣтъ*.

Дѣвѣсти произошло отъ стариннаго двойственнаго числа *дѣвѣ стѣ*. Въ числахъ *триста*, *четыреста* имя *сто* является въ формѣ род. пад. един. ч. Подобно какъ *пѣтьдесѣтъ*, *шестъдесѣтъ* составились числа *пѣтьсотъ*, *шестъсотъ* и проч.

Числительныя количественныя слагаются съ именемъ существительнымъ въ одно слово и производятъ по общимъ законамъ имя прилагательное. Въ этомъ случаѣ числительное (кромѣ *одинъ*) принимаетъ форму род. пад. *двухъэтажный*, *четырехъмѣстный*, *пятиаршинный*. Слова *треугольный*, *четырехъмѣстный* есть уже сокращеніе. Въмѣсто *двухъэтажный* можно употреблять другое также правильное слово *двуэтажный*, подобно какъ *двусмысленный*, *двусторонний*, *двугривенный*. Здѣсь слово *дву* есть старинный род. пад. (двойствен. числа) отъ *два*. Подобный же родит. падежъ имѣетъ *полъ-полу*, который всегда употребляется въ сложеніи съ именами: *полубогъ*, *полубаринъ*, *полумѣсяцъ*. Только въ словахъ *полдень* и *полночь* въ имен. пад. не сохранилось *у*; въ косвенныхъ же оно снова является. Въ словѣ *двородный*—первая часть *двою* есть такъ же род. пад. двойствен. числа отъ *двое*. Подражая ему, мы составили слова: *троюродный*, *четвероуродный*.

Иногда имена сложныя съ числительнымъ принимаютъ окончаніе *ье*: *первосонье*, *первопутье*, *полудурье*, *полукафтанье*, *многотье*.

Числительное *полтора* произошло изъ *полвтора*, и при скло-

является въ нѣсколькихъ случаяхъ: такъ вмѣсто родит. *а* и *я* во многихъ словахъ употребляемъ дат. *у* и *ю*, напр. *чашка чаю, фунтъ сахару, куча сору*. Здѣсь род. пад. является съ окончаніемъ дательнаго. Такое употребленіе встрѣчается и въ старыхъ рукописяхъ: *во вѣки вѣкомъ* вм. *вѣковъ*. Равнымъ же образомъ старинное окончаніе род. пад. *е*: *имене, камене, матере, крове* замѣнилось окончаніемъ дательнаго *и*: *имени, матери, крови*. Или оконч. *и* имен. пад. множ. числа, вмѣсто стариннаго *и* пришло изъ винительнаго: *дари, труды* вмѣсто стар. *дари, труды*. Окончаніе звательн. пад. *у* насъ совершенно утратилось и замѣнено именит. Слѣды его остались въ немногихъ словахъ, о которыхъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ род. пад. множ. ч. у насъ явилось оконч. *овъ, евъ* (отцовъ, домовъ), тогда какъ прежде было оконч. *ъ*; старинное же оконч. дат. пад. ед. ч. *ови, еви* у насъ совсѣмъ не употребляется. Оконч. дат., твор., предл. пад. мн. ч. женск. род. сдѣлались общими для всѣхъ родовъ—*амъ, ами, ахъ* вм. древн. *омъ, и, ихъ*—*дѣламъ, дѣлами, о дѣлахъ*, вм. стар. *дѣломъ, дѣлы, о дѣлѣхъ*.

Наблюдая надъ измѣненіемъ русскихъ именъ, каждый легко замѣтитъ, что не всѣ они склоняются одинако, вслѣдствіе этого является необходимость въ грамматикѣ раздѣлить склоненіе существительныхъ на отдѣлы. Въ современномъ языкѣ мы можемъ представить не болѣе четырехъ различныхъ образцовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ склоненіи какую-нибудь свою особенность; отсюда вытекаетъ въ грамматикѣ четыре склоненія для именъ существительныхъ: два для именъ съ родовыми окончаніями и два для именъ съ неродовыми.

Для соединенія падежнаго окончанія съ корнемъ слова часто бываетъ необходима бѣглая гласная: *человѣкомъ, царемъ*. Въ старыхъ рукописяхъ вмѣсто бѣглыхъ *о, е* встрѣчаются *ъ, ъ*, которыми обыкновенно обозначались бѣглыя гласныя: *человѣкъмъ, рабѣмъ*. Впрочемъ иногда и совсѣмъ не употреблялись бѣглыя гласныя, гдѣ позволялъ выговоръ напр. *сынми, воздми, денми, костми*; и мы также говоримъ: *людѣми, дочерѣми, людями, дочерями*.

Вставка и выбрасываніе бѣглыхъ гласныхъ безпрестанно

встрѣчается въ русскихъ склоненіяхъ, гдѣ только требуетъ или позволяетъ выговоръ, напр. отецъ, стрѣлокъ, род. пад. един. ч. отца, стрѣлка, окно, игра род. пад. мн. числа: оконъ, игоръ и др.

Особенности склоненій. § 41. Къ первому склоненію относятся имена мужескаго и средняго рода, кончающіяся на *ъ, о, ъ, (й) е*.

Въ косвенныхъ падежахъ твердому окончанію *ъ, о* соотвѣтствуютъ твердыя *а, у, ы* и проч., мягкимъ *ъ, й, е* — мягкія *я, ю, и* и пр. Гласная *е* послѣ гласной обращается въ придыхательн. *й*: наемъ — найма, заемъ — займа; передъ *и*, передъ уменьш. окончаніемъ *къ* (екъ) и послѣ *л* обращается въ *ь*: воробей — воробья, конекъ — конька, левъ — льва. Въ словѣ Христосъ въ косвенныхъ пад. слогъ *ос* пропадаетъ.

Предложный падежъ здѣсь оканчивается на *ъ*; нѣкоторыя же имена, означающія время или мѣстность съ предлогами *въ, на* принимаютъ *у* съ удареніемъ: *въ лѣсу, на острову, въ юду*. Въ нѣкоторыхъ же словахъ съ каждымъ оконч. соединяется особый смыслъ: *въ виду* чего либо, *въ видѣ* цвѣтка. Оконч. *у* есть древнѣйшее ок. *мѣстнаго* падежа.

По законамъ сочетанія русскихъ звуковъ *и* уступаетъ свое мѣсто *и* послѣ гортанныхъ *г, к, х* и придых. *ж, ч, ш, щ*: ножи, слоги *вм. ножи*, слоги *и* проч.

Для именит. пад. множ. числа — обыкновенныя окончанія *ы, и*, но кромѣ ихъ употребляются еще *е, а, я, ѡя*.

Окончаніе *е* принимаютъ имена лицъ на *анинъ, янинъ*, гдѣ *инъ*, выражая единичность, во множест. числѣ должно выпасть: англичанинъ — англичане, дворянинъ — дворяне.

Старая форма род. пад. множ. числа муж. род. у насъ вполне удержалась только въ именахъ на *инъ*: *анличанъ, дворянъ, баръ* и еще не во многихъ словахъ: *солдатъ, пудъ*; въ другихъ же случаяхъ для отличія отъ имен. пад. един. ч. передъ *ъ* появляется слогъ *ов, ев*: *столовъ, домовъ, поребовъ, братьевъ, обычаевъ, случаевъ, ступевъ, пальцевъ*.

Имена на *ъ* принимаютъ въ род. пад. множ. числа окончаніе *ей*: *камней, коней, кораблей*. Сюда же относятся: 1)

имена съ конечными придыхательными *ж, ч, ш, щ*, послѣ которыхъ, по древнему правописанію, вмѣсто нашего *ъ* являлось *ь*: *ножь* (ножь)—*ножсей*, *ключъ* (ключъ) *ключей*; 2) имена лицъ, удержавшія удареніе надъ окончаніемъ *ья*: *друзья*—*друзей*, *сыновья*—*сыновей*. Вин. п. ед. и мн. ч. именъ предметовъ одушевленныхъ сходенъ съ род. п., а неодушевл. съ имен.; но въ именахъ собирательныхъ (полкъ, народъ) вин. всегда сход. съ имен. Если же названіе неодушевл. пр. переносится на одушевл., то вин. пад. его сходенъ съ родит.: ударьте этого *болвана*, ведутъ *языка*. Винит. п. слова *идолъ* всегда сходенъ съ род., согласно съ язычesk. представленіемъ.

Въ именахъ съ окончаніемъ *о, е* винительный падежъ постоянно сходенъ съ именительнымъ. Буква *ъ* предложн. падежа постѣ *і* измѣняется на *и*; *о веселии*, *собрании*.

Въ тѣхъ же именахъ именит. пад. множ. ч. оканчивается на *а, я*, точно такъ, какъ во всѣхъ коренныхъ языкахъ (напр. лат. и греч.) имена среднего рода: *окна, моря*. Слово *яблоко* въ народномъ говорѣ слышится съ окончаніемъ мужеск. рода *яблокъ*, и потому во множест. чис. *яблоки* вм. *яблока*. Имена уменьшительн. сред. рода во множ. ч. принимаютъ оконч. *и*, окошко—*окошки*, колечко—*колечки*. Точно такъ же мы говоримъ: солныи вм. солнца. Удареніе и здѣсь часто отличаетъ именит. пад. мн. ч. отъ род. ед., напр. род. ед. *окно, ведро, колесо*; имен. множ. *окна, ведра, колеса*; или род. ед. *поля, моря, облака*, имен. множ. *поля, моря, облака*.

Родит. пад. мн. ч. имѣетъ оконч. *ъ* и *й*, образовавшееся изъ *ъ* постѣ гласной: *оконъ, чувствъ, импій, веселій*. Слова *поле, море* составили *полей, морей* съ бѣглою *е* вм. *поль, морь*. Окончаніе *евъ* здѣсь принимаютъ только имена собирательныя, точно такъ, какъ въ мужеск. родѣ: *дереьевъ, полѣньевъ*. По ихъ примѣру говорятъ также *вареньевъ, кушаньевъ, помѣстьевъ* вм. правильныхъ *варений, кушаний, помѣстій*.

Ко второму склоненію относятся имена съ окончаніемъ *а, я*. Здѣсь оконч. *ъ* дат. и пред. падежа постѣ *і* измѣняется, по общему закону, въ *и*: *стихиа*—*стихии*, *витія*—*витии*.

Окончаніе творит. пад. *ою, ею* можетъ сокращаться въ *ой, ей*: *сестрою*—*сестрой*, *водою*—*водой*.

Для имен. пад. мн. ч. служатъ обыкновенныя окончанія *ы, и*, которыя для отличія отъ род. пад. един. чис. передаютъ удареніе на первый слогъ, если первообразное имя имѣетъ его на послѣднемъ: *сестра*, род. пад. *сестры*, имен. множ. *сѣстры*, *земля—земли—зѣмли*.

Род. пад. мн. ч. сохранилъ первообразное оконч. *ъ*—*ъ* (*и* послѣ гласн.) *женъ, палокъ, земель, деревенъ, стихій*. Иногда для легкости выговора передъ *ъ* употребляютъ бѣглую гласную *е*, и само *ъ*, въ этомъ случаѣ, должно измѣниться на *и*, отчего и происходитъ оконч. *ей*; *ноздрей, распрей, вожжей*, *вм. распръ, ноздръ, вожжъ*.

Третьему склоненію принадлежатъ имена женск. рода на *ъ*. Здѣсь замѣчательно сходство падежей ед. ч. имен. съ винит. *ъ*, родит. съ дат. и предлож. *и*. Окончаніе творит. пад. *ю* образовалось изъ стараго полного окончанія *ію*: *тѣню* (тѣнію). Бѣглая гласная *о* именит. пад., выпускаясь въ другихъ падежахъ, удерживается въ творит.: *любовъ—любви—любовью, рождъ—ржи—рождю*.

Слова *мать, дочь*, образовавшіяся изъ *матерь, дочерь*, въ прочихъ падежахъ сохранили слогъ *ер*: *матери, дочери*, и проч.

Именит. и винит. множ. ч. кончаются постоянно на *и*, род. на *ей*.

Прочіе падежи множест. числа во всѣхъ склоненіяхъ одинаковы.

Къ четвертому склоненію относятся имена, кончающіяся на юсовое *я*: *мя* (мень), *я* (ять).

Въ косвенныхъ падежахъ юсовое *я* въ именахъ на *мя* обнаруживается слогомъ *ен*: *времени, стремени*, и проч. Въ областныхъ говорахъ употребляются уже новѣйшія формы: нѣтъ *время* (вм. *времени*), знамя за *знаемъ*, (вм. *знаменемъ*), *вымемъ*. Имъ подражаютъ и нѣкоторые писатели; сынъ *время* (Держ.): ни *время*, ни охоты на это нѣтъ (Крыл.). Въ литературномъ языкѣ въ род. пад. множ. ч. употребляется искаженная форма *сѣмянъ* вм. *семенъ*.

Имена съ однимъ *я* (*жеребя, теля*) въ склоненіи возставаютъ *т*, выпавшее изъ оконч. имен. падежа: *дитяти*,

жеребяти, теляти. Впрочемъ въ современномъ языкѣ такое склоненіе употребляется только во множ. числѣ: *жеребяти, телята* и пр., а для единственного берется оконч. *енокъ*, о которомъ мы уже говорили. Слово *дитя* мы часто стараемся подвести подъ членное или родовое окончаніе, и потому употребляемъ неправильно, говоря: *дитю, дитею, дитятею*. *Дитей* возили на поклонъ; ты *дитей* съ нимъ часто танцевала (Грибоѣд.); у котораго *дитя* нѣтъ (въ народныхъ пѣс.). Во множ. числѣ постоянно *дѣти, дѣтей* и проч.

Въ четвертомъ склоненіи точно такъ, какъ и въ третьемъ, для единственного числа существуютъ въ современномъ языкѣ только три окончанія: именительн., и винит. *я* род., дат. и предл. *и*, твор. *емъ*. По этому образцу склоняется одно слово мужеск. рода: *путь—пути—путемъ*—кажущаяся неправильность, объясняемая историческимъ развитіемъ склоненій существительныхъ.

Остатки старыхъ падежныхъ формъ. § 42. *Божье, Господи, Христе, Иисусе* представляютъ старую форму звательн. пад., который теперь у насъ постоянно сходенъ съ именительнымъ. Обыкновенное оконч. зват. пад. мужеск. рода *е* рано стало замѣняться окончаніями другихъ падежей, напр. родит.: *о юрькаго времени! о грознаго часа!* (въ Словѣ о Мамаевомъ побоищѣ) или дат. *царю, утѣшителю!* Окончаніе зват. пад. женск. рода *о* слышно теперь только въ словѣ *владыко*.

Произведенъ въ генералы, постриженъ въ монахи, отданъ въ солдаты, вышелъ въ люди и прочія, имъ подобныя выраженія. Здѣсь *генералы, монахи, солдаты, люди* представляютъ старую форму винит. пад. мн. ч. вм. нашихъ *генераловъ, монаховъ, солдатъ, людей*. Точно такъ же и въ народныхъ пѣсняхъ: *былъ пиръ на многи князи, бояра и на русскіе могучіе богатыри*.

Идти замужъ, выдать замужъ вм. *за мужа*—старая форма вин. пад. ед. числа.

Сосѣди, холопы, черти—старая форма имен. пад. мн. ч. на и вмѣсто нашего *ы*: *сосѣды, холопы, черты*.

Очи, уши, колѣни, плечи—старое двойств. число сред. рола отъ *око, ухо, колѣно, плечо*; здѣсь *к* и *х* передъ *и* измѣнились въ *ч, ш*.

Чудеса, небеса, отъ *чудо, небо* сохранили коренной слогъ *ес*, который у насъ въ единств. числѣ выпалъ. Въ старо-русскомъ языкѣ слова: *небо, чудо, древо, тѣло, слово, коло*, утративъ въ имен. пад. ед. ч. коренной слогъ *ес*, сохранили его во всѣхъ другихъ падежахъ: р. *небесе*, д. *небеси*, т. *небесемъ*, и пр. Въ современномъ языкѣ этотъ слогъ удержался только въ словѣ *колесо* (коло), а въ другихъ сохранился въ производныхъ прилагательныхъ: *древесный, словесный, тѣлесный, чудесный, небесный*.

По дѣломъ вору и мука — старин. дат. пад. мн. ч. вмѣсто *по дѣламъ*.

Черезъ косвенные падежи существительныя переходятъ въ нарѣчія, напр. чрезъ род. *вчера* (вечеръ—вечера), чрезъ дател. *кромя* (сущ. крома), *долой, домой*, (древ. *доловь, домовъ*); чрезъ творит. *кругомъ, верхомъ, даромъ, днемъ, ночью*; чрезъ предлож. *горь* (гора), *внѣ* (вонъ—у Нестора: всю *извну* украси). Нѣкоторыя существительныя сохранились только въ одномъ падежѣ въ видѣ нарѣчія: *тишкомъ, босикомъ, парожнякомъ, мелькомъ, нарокомъ, опрометью, натоцкаѣ, цѣликомъ, тишкомъ, живьемъ*.

Собирательныя формы. § 43. Выраженіе многихъ однородныхъ предметовъ, какъ одного цѣлаго, у насъ весьма обыкновенно, и особенно было въ старорусскомъ языкѣ. У Нестора и у другихъ лѣтописцевъ мы встрѣчаемъ употребительныя окончанія *ъ* и *а*: *Русь, Чудъ, Весь, Сербъ, Черемись, Ямъ, чадъ* (слуги), *поганъ* (поганы), *таль* (заложники), *яръ* (яровой хлѣбъ), *Стъвера, Мурома, Печера, Литва* (говоря о народахъ). Эти же окончанія иногда употребляются и у насъ для выраженія совокупности: *знать, чернь, дичь, иниль*, или *берегѣя, вечера, городѣ, поварѣ, лѣкаря, учителя, якорѣ*. Удареніе всегда на оконч. *а, я*. Употребленіе имени собирательнаго въ женскомъ родѣ ед. ч. есть принадлежность глубокой древности.

Въ старослав. языкѣ для выраженія совокупности было употребительно также окончаніе *іе*: *братіе, княжіе, людіе*; это же окончаніе иногда слышно и у насъ въ народномъ говорѣ, обращенное въ *ье* съ удареніемъ: *бабье, мужичье, дурачье*,

Вотъ въ какомъ видѣ первоначально явилось склоненіе производныхъ окончаній:

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.			МНОЖЕСТВЕН. ЧИСЛО.		
муж.	жен.	сред.	муж.	жен.	сред.
И. добръй.	добрая.	доброе.	добриі.	добрыя	добрая.
Р. добрааго.	добрыя(оя)	добрааго.	—	добрыхъ.	—
Д. добрууму*)	добрѣй.	добрууму.	—	добрыимъ.	—
В. добръй.	добрюю.	доброе.	добрыя.	добрыя.	добрая.
Т. добрыимъ.	доброю.	добрыимъ.	—	добрыими.	—
П. добръемъ.	добрѣй.	добрѣемъ.	—	добрыхъ.	—

Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ и теперь слышались старыя формы какъ един., такъ и множ. числа: *добрыхъ, добрыимъ*. Оконч. женск. рода родит. пад. *ой* могло составиться изъ стариннаго окончанія *оя*: *тоя, одна*.

Именит. пад. множ. чис. муж. рода *и* сохранился только въ именахъ на *ий*: *рыбьи, человѣчи, слови*, и употребляется для всѣхъ трехъ родовъ. Эти же имена во всѣхъ падежахъ сокращаютъ *и* въ *ъ*: *рыбью, рыбью* и проч. Нынѣшнее окончаніе имен. пад. множ. чис. звучитъ одинаково во всѣхъ родахъ; различіе же между *ме* и *мя* и *іе* и *ія* не филологическое, а условное. Въ рукописяхъ XV и XVI стол. оконч. *и*, *ме*, *мя* употреблялись безразлично; въ послѣдствіи чаще другихъ стало встрѣчаться оконч. *мя*. Передъ Ломоносовымъ въ тридцатыхъ годахъ (XVIII ст.) въ книгахъ, издаваемыхъ Академіею Наукъ, стало появляться окончаніе *ме* для мужскаго рода въ отличіе отъ женск. и средн., которымъ оставлено оконч. *мя*, несмотря на то, что не всѣ писатели хотѣли слѣдовать этому правилу.

Тѣ же оконч. въ склоненіяхъ приняли многія числит. и мѣстоименія.

Числительн. кол. *одинъ*, переходя въ женск. и сред. родъ или въ косвенные падежи, теряетъ *и*: *одна, одно, одного, одни* и проч., хотя *и* здѣсь принадлежитъ корню, что видно въ словѣ *инокъ* (отъ старин. *инъ—одинъ*). Въ ц. сл. языкѣ не замѣтно этого опущенія: *единъ—едина—едино—единого* и проч.

*) Здѣсь, какъ и въ род. пад., произошло уподобленіе звуковъ: вм. *добра-ею, добро-ему*; въ послѣдствіи двойныя гласныя слились въ одну: *а, у, и, ѳ, е*.

Въ склоненіи употребляются падежныя производныя окончанія прилагательныхъ. Впрочемъ, въ родит. пад. вмѣсто *аю* у насъ постоянно пишется *ою*. Во множ. числѣ сохраняется во всѣхъ падежахъ различіе между мужск. и женск. родомъ: *одни* и *одны*, *однихъ*—*одныхъ*; но въ старыхъ рукописяхъ, равно какъ и въ народномъ говорѣ, мы не замѣчаемъ подобнаго различія: обѣ формы употреблялись безразлично и даже чаще съ оконч. *ъ* для всѣхъ родовъ.

Два и *два* представляютъ намъ имен. и вин. падежи стариннаго двойственнаго числа, котораго род. и пред. были *дву*, дат. и твор. *двѣма*. Въ современномъ склоненіи для род. дат. и пред. падежей къ прежнему *дву* прибавляются окончанія прилагательныхъ множ. числа: *двухъ*, *двумъ*; но творит. пад. получилъ окончаніе *мя*, которое является и въ числительныхъ три, четыре: *двумя*, *тремя*, *четырьмя* (четыремя). Вѣроятно, это есть древнѣйшая форма творит. падежа, которая сохранилась также въ производныхъ нарѣчіяхъ: *ливмя* *стоймя*.

Три, *четыре* въ склоненіи также принимаютъ окончанія прилагательныхъ множ. числа (исключая твор. пад.), соединяясь съ ними съ помощію гласной *е*: *трехъ*—*тремъ*, *четырехъ*—*четыремъ* и проч.

Прочія числит. количественныя на *тъ* склоняются какъ существительныя женскаго рода съ неродовымъ окончаніемъ *ъ* въ единственномъ числѣ.

Примѣч. Въ Остромировомъ Евангеліи эти числительныя являются дѣйствительно какъ имена женск. рода: *приобрѣте друцую* *пять талантъ*.

Этимъ же числительнымъ въ склоненіи подражаютъ и сложныя имена *пятдесятъ*, *шестьдесятъ*, *семьдесятъ*, *восемьдесятъ*, при чемъ и первыя числа *пять*, *шесть* и проч. также склоняются: *пятидесяти*, *пятьюдесятью*. Отдѣльно же склоняются *двѣсти*, *триста* и т. д., принимая окончанія множ. числа существительныхъ: *двухъ сотъ*, *двумъ стамъ*, *двумя стами*.

Спряжение. § 45. Мѣстоименныя корни послужили также флексіями для спряженія глагола. Для объясненія возьмемъ первообразный глаголъ *есмы*: онъ образовался еще въ языкѣ

первобытномъ, откуда захватили его всѣ народы, отдѣляясь для своей особенной жизни. Приводя ихъ въ сравненіе, мы вездѣ видимъ одинъ и тотъ же корень *ас*, *ес* *), одно и то же окончаніе *ми* (санскр. *асми*, греч. *εσμι*, обратившееся въ *εσι*, латин. *esum*, обратив. въ *sum*). Что же выражаетъ то и другое? корень выражаетъ *бытіе*, окончаніе — первое лицо *я*. Это *ми* есть корень нашихъ мѣстоименій *меня*, *мнѣ*, *мы*, *мой*, нѣмец. *mir*, *mir*, *mein*, латин. *mei*, *mihi*, *meus*, греч. *μου*, *μοι* и пр., словъ, которыя указываютъ только на первое лицо. Въ старорус. языкѣ *ми* обратилось въ *мѣ* по стремленію сокращать окончанія.

Примѣч. 1. Впрочемъ въ старыхъ русскихъ рукописяхъ встрѣчается я окончаніе *ми*, напр. въ рук. 1489 г. „дать *есми* Юрію на тѣ подводы деньги, а велѣтъ *есми* имъ изъ Ругодива подводы наняти до Колывани (грам. къ новгородскому намѣстнику).

Окончаніе второго лица вездѣ является *си*: *е-си* (санс. *а-си*, лат. *es*, греч. *дорич. εσσι*). Въ большей части изъ нихъ *с* коренное выпало передъ окончаніемъ *с*, что въ славянск. языкѣ объясняется нелюбовью его удваивать звуки. Это окончаніе выражаетъ не что иное, какъ *ты* — 2-ое лицо; оно явственно выказывается въ греческомъ языкѣ, представляя 2-ое лицо личнаго мѣстоименія (*συ*).

Въ окончаніи 3-го лица вездѣ замѣчается буква *т*: *есть* (санс. *асту*, лат. *est*, греч. *εστι*). Это *т* есть корень старославянск. мѣстоим. *тѣ* и нашихъ *та*, *то* (греч. *то* *του*); всѣ они употреблялись въ качествѣ указательныхъ и вмѣсто 3-го лица личнаго. Слѣд. глагольное окончаніе *т* есть указаніе на третье лицо.

Во множественномъ числѣ употребляются тѣ же буквы. Въ первомъ лицѣ *есмы* (санс. *смас* *вм.* *асмас*, латин. *sumus* *вм.* *esumus*, греч. *εσμεν*) прямо представляется мѣстоим. лич. 1-го лица множ. числа.

Примѣч. 2. Кромѣ *есмы* во многихъ старыхъ рукописяхъ встрѣчается *есма*: „мы съ тобою любви, братства и единства хотимъ и грамоту *есма* свою утвержденную на то записали, какъ намъ

*) Глаголь *быть*, *буду* очевидно происходитъ отъ другого корня; въ санскрит. языкѣ онъ выразился въ *bhu* персид. *буденъ*, нѣм. *bin*, греч. *φύω*-лат. *fui*.

съ тобою быти за одинъ на своихъ недруговъ, и печать *ѣсмѣ* своею къ той грамотѣ приложили и твоему послу Юрью ту *ѣсмѣ* грамоту явили и послали *ѣсмѣ* къ тебѣ ту грамоту съ нашими послы“. (Наказъ послу Юрью Греку отъ Іоанна III къ римск. импер. 1490 г.). Въ словѣ *ѣсмѣ* носовое *ѣ* одного происхожденія съ *ы* (есмы), которое не рѣдко замѣняло носовой звукъ, выражающій здѣсь множественное число подобно греческому *ἔστεν*.

Для выраженія 2-го лица множ. числа, *есте* (санск. *ста* вм. *аста*, лат. *estis*, греч. *ἔστε*) употребляется корень отъ славян. *ты* (санскр. *твам*, лат. и персид. *tu*).

Въ третьемъ лицѣ слав. *суть* (санск. *санти*, лат. *sunt*) утрачена коренная *е*. Здѣсь то же самое *т* употребляется для указанія на 3-іе лицо, а множественное число выражается носовымъ звукомъ *н* (ан, un), который въ нашемъ языкѣ обращается въ носовое *у*; во всѣхъ древнихъ русскихъ рукописяхъ *суть* встрѣчается съ *юсомъ*: *сѣтъ*.

Примѣч. Изъ всѣхъ этихъ формъ (*ѣсмѣ*, *еси* и пр.) въ современномъ языкѣ употребляется только одна *есть*; она весьма часто слышится и вмѣсто множеств. *суть*; у меня *есть* деньги и книги; выраженіе у меня *есть* вмѣсто *я имѣю*, гораздо употребительнѣе въ русскомъ говорѣ.

Разобравъ такимъ образомъ всѣ лица первообразнаго глагола, мы видимъ ихъ ближайшее родство съ личными мѣстоименіями; отсюда ясно, какъ образовалось спряженіе.

Первообразный знакъ 1 лица един. чис. *м* у насъ выкалывается еще въ трехъ глаголахъ: *пѣмъ*, *дамъ*, *создамъ*; присоединимъ сюда и два ц. сл. *вѣмъ* и *имамъ*; но во всѣхъ ихъ мягкое окончаніе *мъ* (ми) отвердѣло, обратившись въ *мъ* (подобно, какъ въ латин. яз. *sum*, *inquam*). Въ старославянск. языкѣ всѣ эти глаголы (кромѣ 2 л. ед. ч. *имамъ*) и въ прочихъ лицахъ принимали первообразныя окончанія: *си*, *тъ*; *даси*, *вѣси*, *вѣсть*.

Такъ какъ въ буквѣ *м* заключается носовой звукъ, то очень естественно, что она не могла удержаться въ нашихъ глаголахъ и по закону нашего языка обратилась въ *у*, которое въ извѣстныхъ случаяхъ смягчается въ *ю* (точно такъ же, какъ въ греч. яз. явилось *ω*, и въ лат. *o*). Вотъ отчего въ нашихъ старыхъ рукописяхъ мы постоянно встрѣчаемъ въ окончаніи 1-го лица един. чис. *юсѣ* (ж, ѣ). Итакъ будемъ знать,

что здѣсь *у* и *ю* буквы *носовыя*. Во второмъ лицѣ первообразное окончаніе *си* смягчилось въ *ши*, вслѣдствіе постоянного стремленія нашего языка смягчать извѣстные звуки. Наконецъ, *ши* обратилось въ *шѣ*, точно такъ же, какъ неопредѣл. накл. *ти* въ *тѣ*.

Въ рукописяхъ XI, XII и XIII ст. мы встрѣчаемъ при всѣхъ глаголахъ въ 3 лицѣ какъ един. такъ и множ. ч. первообразное окончаніе *тъ*; въ послѣд. въ литератур. языкѣ оно стало измѣняться въ твердое *тъ*, которое существуетъ у насъ и теперь. Въ 1-омъ лицѣ множ. ч. у насъ во всѣхъ глаголахъ уцѣлѣлъ *м*, но при немъ скрылся гласный звукъ *и* уступивъ свое мѣсто въ письмѣ твердому знаку *ѣ*. Въ нѣкоторыхъ славян. нарѣчіяхъ здѣсь является вмѣсто нашего *мѣ* окончаніе *мо*. Во второмъ лицѣ множ. ч. и понынѣ сохранилось первообразное окончаніе. Въ третьемъ же окончанія *уть* и *ятъ* произошли изъ *хтъ* и *мтъ*, соответствующихъ латин. *unt*, *ent*, *int* (видать—*vident*). Буква *я*, будучи здѣсь носовою, не можетъ измѣнять предыдущихъ коренныхъ согласныхъ буквъ: *куплю*—*купаютъ*, (я не *купаютъ*) *хотѣтъ*—*хотѣютъ*.

Въ старинномъ языкѣ было еще двойственное число съ оконч. *въ* (1 лиц.), *та* (м. р.) *тъ* (ж. р. 2 и 3 лица), которое теперь у насъ забылось: *есвъ*, *естъ*, *еста*, *любивтъ*, *любита*, *любиттъ*.

Глаголы спрягаются неоднобразно, здѣсь замѣчается различіе: 1, въ гласной передъ личнымъ окончаніемъ, 2, въ удареніи.

Кромѣ 1 лица един. ч. и 3 множ., всѣ другія лица передъ окончаніемъ имѣютъ гласную *е* или *и*: *терпишь*, *любить*, *идемъ*, *посте* (исключ. глаголы первообразнаго спряженія на *мѣ*). Здѣсь нужно обратить вниманіе на соотвѣтствіе этихъ двухъ гласныхъ съ носовыми 3-го л. мн. ч. *я* — *а* (*а*), *у* — *ю* (*ж*, *ж*). *И* употребляется въ тѣхъ глаголахъ, которые принимаютъ *я* въ 3-мъ лицѣ мн. ч.: *хранишь* — *хранятъ*, *терпишь* — *терпятъ*, *стоимъ* — *стоятъ*. Точно такое же соотвѣтствіе замѣчается между *е* и *у*, *ю*, *дѣлаешь* — *дѣлаютъ*, *умреть* — *умрутъ*, *зѣбнемъ* — *зѣбнутъ*, *колете* — *колютъ*. Такимъ образомъ съ перваго же взгляда спряженіе русскихъ глаго-

ловъ распадается на два отдѣла: въ одномъ употребляются гласныя *е—у, ю*; въ другомъ *и—я, а*; первый отдѣлъ мы называемъ первымъ спряженіемъ, другой—вторымъ спряженіемъ.

Что касается до удареній, то во многихъ глаголахъ нѣтъ—соотвѣтствія въ удареніяхъ между неопредѣл. наклоненіемъ, 1-мъ лицомъ един. чис. и остальными лицами: *плывѣишъ, держатишъ—держу—держишишъ, искатишъ—ищишъ—ищутъ*. Здѣсь удареніе переходитъ съ одного слога на другой. Есть, впрочемъ, и весьма много глаголовъ съ постояннымъ удареніемъ: *юворишъ—юворю—юворишишъ—юворимъ—юворятъ; тѣлѣишъ—тѣлѣишъ—тѣлѣишъ*. Удареніе въ 2 и 3 лицѣ един. ч. и во всѣхъ лицахъ мн. ч. всегда держится на одномъ слогѣ, слѣд. удареніе постоянное, но оно часто отличается отъ того, какое находимъ въ 1 лицѣ един. ч. При этомъ всегда повторяется одно явленіе: удареніе можетъ переходить только съ послѣдняго слога 1 лица на предпослѣдній въ прочихъ лицахъ: *рублю—рубѣишъ, держу—держишишъ, могу—можѣишъ* и проч. Обратной же перемѣны, т. е. такой, чтобы удареніе съ предпослѣдняго слога въ 1-мъ лицѣ переходило въ слѣдующихъ на послѣдній, никогда не бываетъ.

Примѣч. 1. Всѣ глаголы изъ породы *и* (любить, хранить, бѣдѣть и проч.) принадлежать 2 спряженію.

2. Буква *ь*, выражающая происхожденіе среднего залога изъ имени, видовая *а* и слоги *ну, ѡа, ѡа* постоянно сохраняются и въ лицахъ, какъ буквы и слоги отличительные. Всѣ такіе глаголы принадлежать 1 спряженію: *блѣтишъ—блѣтишъ, пламенишъ—пламенишъ, бросаѣишъ—бросаѣишъ, колынушъ—колынушъ* и проч. Большая часть другихъ глаголовъ изъ породы *ь* теряетъ свою гласную и принадлежитъ 2 спряж. *терпѣишъ—терпѣишъ, смотрѣишъ—смотрѣишъ*; но тутъ еще трудно вывести общія правила. Къ этому же спряженію относятся глаголы, выражающіе звукъ, въ которыхъ буква *а* заступила мѣсто *я* послѣ *ж, ч, ш, щ*: *кричаѣишъ—кричаѣишъ, трещаѣишъ—трещаѣишъ, стучаѣишъ—стучаѣишъ, пищаѣишъ—пищаѣишъ*.

3. Глаголы, кончающіеся въ корнѣ на *и*, въ личной формѣ сокращаютъ *и* въ *ь*: *бѣишъ—бѣишъ, мѣишъ—мѣишъ, шѣишъ—шѣишъ*. Всѣ они перваго спряж. Въ старославянск. яз. *и* оставалось безъ всякаго измѣненія; у насъ только два глагола удержали ее по причинѣ стеченія согласныхъ: *шѣишъ—шѣишъ, почѣишъ—почѣишъ*. Глаголь *жити* принимаетъ придыхательную *в*: *живу*; глаголь *бѣишъ* измѣняетъ *и* на *ь*: *бѣишъ*.

4. Глаголы, кончающіеся въ корнѣ на *и*, измѣняютъ *и* въ *о* и относятся къ 1 спряж.: *вить*—*вою*, *рыть*—*рою*, *крыть*—*крою*, *мыть*—*мою*. Глаголы *слыть* и *плыть* принимаютъ придыхательную *в*, силясь удержать коренной гласный звукъ: *слыву*, *плыву*.

5. Глаголы, имѣющіе передъ окончаніемъ слогъ *ов*, *ев*, измѣняютъ его на гласную *у*, *ю*, при чемъ соединительная *и* исчезаетъ: *ковать*—*кую*, *сновать*—*снюю*, *воватъ*—*воюю*, *горевать*—*горюю*, *пировать*—*пирую*. Здѣсь замѣчается различіе въ удареніи: въ глаголахъ, имѣющихъ слогъ *ов* коренной, удареніе постоянно падаетъ на окончаніе: *кую*, *сую*; въ производныхъ же глаголахъ оно падаетъ на другіе слоги.

Слѣдующіе глаголы не сокращаютъ слога *ов*, *ев*: *уповать*—*уповаю*, *здороваться*—*здороваяся*, *затмевать*—*затмеваяю*, *напѣриваться*—*напѣриваяся*, *сомнѣваться*—*сомнѣваяся*, *обуревать*—*обуреваяю*, *растлѣвать*—*растлѣваяю*. Въ глаголѣ *здороваться* слогъ *ов* принадлежитъ имени прилагательному и потому не имѣетъ права сокращаться. Прочіе глаголы перешли въ неопред. видъ изъ породы *и* однокр. вида по способу старослав. языка, употребляя слогъ *ев*, какъ придыхательный передъ видовой *а*, потому слѣдуютъ всѣмъ глаголамъ, удерживающимъ свою видовую примѣту.

6. Согласные, скрытые въ неопредѣл. наклон., всегда обнаруживаются въ личной формѣ: *печь*—*пеку*—*пекутъ*, *стричь*—*стрижу*—*стригутъ*, *цѣсти*—*цѣтцую*, *ѣсть*—*ѣдятъ*.

7. Въ слѣдующихъ глаголахъ замѣчается отклоненіе: *лечь*—*лягу*, *спсть*—*сядугу*, *лхать*—*лхдугу*, *бѣжать*—*бѣжугу*, *пѣть*—*пою*. Коренные глаголы *стать* и *дѣть* передъ личными приращеніями становятся въ производную породу *ну*: *стану*, *дѣну*. Въ глаголѣ *дать*—*дадутъ* замѣчается удвоеніе коренной согласной, точно такъ, какъ и въ другихъ языкахъ, напр. въ греч. *δω*—*δίδωμι*, въ лат. *do*—*dedi*, въ санскр. *da*—*дадами*. Къ глаголу *дать* примыкаетъ и гл. *создать*—*создадутъ*.

8. Звуки *т* и *к* передъ *ю* измѣняются въ *ч*, при чемъ и самое *ю* переходитъ въ *у*: *хохотать*—*хохочутъ*, *искать*—*ищу*, *скакивать*—*скачутъ*. Въ нѣкоторыхъ же глаголахъ вмѣсто *ч* является старославянское *ш*: *клевещать*—*клевещутъ*, *роптать*—*ропцуютъ*, и *ропцуютъ*. Въ глаголѣ *слать* *с* смягчается въ *ш*: *шлютъ*, *мыслить*—*мыслию*.

Въ 1 спряженіи *е* связываетъ личныя окончанія съ корнемъ, при чемъ происходятъ обыкновенныя измѣненія *и* въ *ж*, *к* въ *ч*: *читаю*—*читаешь*, *пеку*—*печешь*, *стрижу*—*стрижешь* и пр. Во 2 спряж. мѣсто *е* замѣняетъ *и*, не производя никакихъ смягченій: *люблю*—*любишь*, *кричу*—*кричишь*, *лечу*—*летишь*, *умерщвлю*—*умерщвишь*.

Примѣч. Глаголовъ, отступившихъ въ спряженіи отъ общихъ законовъ, у насъ весьма немного:

1) брить—бръютъ, 2) бѣжать—бѣгутъ—бѣжишь—бѣжите, 3) идти—иду—идеа, 4) клясть—клену—кляа, 5) лечь—лжугъ, 6) пить—пою, 7) състь—сжду, 8) хотѣть—хотятъ—хочу—хочешь—хочетъ—хотимъ—хотите, 9) ѣхать—ѣду, 10) молотъ—млю. Отнесемъ сюда же и глаголы первообразные: дать—дамъ—дадутъ, ѣсть—ѣмъ—ѣдятъ, создать—создамъ—создадутъ.

Кромѣ тѣхъ личныхъ формъ глагола, о которыхъ мы уже говорили, въ русскомъ языкѣ есть еще одна форма, въ которой могутъ выражаться всѣ лица, почему и слѣдуетъ ее назвать *неопредѣленною* или *общею личною формою*; въ грамматикахъ ее называютъ *повелительнымъ наклоненіемъ*; отличительный ея звукъ есть *и*, соединенный съ корнемъ глагола; но по стремленію русскаго языка сокращать конечную гласную *и*, она и здѣсь, не будучи подъ удареніемъ, переходитъ въ *ь* послѣ согласной, если только позволяетъ выговоръ, и въ *й* послѣ гласной: *колотъ*—*коли*, *жалтъ*—*жалти*, *броситъ*—*брось*, *сознугъ*—*созни*. Въ послѣднемъ примѣрѣ *и* безъ ударенія не измѣнилось на *ь*, потому что *ь* послѣ двухъ согласныхъ сдѣлало бы труднымъ выговоръ. Изъ этой формы составляются новыя съ другими флексіями: *пойдите*, *пойдемте*.

Неправильно составились у насъ *лмъ* отъ *лечь* и *пмъ* отъ *псть*. Эту послѣднюю нельзя здѣсь принимать за опредѣленную личную форму 2 лиц. ед. числ.: *ты пмъ*. Сходство ихъ случайное. Здѣсь *и* перешло изъ *ж*; слѣдовало бы писать *пжъ*, гдѣ *ж* есть не что иное, какъ смягченное коренное *д* (*идать*); въ ц. слав. яз. *лждъ*.

ГЛАВА VII.

Словосочетаніе.

Связь языка съ духовною дѣятельностью § 46. Развитие языка сливается съ духовнымъ развитіемъ народа: они взаимно другъ другу помогаютъ и одно безъ другого совер-

паться не можетъ. Духовное развитіе заключается въ постоянномъ выработываніи новыхъ понятій, въ отыскиваніи новыхъ разнообразныхъ отношеній между понятіями, слѣд. въ приобрѣтеніи новыхъ познаній и въ стремленіи примѣнить ихъ къ жизни. Но понятія, какъ обобщеніе представленій, не могутъ подобно этимъ послѣднимъ быть мыслимы образами. Для каждаго изъ нихъ долженъ быть особенный знакъ, гдѣ бы связывались въ одно всѣ общіе признаки, изъ которыхъ оно составилось. Этотъ знакъ есть названіе понятія, слово, и безъ него понятіе не можетъ опредѣлиться. Чѣмъ больше развивается понятій, тѣмъ больше является и словъ. Различныя отношенія, которыя между понятіями находятъ разсудокъ, выражаются въ сужденіяхъ, а они не иначе могутъ вполне опредѣлиться, какъ въ разнообразномъ сочетаніи словъ между собою, т. е. въ развитыхъ предложеніяхъ, что уже ведетъ языкъ къ синтаксическому развитію; оно еще усиливается необходимостью выражать и отношенія между сужденіями, что ведетъ къ развитію сложныхъ предложеній и періодовъ.

Языкъ состоитъ въ тѣсной зависимости не только отъ одного мышленія, т. е. логики, но вообще отъ всего психическаго развитія. Звуками слова я могу выражать и чувства, и волю, и всякое состояніе духа.

Внѣшнія впечатлѣнія есть первоначальный источникъ дѣятельности нашей мысли, чувства и воли. Развитіе языка и началось съ выраженія сознанныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, т. е. ощущеній, переходящихъ по извѣстнымъ психическимъ законамъ въ представленія, чувство и волю и развивающихся въ мысль.

Выраженіе чувства. § 47. Впечатлѣнія, еще не ясно сознанія и быстро подѣйствовавшія на нервы, выражаются невольными восклицаніями, какъ напр.: *ай, ой, ахъ, охъ, ухъ*, и друг., которыя въ грамматикахъ обыкновенно называются *междометіями*. Они еще не выражаютъ ни понятія, ни отношенія между понятіями, но представляютъ только звуки, выражающіе различныя быстрыя движенія души, какъ, напр.,

горя, радости, угрозы, досады, удивленія, презрѣнія и проч.; большая часть коренныхъ междометій сходна во всѣхъ языкахъ, потому что въ проявленіи чувствъ человѣческая природа дѣйствуетъ вездѣ одинаково. Сюда же относятся и звукоподражательныя частицы, выражающія ощущение отъ быстрого впечатлѣнія на слухъ, какъ, напр., *бухъ, бацъ, брякъ, пифъ* и др.

Восклицаніями выражаемъ мы и сознанную причину быстро возбужденнаго сильнаго чувства: *туда! огонь! воры!* Здѣсь ощущение перешло въ представленіе, но еще не выразилось въ сужденіи.

Неполное предложеііе. § 48. Преобладающее въ насъ чувство нерѣдко отвлекаетъ вниманіе отъ предмета или силы, производящей это чувство, но сознанное умомъ выражается уже какъ сужденіе, хотя въ предложеііи не полномъ, какъ, напр., *страшно, досадно, обидно, весело, шумно, уютно, забавно, смѣшно, пріятно* и пр.

Такимъ же неполнымъ предложеііемъ въ русскомъ языкѣ выражаются и ощущенія физическія, при чемъ употребляются формы болѣе глагольныя, чѣмъ прилагательныя: *смеркается, вечерѣетъ, разсвѣтало, снѣжило, затрещало въ ушахъ, закружи, лосъ въ голову, заложило уши, бультѣтъ на дворъ, уже вамъ будетъ* и др.; въ формахъ прилагат., *холодно, тепло, сыро*. Въ подобныхъ формахъ могутъ являться и предложеіія довольно развитыя:

Гдѣ до прибыли коснется,

Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается.

У лавки иногда доходитъ до давки (Крыл.).

Въ древніи времена, когда вѣрили, что стихіями владѣютъ какія-то невидимыя силы. дѣйствующія противъ человѣка, могли составиться такія выраженія: *убило громомъ, занесло непогодю, разбило бурю, сломило вѣтромъ*. Здѣсь громъ, непогода, буря, вѣтеръ представляются только какъ орудія дѣйствія, и все предложеііе выражаетъ ощущение отъ дѣйствующей силы, не называя ея.

Мы пользуемся такими предложеііями, когда хотимъ ука-

затъ на орудіе, въ которомъ скрывается и дѣйствующая сила: *солнцею освѣтило садъ. Мышенка запахомъ тирушки привлекло*, (Крыл.). *Бѣдой отечеству грозило* (Пушк.). *Тр скосило градомъ, то сныло пожаромъ* (Кольц.).

Полныя предложенія. § 49. Подобныя предложенія легко могутъ переходить въ полныя, т. е. въ такія, гдѣ дѣйствующая сила или главный предметъ со своимъ признакомъ ясно обозначаются: *громъ убилъ его, солнце освѣтило садъ, бѣда грозила отечеству*.

Обыкновенная логическая форма полного предложенія во всѣхъ языкахъ должна выражать полное сужденіе, т. е. отношеніе между понятіями или предметъ съ тѣмъ признакомъ, который въ данный моментъ произвелъ особенное впечатлѣніе. Предметъ сужденія и признакъ должны выразиться въ *подлежащемъ* и *сказуемомъ*: *Иванъ уменъ, братъ ѣдетъ къ намъ*. Здѣсь высказывается отношеніе, какъ оно сознается говорящимъ, между Иваномъ и умомъ, братомъ и извѣстнымъ мѣстомъ. Предметомъ сужденія могутъ быть всѣ ощущенія, слѣд. и подлежащія могутъ выражаться въ разнообразныхъ формахъ, точно такъ, какъ и сказуемыя, выражающія другое понятіе, къ которому имѣетъ какое-либо отношеніе предметъ сужденія. Всѣ обобщенія или отвлеченія могутъ составить ту или другую часть сужденія:

Горе поразило меня.

Прекрасное привлекательно.

Чтеніе полезно.

Читать полезно.

Красть—грѣхъ.

Красть—стыдно.

Обманывать не слѣдовало.

Быть счастливымъ хочется всѣмъ.

То было веселье.

Была плутовка такова.

Прочь зависть.

Онъ ни гугу.

Ура прогремѣло отвсюду.

Подлежащее можетъ быть также сложное, т. е. выражаться въ нѣсколькихъ словахъ:

Быть безъ грѣха—невозможно.

Онъ и она—согласная чета.

Барани, овцы и козы были наше стадо.

Два да два—четыре.

Сотни улановъ да полсотни казаковъ будутъ его кавалеріа.

Даже цѣлое предложеніе можетъ переходить въ подлежащее: „*Господи помилуй*“ слышалось въ толпѣ. *Будьте здоровы* было обыкновенное его привѣтствіе.

Сказуемое также можетъ выражаться въ нѣсколькихъ словахъ:

Всѣ они *были съ прекраснымъ поведеніемъ*.

Безъ кошекъ сталъ купчина мой.

Въ дѣлѣхъ когда *было безъ спору*.

Топоръ *пошелъ въ худыя*.

Куда какъ *чуденъ созданъ свѣтъ*.

Тѣ *вышли вонъ*, не только *правы*, чуть не *святы*.

Въ предложеніи должно выражаться и время или тотъ моментъ, въ который проявлялось извѣстное отношеніе между понятіями. Выраженіе этого момента принадлежитъ сказуемому; если признакъ предмета заключается въ извѣстномъ дѣйствіи, то въ этомъ случаѣ глаголъ въ личной формѣ можетъ выражать и признакъ и моментъ; въ противномъ же случаѣ сказуемое является сложнымъ: для выраженія момента, въ него входитъ кака-либо личная форма глагола *быть*, *бываютъ*, *стать*, съ которой соединяется другое слово для выраженія признака. Формы соединенія здѣсь весьма разнообразны: всѣ имена съ предлогомъ соединяются съ той или другой личной формой вспомогательнаго глагола и дѣлаются сказуемыми. При этомъ нужно замѣтить, что въ современномъ русскомъ языкѣ для выраженія настоящаго момента личныя формы отъ глаг. *быть* не употребляются. Вотъ примѣры соединенія изъ басенъ Крылова:

Червонецъ *былъ замечанъ и въ пыли*.

И въ ленинѣ, и въ чести и молодъ былъ бы онъ.

Ларецъ *съ секретомъ, онъ и безъ замка*.

Слоны въ диковинку у насъ.

Это къ худу.

Капitanы не про насъ.

Та замужемъ давно.

Ихъ затѣи не у мѣста.

Всѣ ворота назаторъ.

Бѣда надъ оловой.

Латинскіе попы съ нимъ заодно (Пушк.).

Глаголь *есть* употребляется только при *логическихъ опредѣленіяхъ* понятій, но уже не въ смыслѣ настоящаго момента, а вообще всего безграничнаго времени:

Рыба *есть* животное водное.

Земля *есть* планета, планета *есть* тѣло.

Въ этомъ случаѣ логическій смыслъ не допускаетъ отдѣльнаго употребленія *былъ* или *будетъ*, но вмѣстѣ съ *есть* они могутъ быть употреблены:

Рыба *была, есть и будетъ* животное.

Земля *была и есть* планета.

Есть не въ смыслѣ вспомогательнаго глагола, а какъ выраженіе *бытія, существованія*, употребляется какъ простое сказуемое неизмѣнно для обоихъ чиселъ:

При богатствѣ *есть* также непріятства (Крыл.).

Есть упоеніе въ бою и бездны мрачной на краю (Пушк.).

Сокращенныя формы предложеній. § 50. Для выраженія впечатлѣнія, сказуемое можетъ не произноситься въ рѣчи:

Бѣда со всѣхъ сторонъ.

Съ просьбой всѣ къ нему.

Онъ опять за ту же работу.

Навстрѣчу вдругъ дождь и громъ.

Самъ себя ножомъ по горлу.

Кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Куда мы съ вами.

Онъ локоть на окно.

Здѣсь главная сила въ выраженіи ощущенія. *Скрытое* же сказуемое, которое не трудно возстановить по общему смы-

слу рѣчи, выражаетъ движеніе, представить которое представляется воображенію.

Точно также можетъ не произноситься подлежащее. если оно слишкомъ общее или неопредѣленное, какъ, напр., *никто*, *ничто*. *люди*, *всѣ*, или если нужно выразить дѣйствіе, какъ ощущеніе говорящаго, не опредѣляя дѣйствующихъ лицъ:

Въ Москвѣ *прибавятъ* вѣчно второе.

Только здѣсь и *дорожатъ* дворянствомъ.

Не въ войнѣ, а въ мирѣ *брали* лбомъ.

Стучали объ полъ не жалѣя.

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ *заговорятъ*.

Ей давно о васъ *говорено* (Гриб.).

Ужъ *послано* въ догоню (Пушк.).

Въ грамматикахъ такія предложенія называются *безличными*.

Для быстроты впечатлѣнія глаголы здѣсь могутъ обращаться въ глагольныя имена, выражая уже одно ощущеніе:

Въ домѣ *стукъ*, *ходьба* (стучать, ходятъ), *летитъ* и *убираютъ*.

Вчера просилась спать—*отказъ* (отказали) (Гриб.).

Формы сказуемаго. § 51. Сказуемое часто выражается въ формѣ прилагательной или причастной, которыя въ русскомъ языкѣ употребляются только съ родовыми окончаніями; передавая простое ощущеніе (безъ подлежащаго), сказуемое въ этомъ случаѣ является съ окончаніемъ среднего рода ед. ч., которое собственно показываетъ отсутствіе естественнаго рода (муж. и женск.):

И *скучно* и *грустно*.

И *юлодно* и *холодно*.

Смеркалось, *вечерело*, *разсвѣтало*, на дворѣ *потемнѣло*.

Досталось всѣмъ. *Блосъ* и *спалось*.

Сказано и *отпѣано*.

Въ той же формѣ является сказуемое при подлежащемъ, не имѣющемъ родового окончанія:

Учиться *необходимо*.

Встрѣтиться съ нимъ *было пріятно*.

Б здѣсь *написано*.

Ни гугу *раздалось* среди насъ.

Слава тебѣ Господи *пронеслось* въ толпѣ.

При подлежащемъ съ родовымъ окончаніемъ въ именит. пад. сказуемое въ формѣ прилаг. и причаст. согласуется съ нимъ въ родѣ и числѣ, въ личной глагольной формѣ—въ числѣ и лицѣ (исключ. *есть*, см. выше).

Я *буду доволенъ судьбою*.

Мы *ищемъ* счастья.

Красота *воспитательна*.

Наше бытіе *не вѣчно*.

Иногда грамматическая форма подлежащаго не согласуется съ содержаніемъ, которое въ немъ выражается, напр. слово въ единств. числѣ выражаетъ много предметовъ (собирательное) или слово въ среднемъ родѣ представляетъ лицо мужеск. рода. Въ такомъ случаѣ сказуемое можетъ согласоваться съ подлежащимъ по смыслу, *логически*, а не грамматически:

Большая *часть* были волки (Крыл.).

Отроча *пурпурородно* въ царствѣ сѣверномъ *рожденъ* (Держав.)

Одно *значительное* лицо недавно *сдѣлался* значительнымъ лицомъ (Гоголь).

Его *Величество* былъ здѣсь.

Поселился у насъ *объѣдало* и *опивало*.

При подлежащемъ *нѣсколько* сказуемое можетъ согласоваться съ нимъ и грамматически и логически, т. е. стоять въ единств. и множ. числѣ:

Нѣсколько дамскихъ головокъ *обратилось* къ нему и *стали* называть его (Пушк.).

Во множественномъ числѣ можно поставить сказуемое при подобномъ сложномъ подлежащемъ:

Съ *Пиладомъ мой Орестъ* *грызутся* (Крыл.).

Хозяинъ съ женой *низко кланялись* (Кольц.).

Иное согласованіе будетъ, когда слово съ *Пиладомъ*, съ *женой* будетъ дополненіемъ къ сказуемому:

Орестъ *грызется* съ Пиладомъ.

Хозяинъ *кланялся* съ *женой*.

Прилагательныя и причастія, употребляемыя съ двойнымъ оконч. (долгимъ и короткимъ), въ *сказуемомъ* являются съ

окончаніемъ *короткимъ*, когда нужно указать на признакъ *временной*, принадлежащій только извѣстному моменту, и съ оконч. *долгимъ*, когда имѣется въ виду указать на признакъ *отличительный* или *постоянный*:

Онъ былъ *сердитъ*, когда приходилъ къ намъ (въ тѣ моменты).

Онъ былъ *сердитый* (черта его характера).

Желѣзо было *горячо* (когда его видѣли).

Желѣзо у насъ было *горячее* (постоянный, отличительный признакъ).

Тогда мы были *молоды*.

Мы были *молодые*.

Горѣвшій домъ былъ *черенъ* (тогда, когда горѣлъ).

Горѣвшій домъ былъ *черный* (и прежде того).

Она *обманута* (въ данный моментъ).

Она *обманутая* (за нею навсегда остался этотъ признакъ).

Есть признаки, которые по отношенію къ данному предмету не могутъ быть временными, какъ, напр., всемогущество по отношенію къ Богу, но тѣмъ не менѣе можно употреблять оба выраженія: *Богъ всемогущъ* и *Богъ всемогущій*. Первое означаетъ проявленіе всемогущества въ каждый моментъ, слѣд. въ дѣлахъ; во второмъ всемогущество приписывается какъ постоянное свойство въ числѣ другихъ.

Сказуемое въ формѣ оуществительнаго является въ именительн. падежѣ, для выраженія признака, преобладающаго въ предметѣ или *постоянно*:

Онъ *купецъ*, онъ былъ *купецъ*, онъ будетъ *купецъ*.

Ты *дитя*, ты будешь *дитя*.

Ты будешь *царь* земли родной.

Чему *свидѣтель* въ жизни будешь (Пушк.).

Если же нужно выразить признакъ *временной*, принадлежащій извѣстному періоду времени, то сказуемое является въ творительн. пад.:

Онъ былъ мнѣ *отцомъ*. Онъ будетъ *отцомъ*.

Я вамъ *свидѣтелемъ*.

Я *юцомъ* у барина большого (Крыл.).

Этотъ человѣкъ всегда *причиной* мнѣ ужаснаго разстройства (Гриб.).

Буду *царемъ* на Москвѣ (Пушк.).

Впрочемъ, въ отношеніи моментовъ прошедшаго и будущаго сказуемое и въ формѣ прилагательной можетъ также явиться въ творительномъ пад. для выраженія признака, отличающаго только извѣстный періодъ времени:

Ты былъ *добрымъ*, ты будешь *добрымъ*.

Онъ былъ *старымъ*, онъ будетъ *старымъ*.

Я былъ *достойнымъ*, я буду *достойнымъ*

Но для выраженія настоящаго момента можетъ явиться только именит. пад., такъ какъ здѣсь не можетъ выразиться пѣлый періодъ времени. Сказуемое въ формѣ существительнаго, опредѣленнаго прилагательнымъ, можетъ явиться и въ род. пад. для указанія сферы, которою обладаетъ или къ которой принадлежитъ предметъ сужденія:

Женихи *были средней руки*.

Этотъ царь *совсѣмъ много права*.

Они будутъ *такой цѣны и красоты*.

Весь совѣтъ *тѣхъ мыслей былъ* (Крыл.).

Онъ—*могучей силы*.

Въ сказуемомъ сложномъ—изъ глагола и существительнаго или прилагательнаго, послѣднія также являются въ именит. пад. для выраженія признака *постояннаго* (прилагат. съ долгимъ окончан.). или по отношенію къ *данному моменту* (прилагат. съ короткимъ оконч.), и въ творительномъ для выраженія признака *временнаго* по отношенію къ извѣстному періоду времени:

Она *сдѣлалась больная*. Она *сдѣлалась больна*. Она *сдѣлалась больною*.

Слонъ льву еще казался *неумень и неучень*.

Какъ самъ *остался живъ* (Крыл.).

Онъ *остался живой*. Онъ *остался живымъ*.

Вышли вонъ не только *правы*, чуть не *святые*.

Цѣлъ котель съ дороги *воротился* (Крыл.).

Златой вѣнецъ *тяжелъ* имъ *становился*.

Его кресла *стоятъ пустыя* (всегда) (Пушк.).

Пускай изъ насъ одинъ *найдется врагъ* исканій.

Міръ цѣлый казался *прагъ и суета* (Гриб.).

Онъ *дѣлается знатная особа*.

Съ измѣненіемъ падежей въ сказуемомъ придаемъ имъ и другіе отгѣнки въ значеніи.

Формы подлежащаго въ связи съ сказуемыми. § 52.

Предложенія, въ которыхъ должна выразиться *количественность*, строятся въ русскомъ языкѣ совѣмъ особымъ образомъ: подлежащее является въ формѣ родительн. пад., а сказуемое или въ глагольной формѣ—въ 3 лицѣ ед. ч., или же въ формѣ прилагат. и причастной—въ сред. родѣ ед. ч.

Натыкано насѣстокъ.

Въ дому было *сластей и винъ*.

Убавилось толпы.

Трудовъ поуменьшилось.

За мною только лишь и *дѣла*.

Только и *рпчей* пошло что про орла (Крыл.).

Отъ этихъ приставовъ только и *толку*.

У меня *достанетъ силъ*.

Съ меня довольно *сею сознанья* (Пушк.).

Ѣзды до царства было три мѣсяца.

Будетъ товаровъ на десять подводъ (Народ. сказ.).

При этомъ нерѣдко употребляется опредѣлит. мѣстоим. *весь* въ родит. пад.; въ родѣ же и числѣ оно или *согласуется съ именемъ*, которому требуется количественное опредѣленіе: *всей ѣзды* было три мѣсяца, *всѣхъ товаровъ* на десять подводъ, или является *независимо*, обозначая *сумму*: *всего* ѣзды было три мѣсяца, *всего товаровъ* на десять подводъ, отъ этихъ приставовъ *всего* только и толку, *собакъ всего* сбѣжалось съ полюсоти.

Количества *раздѣлительная* или *приблизительная*, выражаясь предлогами *по, близъ, около, отъ—до*, также могутъ являться въ смыслѣ подлежащаго и соединяются со сказуемымъ по общему правилу:

Приходило по три работника.

Каждую ночь *пропадетъ по яблочку* (Народ. сказ.).

Было близъ семи часовъ.

Прибыло около сотни.

Засохло отъ пятидесяти до шестидесяти деревъ.

Не является отъ пяти до десяти человѣкъ.

Мѣстоим. всего можетъ являться и здѣсь: всего по яблочку, всего около сотни.

Сложное подлежащее съ мѣстоим. что въ смыслѣ сколько, какая часть представляетъ имя также въ родит. пад.:

Что въ ней прибыли.

Что дурного было въ немъ.

Что бывало разговору.

Если въ сложномъ подлежащемъ числительное количественное соединяется съ именемъ извѣстнымъ, опредѣленнымъ, тогда сказуемое ставится во множественномъ числѣ; если же рѣчь идетъ о предметахъ неизвѣстныхъ, какихъ-нибудь или выдѣленныхъ какъ часть изъ цѣлаго, то сказуемое является въ среднемъ родѣ ед. ч.:

Четъре мои сестры вышли замужъ.

Десять деревъ украдено (неопредѣленныхъ).

Пятью хлѣбами и тремя рыбами насыщено пять тысячъ человѣкъ (неопредѣл.).

Три добрые парня пошли въ солдаты (извѣстные).

Три парня пошло въ солдаты (какихъ-то).

Отрядъ составляли двести пятьдесятъ одинъ солдатъ (опредѣл.).

Наберется двадцотъ девъ бабы (какихъ-то).

Они двое пришли (извѣстн.).

Ихъ двое пришло (неизв.).

Предложенія отрицательныя. § 53. Въ отрицательныхъ предложеніяхъ подлежащее, указывая на предметъ *опредѣленный, извѣстный*, является въ именит. пад. и сказуемое съ нимъ согласуется; а указывая на предметъ *неопредѣленный*, оно выражается въ формѣ родит. пад. и тогда глагольн. сказуемое по общему правилу принимаетъ окончаніе 3 лиц. ед. ч., причастное же—оконч. сред. род. ед. ч.

Не проходилъ день (извѣстный). Не проходило дня (ни одного).

Не нашлись карты (известия): Не нашлось картъ (вы-
вѣдокъ).

Не бывали жданыя гости (которыхъ ожидали).

Не бывало жданныхъ гостей (никакихъ не ждали).

Не будетъ нашъ другъ. Не будетъ друга.

Не будетъ у насъ Иванъ Ивановичъ (извѣстное лицо).

Не будетъ у насъ Ивана Ивановича (не будетъ другого
такого же, похожаго на него).

Не приготовлено все платье (какое есть).

Не приготовлено всего платья (приготовлена только часть
его).

Нѣтъ много челоѣкъ (есть немного).

Нѣтъ многихъ челоѣкъ (изъ счетѣ недостаетъ много).

При *нѣтъ* обыкновенно является форма родит. пад.; при
отрицат. прошедшемъ и будущ. врем. (былъ и будетъ) для
выраженія совершеннаго небытія подлежащія мѣстоим. личн.
является въ родит. пад.:

Меня не было на сѣдѣ.

Его не было въ живыхъ.

Васъ не будетъ на службѣ.

Насъ не будетъ среди насъ.

Въ отрицательныхъ предложеніяхъ частица *не* является
порядъ словомъ, выражающимъ отрицаемое понятіе:

Не на радость прочитали вы книгу.

На радость *не* прочитали вы книгу.

На радость прочитали *не* вы книгу.

На радость прочитали вы *не* книгу.

Отрицаніе, повторенное при однородныхъ словахъ, соеди-
няемыхъ союзомъ *и*, выражается частицею *ни*:

Ни чаетъ, *ни* шаетъ (не чаетъ и не шаетъ).

Ни слава, *ни* счастье привлекали его (не слава и не
счастье)

Насколько отрицательнаго связуемого при другихъ однород-
ныхъ словахъ повторяется отрицаніе въ формѣ *ни*:

Я не встрѣчаю *ни* братья, *ни* сестры (братья и сестры *ни*
къ кому, *ни* въ саду, *ни* вчера, *ни* сегодня).

Отрицательнаго связуемаго на вопросы *кто, что, какой, како-*

рый, идъ, куда, когда, сколько требуютъ двойнаго отрицанія: не при сказуемомъ и *ни* при мѣстоименіи и нарѣчіи:

Кто считалъ? никто, не считалъ.

Гдѣ и когда было? нигдѣ, никогда не было.

Что васъ заботитъ? ничто насъ не заботитъ.

Какого счастья вы ищете? никакого счастья не ищемъ.

Который пріѣхалъ? никоторый не пріѣхалъ.

Сколько ихъ было? нисколько не было.

Въ выраженіяхъ не видно ни крошки, не утаилъ ни соринки и подобн. *ни* могло остаться отъ пропуска словъ одной или *какого*: не видно ни одной крошки, не утаилъ никакой соринки.

Есть предложенія, которыя могутъ только по формѣ называться отрицательными, а не по содержанію, такъ какъ въ нихъ выражается не отрицаніе понятія, а напротивъ усиленное качество или дѣйствіе:

Онъ выбралъ что *ни лучшую* птицу (превосх. степень—что не есть лучшую).

Какъ смерть моя *ни зла* (какой нѣтъ злѣе—превосход. степень).

Отколь *ни взялся* ястребъ злой (откуда нельзя ожидать—мгновенно, быстро).

Какъ *ни старайся* (старайся какъ нельзя болѣе).

Что вы *ни начнете* (все, что начнете).

„*Ни*“ употребляется также для выраженія неопредѣленнаго предположенія: *какой бы ни было, что бы ни было, кто бы ни былъ, какъ бы ни случилось, что бы ни говорили, идъ бы ни искали, куда бы ни пошли, когда бы ни встрѣтили.*

Неопредѣленное наклон. съ дательнымъ падежомъ.

§ 54. Желая выразить нѣчто неизбѣжное, необходимое, или желанное, предполагаемое, возможное въ нашемъ сознаніи, но еще не проявившееся въ дѣйствительности, мы строимъ предложенія совсѣмъ особеннымъ образомъ: неопредѣленное наклоніе здѣсь соединяется съ лицомъ въ дательномъ пад. и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ предложеніе, при чемъ по смыслу предполагается будущее время:

Врядъ *царю Борису* *сдержатъ* вѣнецъ на умной головѣ. (Пушк.).

Намъ не за кѣмъ смотрѣть.

Мнѣ ли молодцу жить за печкою (Кольц.).

Не расти травѣ послѣ осени, не цвѣсти цвѣтамъ зимой по снѣгу (Кольц.).

Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать (Гриб.).

Ужъ мнѣ въ васѣ, палатушки, не бывать.

Отъ своего царя ласкова слова не слыхати (Нар. п.).

Тебѣ, Ермаку, быть повѣшену.

А намъ, козакамъ, переловленнымъ (Нар. п.).

Быть грому великому, идти дождю стрѣлами (Слово о Полк. Игор.).

При этомъ нерѣдко не произносится мѣстоим. личное, какъ выраженіе лица, къ которому должно относиться предполагаемое дѣйствіе:

Сказать (*мнѣ*) вамъ сонъ.

Рѣчь завести (вамъ) о генеральшѣ.

Посравнить, да посмотрѣть (*намъ*) вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій (Гриб.).

Лишь сани подъ него подвезть (*мнѣ*) (Крыл.).

Хотя въ такихъ выраженіяхъ обыкновенно предполагается будущее время, но для большей силы иногда въ нихъ является и глаголъ *будетъ*:

Что мнѣ *будетъ* дѣлать.

Какъ и гдѣ-то, братцы, *намъ* зимовать *будетъ*:

Ужъ *тебѣ* ли горемъ поля не *насыати*,

Горючими слезами моря не *наполнити*.

Ужъ царя *тебѣ* не *поднять будетъ* (Нар. п.).

Когда же предполагаемое дѣйствіе представляется сознанию въ прошедшемъ, то является глаголъ *было*:

Что намъ *было* дѣлать?

Намъ *было* погибнуть.

Здѣсь неопредѣленное наклоненіе является какъ подлежащее. Подобное же происходитъ, если мы захотимъ выразить особенно и самую возможность или необходимость, какъ признакъ дѣйствія, слѣд. въ смыслѣ сказуемаго:

Сто разъ вамъ (*должно*) повторять.

Что ему (*нужно*) дѣлать.

Гдѣ кому (*можно*) ѣхать.

Куда (*сѣдуетъ*) выйти.

Такъ какъ одно изъ назначеній дательнаго падежа выражать лицо, отъ котораго должно идти направленіе дѣйствія, то потому и въ предложеніяхъ возможности и необходимости лицо является въ дательномъ падежѣ.

Если же нужно выразить не предполагаемую возможность или необходимость дѣйствія, а лицо, которое должно было или будетъ совершать дѣйствіе, то это лицо и является *подлежащимъ*; тогда и *неопредѣл. наклон.* обращается въ *сказуемое*:

Сто разъ я буду вамъ повторять.

Сто разъ я долженъ былъ повторять.

Я ль буду жить за печью?

Трава не можетъ расти послѣ осени.

Вопросительныя предложенія. § 55. Предложеніе, въ которомъ выражается вопросъ, называется *вопросительнымъ*. Вопросъ дѣлается или особымъ тономъ голоса надъ тѣмъ словомъ, на которое ожидается отвѣтъ, или мѣстоименіемъ *вопросительнымъ*, или мѣстоименными нарѣчіями *куда, откуда, идъ, когда* и проч. или, наконецъ, союзами *ли, развѣ, неужели, или*. Вопросы прямые и косвенные мы любимъ выражать въ формѣ дательнаго съ *неопредѣл. накл.*:

Неужто для друзей не сдѣлатъ мнѣ ни шагу? (Гриб.).

Говорить ли вамъ это?

Какъ открыть его (*ему*), не догадался (Крыл.).

Думаетъ, что *ему* дѣлатъ, не знаетъ, куда *выдти*.

Приказалъ сдѣлать серебряныя цѣпи, на чемъ *повѣситъ* (*ему*) гробъ (Нар. сказ.).

Ли (ль) соединяется всегда съ тѣмъ словомъ, на которое требуется отвѣтъ и которое по большей части выставляется первымъ въ предложеніи. Этотъ союзъ выражаетъ желаніе удостовѣриться въ фактѣ: *пришелъ ли онъ? онъ ли пришелъ? Тогда ли онъ пришелъ?* Въ связи же съ отрицаніемъ *не онъ* выражаетъ вопросъ, соединенный съ *предположеніемъ*: *не пришелъ ли онъ? не онъ ли пришелъ?*

Развѣ выражаетъ вопросъ, соединенный съ сомнѣніемъ: *развѣ онъ не приходилъ? развѣ ему придти?*

Неужели — вопросъ, соединенный съ удивленіемъ: *неужели онъ придетъ? неужели онъ не приметъ?*

Или—вопросъ, соединенный съ ожиданіемъ противоположнаго ответа: *Или вы не знаете его? Или я не человѣкъ?*

Для выраженія вопроса или удивленія вмѣсто какой, какая у насъ нерѣдко употребляется при существ. что за: что за шейка, что за глазки? Что тамъ за дома? (Крыл.).

За можетъ отдѣляться нѣсколькими словами отъ что, которое по большей части занимаетъ первое мѣсто въ предложеніи: что это была за птица? Что мнѣ до этого за дѣло? Что здѣсь у васъ за край?

Но отъ существительнаго за отдѣляется только однимъ прилагательнымъ: что была у васъ здѣсь за прелестная птица?

Примѣч. При склоненіи имени за остается безъ измѣненія: что за прелестную птицу сидѣлъ я! Только въ предложномъ падежѣ имя не употребляется съ этою частицею. Хотя она должна называться предлогомъ, но почему она является здѣсь почти со всѣми падежами—это остается у насъ пока не разрѣшеннымъ грамматическимъ вопросомъ.

Предложенія желательныя, условныя, повелительныя. § 56. Для выраженія приказанія сказуемое является въ формѣ, называемой въ грамматикахъ *повелительнымъ* наклон. Непремѣнная воля какъ неизбѣжная необходимость находить себѣ выраженіе въ формѣ *дательнаго съ неопредѣл. наклон.*: *Сдѣлай* это, не *смѣй* ходить (вамъ). *Иди* и *принеси* (тебѣ).

Союзъ *пусть*, *пускай* выражаетъ приказаніе, предположеніе: *пусть онъ читаетъ, пусть читаетъ онъ. Пусть я посватаюсь* (Гриб.).

Такъ какъ эти повелительныя частицы составились изъ глагола *пустить, пускать*, то иногда въ зависимость отъ нихъ ставится подлежащее, выраженное мѣстоим. личн. 3 лица; оно является въ *винительн. пад.*:

Пусть его живетъ. (Пусти его жить).

Пусть *ее спитъ*. (Пусти *ее спать*).¹

Пускай *ихъ бранятся*. (Пускай *ихъ браниться*).

Хоть выражаетъ уступку или послѣднюю крайнюю мѣру: *хоть почитаю книгу, хоть книгу почитаю, хоть я почитаю. Хоть пожилъ въ волю*. Оба эти союза соединяются съ тѣмъ словомъ, къ которому относится желаніе, предположеніе и проч.

Частица *бы* (происшедшая отъ древней глагольной формы *быхъ, бысть, быхомъ* и проч.) соединяется или съ причастной формой на *ль*, или съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, которое иногда не произносится. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, она употребляется для выраженія желанія, предположенія.

Дружно бы взятыся намъ за дѣло. Домой бы идти намъ, а вамъ бы въ гости. Все бы вамъ ходить по гостямъ. Пришелъ бы онъ ко мнѣ.

Вотъ васъ *бы* съ тетушкою свестъ (Гриб.).

Вотъ *бы* нашему братцу жениться (Нар. ск.).

Во фразѣ *бы* можетъ занимать мѣсто по усмотрѣнію говорящаго, но если случится союзъ, то онъ обыкновенно притягиваетъ ее къ себѣ: *еслибы, чтобы, дабы, какъ бы, пусть бы, хоть бы*. *Еслибы, хоть бы* съ причастной формой выражаетъ желаніе: *Еслибъ пришелъ онъ ко мнѣ! хоть бы дали ему что-нибудь*; съ неопредѣленнымъ накл. предположеніе цѣли: *еслибъ придти ему ко мнѣ, хоть бы дать ему что-нибудь*.

Чтобъ выражаетъ желаніе или указаніе желанной цѣли: *чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ, чтобъ придти ему ко мнѣ, чтобъ вамъ было на здоровье! Сказать, чтобъ не забыть*. Вотъ васъ *бы* съ тетушкою свестъ, *чтобъ* всѣхъ знакомыхъ перечестъ (Гриб.).

Пусть бы—допущеніе возможности, предположеніе: *пусть бы пришелъ онъ ко мнѣ*.

Бы съ причастной формой при отрицаніи выражаетъ опасеніе: *не пришелъ бы онъ ко мнѣ. Не сдѣлали бы они чего-нибудь*.

Понужденіе къ дѣйствию или къ достиженію цѣли, равно усиленное дѣйствіе иногда выражается словами: *дай, давай, ну*, которыя вмѣстѣ съ неопредѣл. наклон. глагола составляютъ сказуемое для всѣхъ лицъ и чиселъ:

Пастухи *давай* его прочь *мать*.

Кто посмѣлѣй *дай* съѣсть къ нему бочкомъ,
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ (Крыл.).

И *давай* пахать землю плугомъ, да кривой сохой *перепаживать* (Кольц.).

Лягушка *ну* *топорщиться*, *выхлѣвать* и *надуваться*.

Моска *ну* на него *метаться*, и *лгать*, и *визжать*, и *рваться*.

Новые друзья *ну* *обниматься*, *ну* *цѣловаться* (Крыл.).

Глаголъ при слов. *дай*, *давай* можетъ быть и въ 1 лиц. наст. и будущ. времени:

Дай попытаюсь, *дай* попытаемся.

Давай буду ѣсть, *давай* будемъ ѣсть.

Частица *ну* иногда не высказывается и тогда сказуемымъ остается одно неопредѣленное наклоненіе при именит. пад.

Лиса туда сюда *метаться*.

Онѣ *кувыркаются*, *кататся* и *кутатся* и *завиваются* (Крыл.).

Они своего сына *уоваривать* (Нар. ск.).

Подчиненіе словъ. § 57. Предметъ сужденія и признакъ, приписываемый ему въ данный моментъ, не всегда могутъ быть выражены ясно, точно и полно, каждый въ одномъ словѣ: они требуютъ разныхъ поясненій, которыя и являются въ другихъ словахъ, становясь въ *грамматическое подчиненіе* къ первымъ; подчиненіе состоитъ въ формѣ, которую слово принимаетъ въ данномъ случаѣ или которая вызывается вопросомъ, требующимъ того или другого поясненія. Эти разнообразные вопросы могутъ быть трехъ родовъ:

1) *Вопросы косвенныхъ надеждъ*, требующіе дополненія къ глаголу.

2) *Вопросы мѣстоименія* (и, который), требующіе опредѣленія имени.

3) *Вопросы нарѣчій* (куда, какъ), требующіе указанія особаго обстоятельства, времени или проявленія признака.

Такъ какъ съ родительнымъ соединяется понятіе объ искомомъ отдѣленіи и о томъ, откуда происходитъ, то и нарѣчій *куда* вездѣ, гдѣ и т. д. и т. п. и т. д.

при глаголѣ является дополненіе въ родительномъ падежѣ: они убѣгаютъ *зла*, и лишился *наслѣдства*, они боятся *враговъ*, не вижу *ничею*.

Какъ для выраженія неопредѣленности родительный пад. является вмѣсто именит. въ подлежащемъ, такъ онъ является вмѣсто винительнаго въ дополненіи при глаголѣ:

Это придаетъ мнѣ *силы* (нѣсколько—неопред.). Съ винит.; *силу*—извѣстную, опредѣленную.

Онъ искалъ *жены* (женщину. чтобъ жениться на ней). Съ винит.: *жену*—извѣстную личность.

Точно такъ же: искалъ *работы* (какая бы пришлась) и искалъ *работу* (опредѣленную).

Родительнымъ же падежомъ выражается и неопредѣленное количество, или исключеніе части изъ цѣлаго:

Подали *воды*. Заняли *денегъ*. Добрыя вѣсти прибавятъ *чести*.

Набрался *какихъ-то новыхъ правилъ*.

Съ винит. пад.: подали *воду*, заняли *деньги*, количественное выраженіе пропадаетъ. и является опредѣленность предмета: *извѣстную воду, извѣстныя деньги*.

Если предлогъ сообщаетъ глаголу значеніе *количественное*, то дополненіе къ нему является не въ винительномъ, а въ родит. пад.:

Натолокъ кирпича, тогда какъ „толокъ *кирпичъ*“; *нарубить вздору* и рубить *вздоръ*; *накупить вещей*, а „купить *вещи*“.

Такъ какъ винительнымъ падежомъ вообще обозначаютъ *мѣру* или *предѣлы дѣйствія*, то отсюда въ отрицательныхъ предложеніяхъ является колебаніе между родительн. и винительн. пад. какъ у писателей, такъ и въ народномъ языкѣ: съ отрицаніемъ связывается родит. падеж.; но съ отрицаніемъ все же не уничтожается выраженіе *мѣры* и *предѣла*, выраженіе, съ которымъ связывается винительный пад.

Я не нашелъ *карты*, я не нашелъ *карту*.

Онъ не спалъ *всей ночи*, онъ не спалъ *всю ночь*.

Но чаще отрицаніе перевѣшиваетъ, и родит. пад. въ этомъ случаѣ употребительнѣе винительн.

Онъ не шелъ *двадцати верстъ*.

Хлѣбъ не вѣситъ *полуфунта*.

Не любить баловать народа своего.

Не съ кѣмъ молвить слова (Крыл.).

При числительномъ количественномъ имени также является родит. падежъ, при чемъ высказываются слѣдующія особенности:

а) При *два, три, четыре* имя предмета какъ подлежащее принимаетъ форму род. пад. ед. ч.: *два человѣка, две жены, три окна, четыре дома*, а какъ дополнение является во множественномъ числѣ въ томъ падежѣ, какого требуетъ глаголъ: *двухъ человѣкъ, двумя женами, въ двухъ окнахъ*.

Примѣч. Окончаніе муж. род. а (человѣка) могло бы навести на мысль, что оно есть остатокъ стараго двойственного числа, но это не оправдывается женскимъ и среднимъ родомъ, которые для двойственного числа имѣли оконч. ѣ, а не а и не ы.

б) При прочихъ числительныхъ количественныхъ въ именит. и винит. пад. имя является въ формѣ род. пад. мн. ч., а въ другихъ косвенныхъ пад. склоняется съ числит. какъ съ прилагательнымъ: *пять человѣкъ, пяти человѣкъ, пятью человѣками*.

в) *Сорокъ, девяносто, сто*, соединяясь съ именемъ, въ косвенныхъ падежахъ постоянно остаются въ формѣ род. пад.: Онъ отдалъ *сороки человѣкамъ*; восхваленъ *девяноста женами*; разошелся *во ста рублѣхъ*.

Имя предмета въ винительномъ падежѣ какъ дополнение является обыкновенно при глаголѣ дѣйствительномъ, указывая предѣлы дѣйствія или опредѣленную его сферу:

Тучи носятъ *воду*,
Вода поитъ *землю*,
Земля *млодь* приносить.

Вездѣ дѣйствіе ограничивается предѣлами извѣстнаго предмета: Я писалъ *письмо*, т. е. мое дѣйствіе ограничивалось письмомъ.

Прилагательныя сказуемыя *слышно, видно*, выражая ощущеніе, сохраняютъ значеніе дѣйствительнаго глагола и потому соединяются также съ винительнымъ падежомъ:

Слышно за вероту проказу (Крыл.).

Видно сокола по полету.

При сказуемомъ *надобно*, *надо* часто скрывается подлежащее *имѣть*, чѣмъ и объясняется при немъ винительный падежъ:

Расходы надобно (имѣть) большіе (Крыл.).

Надо (имѣть) *кровь* опять горячую.

Надо силу, силу прежнюю,

Надо волю безотмѣнную (Кольц.).

Если нужно выразить *цѣль*, къ которой направляется движеніе или дѣйствіе, то имя цѣли является въ дательномъ падежѣ:

Дайте *мнѣ* кусокъ хлѣба.

Господь вразумилъ меня *книжному искусству* (цѣль вразумленія—книжн. искусство).

Долгъ завѣщанъ *мнѣ*, грѣшному (Пушк.).

Предметъ, какъ бы притягивающій къ себѣ другой предметъ или дѣйствіе, чувство или ощущеніе отъ другого, принимаетъ значеніе цѣли, и имя его также является въ дательномъ падежѣ:

Онъ подчиняется *мнѣ*.

Послушны *волѣ* *своенравной* (Пушк.).

Это принадлежитъ *мнѣ*.

Книгамъ врагъ—врагъ *просвѣщенію*.

Они судьи *всему*.

День памятный *всему народу*.

Что *нищему грошъ*, то *богатому рубль*.
(ощущеніе отъ того и другого предм.).

Мнѣ досадно видѣть васъ.

Вамъ необходимо сдѣлать это (вы или ваша необходимость—цѣль дѣла).

Здѣсь не мѣсто *такимъ рѣчамъ*.

Дательный падежъ иногда можетъ замѣняться предлогомъ *для*, также выражающимъ *цѣль* или направленіе дѣйствія:

Сдѣлайте *для меня* (мнѣ).

Здѣсь не мѣсто *для такихъ рѣчей*.

День памятный *для всего народа*.

Что *для богатого*, то *для нищаго*.

Примѣч. Въ старинномъ языкѣ на вопросъ *съ какою цѣлью*, *для чего*, куда имя, какъ выраженіе цѣли, ставилось въ дательн. пад.:

„Приведе Владимиръ съ Мстиславомъ вся бояры Новгородскыа *Кыеву*“ (въ Кіевъ) (Новгородск. лѣтоп.).

Избывая гуси и лебеди *застраку, и обѣду, и ужину* (для завтрака.... Слово о Полк. Иг.). *Чему* (для чего), Господине, насильно вѣши (тамъ же).

Въ старинномъ же языкѣ употреблялся дательный *независимый* или самостоятельный, т. е. придаточное предложеніе, въ которомъ подлежащее и сказуемое ставились въ дательныхъ пад. подобно какъ въ латинск. *творительный*, а въ греческомъ *родительный* самостоятельный; въ лѣтописяхъ: „И придоша (Половцы) въ монастырь пѣчерскій, *намъ сущимъ* по кельямъ *почивающимъ*“.

Ломоносовъ полагалъ, что въ *высокихъ стихахъ* поэты могутъ употреблять такіе обороты, а впоследствии Жуковский дѣйствительно иногда прибѣгалъ къ нимъ:

Кругомъ *взрожденному морю*, видитъ (судно), какъ будто изъ адскія бездны далекое небо.

Если нужно выразить *силу, средства* или *орудіе*, которыя употреблены предметомъ для дѣйствія и которыми приведенъ предметъ въ извѣстное состояніе, тогда является *творительный падежъ*:

Онъ писалъ *однимъ перомъ*.

Дѣлалъ какъ будто *не своими руками*.

Хлѣбъ побить *градомъ*.

Онъ раззоренъ *пожаромъ*.

Бѣдой отечеству грозятъ.

Нами дерево такъ пышно и кудряво (Кр.).

Лицо, которымъ совершенно дѣйствіе, здѣсь идетъ наравнѣ съ орудіемъ:

Домъ купленъ *моимъ отцомъ*.

Астрономами вычисляется разстояніе отъ земли до солнца.

Когда нужно выразить орудіе, въ которомъ скрывается и дѣйствующая сила, то творит. пад. является *логическимъ* подлежащимъ въ предложеніи: какъ, напр., *скосило градомъ, сняло пожаромъ, грозило бѣдой*. (см.).

Особое значеніе падежей *творительн.* и *винительн.* сообщаетъ выраженію при однихъ и тѣхъ же глаголахъ и особые отгѣнки:

Вертитъ *хвостомъ* (хвостъ употребляетъ какъ орудіе дѣйствія, чтобы выразить извѣстныя чувства).

Вертитъ *хвостъ* (производитъ дѣйствіе надъ хвостомъ).

Пожертвовалъ *домомъ*, чтобы развести садъ (средство для цѣли).

Пожертвовалъ *домъ* для помѣщенія училища (отдалъ домъ подъ училище).

Въ первомъ случаѣ домъ смѣнился садомъ, во второмъ домъ остался для извѣстнаго назначенія.

Подобное же различіе представляется и въ выраженіяхъ:

Бросалъ *каменья* въ воду. Бросалъ *каменьями* въ людей.

Вертитъ *очками* (Кр.). Вертитъ *очки*.

Развелъ *руками* отъ удивленія. Развелъ *руки* во снѣ.

Качаетъ *головой*. Качаетъ *голову*.

Онъ руководилъ мною въ работѣ. Онъ руководилъ *меня*.

Нельзя также смѣшивать и *родители*н. пад. съ творительн. при однихъ и тѣхъ же глаголахъ:

Я гнушаюсь *зломъ* (какъ средствомъ для дѣйствія).

Я гнушаюсь *зла* (отвращаюсь отъ него,—согласно съ общимъ значеніемъ род. пад.).

Имена съ предлогами могутъ также служить дополненіями къ глаголу (см. употребленіе предлоговъ).

Какъ дополненіе можетъ быть и слово въ формѣ *неопредѣленнаго никлоненія* при сказуемомъ, выражающемъ стремленіе, желаніе:

Я *хочу писать*.

Я *желаю видѣть* его.

Я *люблю читать*.

Онъ *идетъ гулять*.

Мы *стремимся доставить* ему счастье.

Они *пытались покорить* его.

Онъ способенъ *разсердить насъ*.

Она готова *служить* намъ.

Ты воленъ *сдѣлать* это.

Выраженіе обстоятельствъ. § 58. Обстоятельства или условія, при которыхъ признаковъ проявился въ предметѣ или съ которыми сознанъ нами въ понятіи, находятъ себѣ выраженіе въ нарѣчіяхъ, въ нѣкоторыхъ падежахъ и въ неопре-

дѣленномъ наклоненіи по вопросамъ: *идъ, куда, когда, какъ, съ какой цѣлью* или *для чего, зачѣмъ, по какой причинѣ* или *отчего, почему* и др.

Различные вопросы указываютъ и на существованіе различныхъ условій, при которыхъ проявляется признакъ: *мѣсто, время, качество, образъ дѣйствія, цѣль, причина*:

Изъ падежей чаще другихъ является творительный для выраженія образа дѣйствія и *мѣста*, иногда *времени*.

Домъ *зеленю* расписанъ (Гриб.).

Повстрѣчалъ медвѣдя *носомъ* къ носу (Кр.).

Сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ (Нар. ск.).

Поетъ *соловьемъ* и рыщетъ *волкомъ*.

Блѣ *руками*.

Шелъ *лѣсомъ, не путемъ, не дороюю*.

Онъ былъ изгнанникъ *младенцемъ* (въ младенческую пору).

Мы нашли его *здоровымъ* (когда онъ былъ здоровъ).

Я видѣлъ его *плывущимъ* по рѣкѣ (когда плылъ).

Велъ противника *раненымъ* и почти *военнопленнымъ* (послѣ того, какъ былъ раненъ) (Пушк.).

Употребленіе предлоговъ. § 59. Именами съ предлогами чаще всего выражаются различные обстоятельства.

Первоначальное назначеніе предлоговъ указывать на отношеніе предметовъ къ извѣстному пространству, отношеніе, которое бываетъ чрезвычайно разнообразно. При глаголѣ предлогъ не является отдѣльно, а всегда съ нимъ сливается въ одно слово; напротивъ, при существительныхъ встрѣчаемъ его и отдѣльно, и слитно. Отдѣльно, когда предлогъ означаетъ простое отношеніе; въ этомъ случаѣ онъ требуетъ отъ имени опредѣленнаго косвеннаго падежа. Слитно — при именахъ, происшедшихъ отъ предложныхъ глаголовъ: *входитъ—входъ, оправитъ—оправа*. Здѣсь предлогъ уже не можетъ имѣть вліяніе на падежъ, и существительное вмѣстѣ съ нимъ, какъ одно слово, принимаетъ всѣ падежи.

Не всѣ предлоги въ рус. яз. управляютъ падежами, т. е. употребляются отдѣльно при именахъ; нѣкоторые являются не иначе какъ слитно со словами, такъ *воз* (взо, вз), *вы, низ, пере, раз* (роз) не соединяются съ отдѣльными падежами.

Впрочемъ, въ старомъ языкѣ *воз* управлялъ винительн. пад.: напр. *злая воз-благая, благодать воз-благодать*. Древнее нарѣчіе *вскую* составилось изъ *воз* и вин. пад. мѣстоим. *кая*: *возкую* или *вскую*: зачѣмъ.

Примѣч. Въ предлогѣ *вы* звукъ *ы* родствен. носовому звуку, по этому, перейдя въ нарѣчіе, онъ обратился въ *он*: *вонъ, онъ*. Предлогъ *роз* принадлежитъ русскому языку—*роздытъ, розюстънъ*, а *раз* какъ русск., такъ ц. слав.

По падежамъ предлоги распредѣлились весьма логически. Тѣ, которые выражаютъ исключеніе, удаленіе, пребываніе *внѣ* какого мѣста, соединились съ *родит. пад.*: *безъ, кромѣ, изъ, отъ, мимо, противъ, вдоль* или *подлѣ, до, для, у*.

Предлоги *изъ* и *отъ* выражаютъ начальную точку отправленія *откуда*, но первый показываетъ движеніе *изнутри*, второй—отъ поверхности, наружной стороны предмета: *вышелъ изъ города, пошелъ отъ города*. Такъ какъ съ началомъ соединяется причина, основаніе, то отсюда метафорически эти предлоги принимаютъ значеніе основанія, причины, повода: *дѣлаетъ это изъ выгоды; улетѣтъ отъ скуки; умеръ отъ раны*.

Предлогу *отъ* соответствуетъ *до*, какъ выраженіе противоположной границы или *конца*: *отъ города до города*. Метафорическое ихъ употребленіе видно и въ слѣдующихъ примѣрахъ: *отъ слова до слова, что до меня касается*.

Примѣч. Первоначально и предлогъ *для* выражалъ причину, изъ которой выходитъ дѣйствіе. Въ этомъ значеніи нерѣдко употребляли его и наши писатели XVIII ст., напр. у Ломоносова: „единородство славянъ съ сарматами, чуди со скифами, *для многихъ ясныхъ доказательствъ*, неоспоримо; *для многихъ такихъ доказательствъ*. У Карамзина: вы легко можете вообразить, какъ нуженъ пѣшеходу обѣдъ и ужинъ и *для того*, конечно, простите моему пріятелю, что онъ вскопчилъ со стула не съ пріятною миною (Грамм. Бусл. ст. 311). Это же значеніе имѣлъ и предлогъ *ради*, который у насъ теперь рѣдко употребляется, а въ народныхъ пѣсняхъ оба они соединяются: *для-ради* рожденія богатырскаго. Такъ какъ съ причиною иногда сливается и цѣль, то отсюда предлогъ *для* сталъ употребляться метафорически для выраженія цѣли: онъ сдѣлалъ *для отца, для мѣры стиха*. Поэтому самому и выраженія съ предлогомъ *для* иногда замѣняются дат. пад., такъ какъ съ нимъ соединяется значеніе цѣли: *для Бога—Богу; для васъ—вамъ*.

Предлоги *мимо* и *противъ* выражаютъ черту, параллельную известной границѣ; изъ нихъ первымъ выражается движеніе: *идетъ мимо* города; вторымъ — пребываніе: *остановился противъ* города.

Предлоги *подлѣ*, *возлѣ*, *у* выражаютъ близкое соприкосновеніе съ границею, и потому нерѣдко смѣшиваются въ употребленіи: *живетъ подлѣ* города, *возлѣ* города, *у* города. Судя по происхожденію *возлѣ* (воз—на) и *подлѣ* (подъ), первоначально эти предлоги показывали двѣ противоположныя границы (сверху и снизу); но теперь это различіе забылось. Съ предлогомъ *у* соединяется больше связи съ тѣми предѣлами, о которыхъ говорится; отсюда *у* употребляется тамъ, гдѣ нужно выразить известные предѣлы владѣнія, силы, средства: *у* города *есть* большіе капиталы и земли (т. е. во владѣніи, во власти города); *у* насъ *были* юсти (т. е. въ тѣхъ предѣлахъ, которыми ограничивается наша власть); *я остановился у* пріятели (т. е. въ его квартирѣ), *возьмите у* насъ (то, что въ нашихъ рукахъ, въ нашей власти); *у* насъ *запляшутъ* лѣсъ и юры (т. е. въ нашей власти сдѣлать, чтобъ заплясали).

Примѣч. Отсюда *у* и при нѣкоторыхъ глаголахъ сообщаетъ имъ значеніе *вводитъ въ извѣстныя границы*: *успокоивать* (приводить въ предѣлы совѣсти), *успокоить* (въ предѣлы мира), *установить*, *уложить*, *убить*, *убаюкать* и проч.

Съ однимъ *дательнымъ* пад. соединяется лишь предлогъ *къ*, выражающій стремленіе къ мѣсту какъ къ *цѣли*: *иду къ* городу, *къ* юрѣ. Онъ болѣе употребляется для указанія внѣшней стороны предмета, къ которому направлено дѣйствіе: *къ крыльцу подѣхала* карета; *шляпа вамъ къ лицу*; и метафорически для указанія направленія чувства:

Самъ Богъ возбудитъ жаръ *къ искусствамъ* (Гриб.).

Любовь *къ наукамъ* одушевляетъ его.

Почувствовалъ *къ нему* жалость.

Не все равно сказать: *я послалъ ему письмо*, и *я послалъ къ нему письмо*. Первое выражаетъ, что письмо писано тому, къ кому послано; второе, что оно только къ нему направлено, писано можетъ быть и не ему. *Я сдѣлалъ ему запросъ* (ему

лично) и я сдѣлалъ къ нему запросъ (запросъ, который долженъ пройти чрезъ его руки). *Отдавали его душу къ Якову въ рай* (Нар. пѣс.) значить въ рай, гдѣ находится Яковъ. *Отдавали его душу Якову въ рай* значило бы отдавали въ руки Якова. *Молитву творить ко Господу* (мысленно возносится туда, гдѣ пребываетъ Господь). *Молитву творить Господу* (просить, умоляетъ его).

Другіе предлоги, когда ими нужно выразить ограниченіе какого-либо стремленія, *предѣлъ* его, стремленіе *куда*, соединяются съ *винительн.* пад., таковы: *въ, за, на, о, подѣ, предѣ: иду въ поле, на юру, за юру, подѣ юру, бьется объ уголѣ, предстанетъ предѣ царя*. Тѣ же самыя предлоги, когда нужно выразить пребываніе *гдѣ*, распредѣлились между двумя падежами: *творительнымъ: за, подѣ, предѣ* и *предложнымъ* (или *мѣстнымъ*): *въ, на, о*. Прибавимъ еще къ *творительн. надѣ* и къ *предложному при*.

Разсматривая тѣ и другіе предлоги, мы находимъ, что одни изъ нихъ указываютъ на отношеніе къ какой-либо границѣ: *птица летаетъ за юрою, надѣ юрою, подѣ юрою, предѣ юрою*; другіе же на тѣсную связь съ извѣстнымъ *мѣстомъ, прикосновеніе* къ нему: *работаетъ въ домѣ, на домѣ, при домѣ*.

За показываетъ отношеніе къ задней сторонѣ предмета, *передѣ*—къ передней, *подѣ*—къ нижней, *надѣ*—къ верхней. Отсюда метафорич. значеніе *надѣ*—господство или власть: *я властвую надѣ городомъ, взялъ верхъ надѣ ними, смѣется надѣ вами, сбылось надо мной*.

Судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, можно полагать, что за въ старину соединялся и съ родит. пад.: *за утра, за добра ума*.

Предлогъ *о* (*обѣ*), выражая отношеніе къ *окружности, объему*, въ *предложн. пад.* сталъ выражать вообще *соприкосновеніе* къ предмету даже мысленное: *говорю о домѣ, думаю о наукѣ, забочусь о правдѣ*.

Предлогъ *между* (*межѣ*), соединявшійся съ родит. пад. какъ выраженіе *гдѣ* извѣстныхъ предѣловъ (*между горъ*), сталъ соединяться и съ *творит.*, такъ какъ имъ указывается и на

отношеніе къ извѣстнымъ границамъ (между горами). Впрочемъ, можно полагать, что первоначально съ родит. выражалось *движеніе*, а съ творит. *пробываніе*: *иду межъ деревь, стою межъ деревьями*. Точно также предлогъ *сквозь*, соединяясь прежде съ родит. пад. какъ выраженіе стремленія *изъ чего (сквозь слезы)*, теперь соединяется съ винит., выражая въ то же время *предѣлы дѣйствія (сквозь слезы)*.

Такіе же предѣлы выражаютъ предлоги *черезъ* и *про*, соединяясь только съ винительн. пад.: *перехожу черезъ юру, говорю про васъ*.

Примѣч. По требованію мысли стали переносить предлоги отъ значенія мѣста къ значенію *времени, причины, цѣли* и вообще употреблять ихъ въ метафорическомъ смыслѣ: болѣзнь обратилась *въ юрячку*; онъ лежалъ *въ юрячкѣ*; весь *въ ранахъ*; нарядилась *въ новое платье*; была *въ новомъ платьѣ*; взялъ еще *въ долгъ*, когда весь *въ долгу*; купилъ *въ три дорога*; весь *въ отца*; ковали *въ три молота*; онъ *въ бородѣ* и *въ усахъ*; пришелъ *на праздникъ*; *на прощанье*; *на часъ*; хромаетъ *на одну ногу*; купилъ *на рубль*; поидетъ *за ырибами*; работаю *за него*; беру *за труды*; не успѣлъ *за недосуюмъ*; *за своею подписью*; получилъ *задаромъ*; *за два юда*; жилъ *подъ Москвой*; *подъ самый праздникъ*; мнѣ не *подъ силу*; *подъ часъ* бываю радъ *го стямъ*; пляшу *подъ музыку* и друг.

Съ предлогомъ *въ* иногда соединяется старинная форма винительн. пад. множ. числа, сходная съ именительн. пад.: *Онъ постриженъ въ монахи. Приписанъ въ мѣщане. Она пошла въ служанки. Ею записали въ нерадивые. Далъ чинъ асессора и взялъ въ секретари (Гриб.) Мнѣ только бы досталось въ генералы (Гриб.). Какъ будто въ жены ихъ ютовимъ скomorохамъ (Гриб.).* Такое сочетаніе употребляется тогда, когда хотятъ выразить стремленіе пристать, присоединить или присоединиться къ извѣстному разряду предметовъ (сословію, классу, отдѣлу, средѣ, числу). Если же нужно выразить пребываніе въ извѣстномъ разрядѣ, то предл. *въ* соединяется съ предложн. пад. множ. ч.: *Онъ былъ въ монахахъ. Она жила въ служанкахъ. Это платье у нею въ праздничныхъ. Онъ числится въ живыхъ. Пошелъ топоръ въ худыхъ* (т. е. сталъ считаться въ числѣ худыхъ). (Крыл.).

Для выраженія единичнаго представленія употребляется

именит. и творит. пад.: *Онъ былъ монахъ или монахомъ. Это платье у него праздничное или праздничнымъ. Она жила служанкою.*

Предлогъ съ вообще даетъ понятіе о связи. Соединяясь съ *родит. пад.*, онъ долженъ, конечно, по смыслу этого падежа выражать нарушеніе связи двухъ предметовъ, слѣд. и точку отправленія дѣйствія: *онъ снялъ картину со стѣны, поднялъ мѣшокъ съ полу и спустился съ лѣстницы* (нарушилъ связь предмета со стѣною и поломъ). *Чтобы ты съ моей руки разжился* (Крыл.). *Не главный ли доходъ твой съ нивы* (нива—исходная точка дохода) (Крыл.). *Съ той поры лишь въдаю блаженство* (Пушк.). *Съ радости веселья хмѣлемъ кудри вьются, ни съ какой заботы они не съкутся* (радость, забота — причина, исходная точка дѣйствія) (Кольц.).

Тотъ же предлогъ съ винит. пад. долженъ выражать связь двухъ предметовъ или дѣйствія предмета съ пространствомъ и временемъ вслѣдствіе мѣры, слѣд. *по сходству, по сравненію*: *Право, былъ онъ съ юру* (Крыл.). *Прошелъ съ версту. Онъ на службѣ съ мѣсяцъ будетъ.*

Съ творит. пад. съ выражаетъ простое соединеніе съ предметомъ или съ пространствомъ времени: *онъ ходитъ съ братомъ, а тотъ всегда съ книгами. Пришелъ ко мнѣ съ жалобой и со слезами. Хочетъ отдыхать съ каждой верстой. Мы съ торжествомъ вступили въ городъ. Съ юдами дѣлается умнѣе.*

Общее значеніе предлога *по*—*последовательность, поступательность* въ движеніи.

Съ *дательнымъ* пад. онъ показываетъ поступательность по отношенію къ мѣсту: *Быстро бѣжимъ по полямъ. Какъ по морю синему плыла лебедь съ лебедятами* (нар. п.); *последовательность* по отношенію къ цѣли: *ходитъ и стрѣляетъ по юлюбямъ*; отсюда вытекаетъ согласіе съ чѣмъ, *сообразность*: *онъ мнѣ пришелся по нраву, все это сдѣлано по закону, онъ освобожденъ по рѣшенію суда; распредѣленіе*: *считайте по верстамъ, числюсь по архивамъ* (Гриб.), *вѣмъ сестрамъ по серьгамъ* (Посл.), *по утрамъ ходитъ на службу, по вечерамъ въ гости; причина*: *сидитъ дома по болѣзни.*

Съ *винительн. пад.* тотъ же предлогъ выражаетъ послѣ-

довательность дѣйствія, движенія или роста предмета по отношенію къ извѣстной *мѣрѣ*: *онъ мнѣ по плечу, воды прибаво по эту черту, спитъ по сю пору*; или къ извѣстнымъ *предѣламъ*: *мы ходимъ по грибы и по ягоды, нѣсколько разъ поспалъ по тебя*.

Съ предлож. пад. *по* означаетъ послѣдовательность во времени: *случилось это въ пятидесятый годъ по рождествѣ Христовѣ; онъ все плачетъ по отцу; по рѣшенію суда онъ утхалъ*.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ предлож. падежъ смѣшивается съ дательн. особенно въ мѣстоименіяхъ: *почему (по чему) вы купили? по рублю! Чуденъ мостъ, по коемъ (по коему) мы поидемъ* (Крыл.).

Для выраженія количественнаго распредѣленія встрѣчается случайность: одни количеств. соединяются съ *по* въ дательномъ пад.: *по одному, по пяти, по шести* и пр.; другія въ винительн.: *по два, по три, по четыре, по двое, по трое*.

Въ сложныхъ предлогахъ падежомъ управляютъ первый изъ нихъ: *изъ-подъ дерева, изъ-за дома, на-из-устъ*.

Сливаясь съ глаголами, предлоги въ то же время повторяются передъ именами: *дойти до мѣста, навьючить на лошадь, влетѣть въ окно, сходить съ лѣстницы, подойти подъ крышу, надсматривать надъ дѣтьми, оторвать отъ работы, извлечь изъ книги*. Предлогамъ, которые не употребляются отдѣльно, соответствуютъ слѣдующіе отдѣльные: *воз—на*: *вознесся на небо, взошелъ на гору*; *раз—на*: *раздѣлил на части, разрѣзалъ на куски, вы—изъ*; *вышелъ изъ дому, выѣхалъ изъ города*; *пере—черезъ*: *перескочилъ черезъ заборъ, перебросилъ черезъ голову*; *про—сквозъ*: *прошелъ сквозь огонь и воду*; *при—къ*: *пришелъ ко мнѣ, приплылъ къ городу, пришилъ къ шляпѣ*. Такое повтореніе предлога бываетъ только тогда, когда онъ сохраняетъ при глаголѣ свое первоначальное значеніе. Въ старинномъ русск. яз. было употребительно повтореніе предлога и передъ прилагательными: *во стольномъ во городѣ, во Кіевѣ* (Древн. русск. стих.), *на Славени на дунайскіе* (Нест.); *послаша по Ярослава по Всеволодиця, по Гюргіевъ внукъ* (Новг. лѣт.). Въ простонародномъ говорѣ и теперь слышится такое же повтореніе.

Выраженіе времени. § 60. Время, какъ сознанный моментъ проявленія признака, въ русскомъ языкѣ выражается въ глаголѣ, а особыя при этомъ отгѣнки или обстоятельства или отношенія между разными моментами выражаются особыми словами.

Въ личныхъ формахъ глагола у насъ обыкновенно выражается время *настоящее* и *будущее*. Значеніе времени опредѣляется не всегда формою, а часто смысломъ, такъ какъ въ рус. яз. одна и та же форма выражаетъ и то и другое время, напр.: *образую, вѣлю, казню, женю, ночью* и др.

Пустое сердце бьется ровно,

Въ рукахъ *не дрогнетъ* (наст.) пистолетъ (Лерм.).

Глаголы предложныя однократныя въ этой формѣ въ отдѣльномъ употребленіи имѣютъ, повидимому, смыслъ будущаго времени, напр.: *взойдетъ, встрепенется, пройдетъ, помчится, остановится, поведетъ, наклонится* и мн. др.; но въ связи съ другими словами они могутъ выражать и настоящее время:

Солнце красное *взойдетъ*,

Птичка гласу Бога внемлетъ,

Встрепенется и поетъ.

За весной, красой природы,

Лѣто звонное *пройдетъ*,

И туманъ и непогоды

Осень поздняя несетъ (Пушк.).

То вдругъ *помчится* легче птицы,

То *остановится*—глядить...

То черной бровью *поведетъ*,

То вдругъ *наклонится* немножко (Лерм.).

— Или въ народныхъ пѣсняхъ:

Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи

На маленькую сумочку переметную,

Беретъ поговялку, *пощупаетъ* сумочку—она не скрянется,

Двинетъ перстомъ ее—*не сворохнется*,

Хватитъ съ коня рукою—*не подымется*.

Махнетъ Илейка рукою правою,

Поскользитъ у Илейки ножка лѣвая,

Палъ Илья на сыру землю.

Въ областномъ говорѣ мы слышимъ описательную форму, не принятую въ нашемъ литературномъ языкѣ, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ соответствуетъ *plusquamperfectum* другихъ языковъ: она составляется изъ причастной формы *вши* съ глаг. *быль*: *быль вставши, быль пришедши*. Впрочемъ, употребляется и безъ *быль* для выраженія настоящего времени: *онъ вставши, она пришедши*. Подобное же встрѣчаемъ и въ старыхъ рукописяхъ: вѣдаяше, яко жъню, уduje не *стявъ* и собираю, уduje не *расточивъ* (рук. XIII ст.).

Для выраженія моментовъ времени употребляются всѣ косвенные падежи:

Родительный пад. выражается исключеніе извѣстной части изъ времени, принимаемаго за единицу: *я былъ въ деревнѣ прошлаго года* (извѣстное время изъ прошлаго года); *кончилъ работу перваго января* (перваго числа мѣсяца въ извѣстный моментъ). *Вчера* (род. пад. отъ вечеръ), *сегодня* и *завтра* (завтра) мы свободны. Тотъ же падежъ употребляется при отрицаніи: *не досыпала ночей* (Крыл.).

Родительный съ предл. *съ, отъ* выражаетъ исходный моментъ дѣйствія, съ предл. *до* послѣдній моментъ: *ихъ часть были съ утра и до глубокой ночи рукъ не покладывая прѣсть* (Крыл.).
Письмо писано отъ 20 числа.

Дательный пад. съ предлогомъ *къ* выражаетъ приближеніе къ извѣстному времени, какъ *къ цѣли*: *погода къ осени дождливѣй, а люди къ старости болтливыѣ*.

Винительный пад. безъ предлога выражаетъ мѣру времени, сколько продолжалось дѣйствіе: *хирѣла сутки, пируетъ дни и ночи*. Съ предлогомъ *въ* моментъ или время, когда производится или кончается все дѣйствіе: *въ первую ночь пошелъ средний братъ; имъ что расти было въ три года, а они въ три дня растутъ* (Народн. ск.). *Захирѣла въ сутки*. Кончилъ работу въ двадцать минутъ. Поэтому при глаголѣ вида совершеннаго всегда ставится вин. пад. съ предл. *въ*.

Другіе предлоги съ винит. пад. вносятъ свое значеніе для опредѣленія времени: *онъ приходитъ черезъ день. Станетъ на нашъ вѣкъ. Я дожидался его съ часъ, который показался мнѣ за годъ*.

Творительный пад. безъ предлога выражаетъ неопредѣлен-

ные моменты изъ указаннаго періода времени: *встрѣчался мнѣ раннею и позднею зарей, порой холодной зимней* (нѣкоторые моменты изъ всего этого времени). *Прошлой осенью я за Грунтошки домо сватался* (Кольц.).

Ночью видѣлъ онъ какъ *день* (Жук.).

Лѣтомъ спалъ на солнцѣ.

Годомъ бѣдствуетъ, *иодомъ* счастливъ.

Тотъ же падежъ съ предл. съ показываетъ связь дѣйствія съ извѣстнымъ временемъ: *встаетъ съ зарей, съ иодами дѣлается умнѣе*.

Предложный пад. съ предл. въ, о, подобно творительному, выражаетъ неопредѣленный моментъ въ извѣстный періодъ времени: *ты еще въ запрошломъ лѣтѣ мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ* (Крыл.). *Когда-то о веснѣ звѣрями въ надсмотрщики медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями* (Крыл.). *Въ будущемъ году мы увидимся. Онъ ложится спать въ двѣнадцатомъ часу*.

Для выраженія момента въ языкѣ выработались извѣстныя выраженія, въ которыхъ можно употреблять только творит. или только предлож. пад.: *я работаю днемъ* (но не въ днѣ), *ложусь спать въ двѣнадцатомъ часу* (но не двѣнадцатымъ часомъ). Въ иныхъ же выраженіяхъ одинъ падежъ можетъ замѣняться другимъ: *работаю ночью и работаю въ ночи*.

Опредѣленія. § 61. Каждое сужденіе въ свою очередь можетъ стать предметомъ новаго сужденія или обратиться въ признакъ другого понятія. Въ этомъ случаѣ первое сказуемое становится опредѣленіемъ *подлежащаго*, или *сказуемаго*, или *дополненія*.

Небо ясно, а *ясное небо*—прекрасно; солнце блеститъ на *небѣ ясномъ*.

Домъ—отцовскій; *отцовскій* домъ каменный; *каменный* отцовскій домъ сгорѣлъ; *сгорѣвшій* каменный отцовскій домъ былъ старъ.

Книга—моего дѣда; *книга моего дѣда* поучительна. Я читаю *поучительную книгу моего дѣда*.

Садъ съ *фруктовыми* деревьями; садъ съ *фруктовыми* деревьями содержится чисто. Забота его—большая; *его большая забота*—садъ съ *фруктовыми* деревьями.

Отсюда видно, что опредѣленіе, выражая качество, свойство или отличительный признакъ, сознанный въ предметѣ прежде, чѣмъ состоялось другое о немъ сужденіе, или прежде, чѣмъ сознано новое его отношеніе къ другому предмету, можетъ являться въ разныхъ формахъ. Въ формѣ прилагательнаго оно употребляется съ долгимъ окончаніемъ (если у прилагательнаго окончаніе двоякое), и согласуется съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.

Примѣч. Въ старорусскомъ языкѣ ходили оба окончанія безразлично; въ древнихъ рукописяхъ опредѣлительныя слова даже чаще встрѣчаются съ короткими окончаніями, что донинѣ сохранилось въ языкѣ нашихъ народныхъ пѣсенъ: мать *сыра* земля, *бѣла* ясеня соколъ, *красна* дѣвица. или въ Словѣ о Полк. Иг.: *черленъ* стягъ, *бѣла* хоругвь, *сребрено* стружіе храброму Святославичу.

Если предметъ безродный, то прилагательное является въ среднемъ родѣ един. ч. въ томъ падежѣ, который требуется смысломъ:

Громкое ура раздалось кругомъ. Этотъ крикъ былъ *громкое* ура, *раздавшееся* кругомъ. Было что-то пріятное въ *томъ громкомъ* ура, раздавшемся кругомъ.

Робкое „Слава тебѣ Господи“ слышалось въ толпѣ.

Чувство сказалось въ *робкомъ*: „Слава тебѣ Господи“.

Прилагательное при числительномъ *два, три, четыре, оба, полтора* ставится въ именит. пад. множ. ч., если рѣчь идетъ объ извѣстныхъ опредѣленныхъ предметахъ:

Два добрые друга помогли мнѣ.

Присланы мнѣ *назначенные полтора* хлѣба.

Если же предметы неопредѣленные или неизвѣстные, то прилагательныя ставятся въ *родит. пад.* множ. ч.:

Пришло *четыре дюжихъ* работника и *три больныхъ*.

Отстало отъ войска *два слабыхъ* солдата (какихъ-то).

Въ косвенныхъ падеж. кромѣ винит. числительное и прилагательное согласуются съ именемъ, а винительн. по общему правилу сходенъ съ именит. или родит.

При соединеніи сложнаго количества съ именемъ только одно послѣднее число переводится въ порядковое и согласуется съ именемъ:

Тысяча восемь сотъ семьдесятъ пятый годъ.

Опредѣлительное слово существительное, согласуясь въ падежѣ съ именемъ предмета, называется *приложениемъ*:

Славный полководецъ, Суворовъ воевалъ въ Италіи.

Существительное какъ опредѣленіе въ формѣ *родит.* пад. является:

1) Когда нужно опредѣлить предметъ по принадлежности на вопросъ *чей*: деньги *вашего отца* украдены, владѣнія *русского народа* обширны.

Примѣч. Родительный падежъ имени легко можетъ переходить въ прилагательное, но въ такомъ случаѣ если при немъ нѣтъ опредѣлительнаго слова: домъ *отца*—*отцовскій* домъ.

Русскій языкъ даже предпочитаетъ эти послѣднія выраженія.

Мѣстоим. *свой* нельзя смѣшивать съ *его*, *ихъ*. Первое можетъ относиться ко всѣмъ тремъ лицамъ и всегда выражаетъ принадлежность подлежащаго; вторія выражаютъ принадлежность посторонняго предмета, но не подлежащаго:

Онъ живетъ *въ своемъ* домѣ въ сосѣдствѣ съ *его* дядею.

2) Когда нужно опредѣлить предметъ особымъ качествомъ на вопросъ *какой*: сестра *милосердія*, мужъ *битвы* и *совѣта* (Пушк.), человекъ *злымъ* *мѣтъ*. Свѣча *воску* *яраго*. Потолокъ *чернымъ* *соборей* (нар. пѣсн.). Женихи *средней* *руки*. Зло не такъ *большой* *руки* (Крым.).

Примѣч. Въ извѣстномъ литературномъ языкѣ для выраженія исключенія или *отдѣленія* нерѣдко употребляется предлогъ *изъ* тамъ, гдѣ прежде ставили одинъ родит. пад., напр.: Ты *какихъ* *родовъ*? *Изъ* *рода* *Кіева*, Старца *Феодосія* *Давыдовича*. Князь Иванъ *Ивановичъ* *Добрянскій* *князь*. Поотцѣ *Скотининича*. Который *ихъ*? Кто *людей*?

3) Когда нужно опредѣлить предметъ сравненіемъ:

У него брови *черна* *соболя*, глаза *ясна* *сокола* (Нар. пѣсн.).

Примѣч. При прилагательномъ или нарѣчіи сравнительной степени, имя предмета, съ которымъ сравнивается другой предметъ, является въ родит. пад.: алмазъ блеститъ ярче *звѣзды*; онъ умнѣе *тебя*. Эти выраженія тождественны съ другими сложными: алмазъ блеститъ ярче, *чѣмъ* *звѣзда*, онъ умнѣе, *чѣмъ* *ты*, т. е. алмазъ блеститъ ярче *того*, *чѣмъ* *блеститъ* *звѣзда*, онъ умнѣе *того*, *чѣмъ* *умнѣе* *ты*. Иногда подобныя выраженія обращаются въ мѣстоим. притяжательныя или въ прилагательныя: она *сильнѣе* *умнѣе*, *чѣмъ* *сдѣлала* *ты*—она *сдѣлала* *умнѣе* *того*. Она *состояла* *состояние* *скорѣе*, *чѣмъ* *состояла* *братъ*.—Она *составила* *состояние* *скорѣе* *братство*.

Родительный пад. иногда замѣняется дательнымъ, что видно изъ слѣдующихъ выраженій: онъ отецъ *Петра* — онъ отецъ *Петру*; другъ *Андрея*;—другъ *Андрею*; онъ построилъ домъ *Иванова*—домъ *Иванову*; или въ Остромировомъ еванг.: началъ умывать нозѣ *ученикомъ*; нѣси другъ *Кесареви*. Господи *небеси* (вм. небесе) и *земли*.

Различіе здѣсь объясняется значеніемъ дательнаго пад., которымъ выражается принятіе чувства или ощущенія, на- правленіе дѣйствія: слуга *вашею брата* (по должности), слуга *вашему брату* (по отношеніямъ, въ какія себя поставилъ, къ вашему брату). Въ этомъ случаѣ опредѣленіе переходитъ въ дополненіе. Точно также мѣстоим. притяжательное замѣняется дательнымъ пад. личнаго мѣстоименія, если нужно указать на стремленіе или цѣль предмета по отношенію къ другому лицу: онъ *мой* братъ (братъ по имени, по родству)—онъ *мнѣ* братъ (по чувствамъ, ко мнѣ направленнымъ); они не *мои* сосѣди (по мѣсту жительства)—они не сосѣди *мнѣ* (по неравнымъ отношеніямъ и по чувствамъ, которыя мнѣ выка- зываются).

4) Родительный падежъ служитъ также опредѣленіемъ *общаю* признака въ такихъ выраженіяхъ: *поломъ надеждъ*, *достоинъ похвалы*.

Для опредѣленія орудія, средства или силы, черезъ которыя проявляется общее качество въ предметѣ, является падежъ *творительный*:

Богаты или *копьемъ* или *зубкомъ*.

Дородствомъ, *ростомъ* великанъ (Крыл.).

Прямизною стана, *лицомъ* и *голосомъ* герой (Гриб.).

Онъ слабъ *тѣломъ* и *духомъ*.

Большой *ростомъ* не всегда силенъ *умомъ*.

Красивый *лицомъ*, да не красивый *правомъ*.

Для выраженія усиленія одного и того же качества также употребляется *творительн.* пад.: грязь *грязью*, дуракъ *дуракомъ*, свинья *свиньей* (Крыл.).

Существительныя съ предлогами такъ же могутъ служить опредѣленіями: любовь *къ отечеству*—священна, флагъ *надъ домомъ* означаетъ присутствіе господина, сосѣдство *съ вами*—

пріятно. Лѣстница во второй этажъ развалилась. Онъ задумался о книжѣ съ планами и картинами. Я принесу жалобу на васъ.

Опредѣленіе состоянія. § 62. Для опредѣленія извѣстнаго состоянія съ именами соединяются глаголы *быть*, *стать* при посредствѣ *родит.*, *дательн.*, *творит.* пад. и *предлоговъ*:

Онъ хочетъ *быть* доброго нрава.

Вы не любите *быть* чужихъ мыслей.

Она можетъ *стать* независимой.

Мы надѣялись *стать* богатыми.

Онъ любитъ *быть* въ гостяхъ.

Ты стараешься *быть* на—примѣтъ.

Человѣкъ ищетъ *быть* среди людей.

Она мечтаетъ *быть* замужемъ.

Въ этомъ случаѣ прилагательныя при глаг. *быть* и *стать* согласуются въ родѣ и числѣ съ подлежащимъ, впрочемъ, иногда встрѣчается согласованіе и въ падежѣ, т. е. вмѣсто творит. является *именит.* пад.

Ты хочешь *быть* богатымъ (Крыл.).

Долженъ ты достоинъ *быть* успѣха своего (Пушк.).

Онъ надѣялся *быть* живъ.

Они надѣялись *быть* живы.

Она умѣетъ *быть* привѣтлива.

Подобныя выраженія съ глаг. *быть* и *стать* могутъ быть и подлежащими:

Желательно *быть* доброго нрава.

Пріятно *быть* богатымъ.

Быть привѣтливою—ея старанье.

Глаголы *быть*, *стать* съ *дательн. пад.* могутъ быть только въ смыслѣ подлежащаго и скажемъ. въ соединеніи съ другимъ *дательн. пад. лица*:

Зачѣмъ же *быть* (вамъ) такъ не воздержну на языкъ,

Въ презрѣнны къ людямъ такъ не скрыту (Гриб.).

Можно *быть* (ему) добру ко всѣмъ.

Тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,

А намъ, казакамъ, нереловленнымъ.

По правой сторонѣ ѣхать—*быть убитому*,
По лѣвой—*быть самому голодному* (нар. сказ.).

Нужно отличать соединеніе глаг. *быть*, *стать* съ именит. или *творительн.* пад. и съ *нарѣчіемъ*: яма *была глубоко* (на глубокомъ мѣстѣ)—на вопросъ *идѣ*; яма *была глубока, глубокою* (самая яма отличалась глубиною) на вопросъ *какая*; мы *будемъ дружно* (жить не ссорясь) на вопросъ *какъ*; мы *будемъ дружны, дружными* (отличительнымъ нашимъ чувствомъ будетъ дружба) на вопросъ *какіе какими*:

Не *бывъ дружны*, мы могли тамъ *быть дружно*.

Видоизмѣненіе предложеній. § 63. Для выраженія отношеній говорящаго къ предмету рѣчи въ русскомъ яз. употребляются разные обороты:

Если говорящій обращаетъ особенное вниманіе не столько на дѣйствующее лицо, сколько на самое дѣйствіе, какъ бы обратившееся въ качество другого, то употребляетъ *страдательные обороты рѣчи*, причемъ причастныя формы сказуемаго ставятся въ среднемъ родѣ ед. ч., если подлежащее скрыто:

Всѣ его любятъ—*онъ всѣми любимъ*.

Разстояніе считали—*разстояніе считано*.

Послали въ догоню—*послано въ догоню*; ужъ давно о васъ говорили—о васъ *говорено*.

Разница между страдательнымъ и прямымъ оборотомъ та, что въ первомъ выражается дѣйствіе одного, обратившееся въ *качество* другого предмета: онъ всѣми *любимъ* и *почитаемъ*; во второмъ же *дѣйствіе*, направленное на другой предметъ—(его всѣ *любятъ*), или поставившее предметъ въ извѣстное состояніе (*онъ всѣми почитается*).

Нѣкоторыя прилагательныя способны принимать смыслъ причастія, особенно когда нужно выразить признакъ какъ бы самостоятельно безъ прямого отношенія къ дѣйствующему лицу; тогда краткая форма прилагательн., принимая средній родъ, заступаетъ мѣсто причастій: *полно, можно, надобно, прилично, замѣтно, довольно, видно, слышно*. Послѣднія два слова, какъ мы уже видѣли, соединяются даже съ винит. и родит. пад. подобно глаголу: *видно тѣхъ, не видно тѣхъ, слышно музыку, не слышно музыки*.

вать какъ бы противъ воли — и не хотѣлъ бы зѣвать, да зѣвается.

Точно то же представляютъ и выраженія: *вамъ спится, ему пляшется, мнѣ вѣтрится и плачется* (Лерм.), *тебѣ хотѣлось, имъ писалось* и пр. Конечно, причастная форма здѣсь должна явиться въ сред. родѣ.

Если сила, производящая ощущение, ясно сознается, тогда является и дѣйствительное подлежащее въ формѣ *мѣстоим. указателн.*: *мнѣ видѣлось то же, что и вамъ, намъ не вѣтрится то, что вы сказали*; или въ формѣ *неопредѣлен. наклоненія*: *ему не чуялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ, не хотѣлось растворять окна* (Гог.).

Иногда предложеніе составляется въ формѣ обращенія говорящаго ко 2 лицу, хотя собственно опредѣленнаго лица и не имѣется въ виду. Такой способъ выраженія употребляется тамъ, гдѣ представляются *общіе выводы* или правила для жизни въ видѣ совѣта или предостереженія, какъ въ нашихъ пословицахъ, или размышленія, которое можетъ быть отнесено къ каждому въ извѣстномъ положеніи:

Берись за то, къ чему ты сроденъ.

Поѣй лучше хорошо щигленкомъ, чѣмъ дурно соловьемъ (Крыл.).

Типе ѣдешь—дальше будешь.

Не постыжись—не пожнешь (Посл.).

Въ комъ не сыщешь пятенъ.

Когда жъ постранствуешь, воротись домой,

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.

Пофилософствуй—умъ вскружится,

То бережешься, то обѣдъ,

Былъ три часа, а въ три дня не сварится (Гриб.).

Здѣсь второе лицо какъ бы воображаемое, къ которому и дѣлается обращеніе.

Слитныя предложенія. § 64. Нѣсколько сужденій, въ которыхъ сознается что-либо общее, выражаются въ предложеніи, которое называется слитнымъ:

Онъ и она живутъ и веселятся лѣтомъ въ деревнѣ, а зимой въ городѣ.

Отдѣльныя сужденія, изъ которыхъ составилось это слитное предложеніе, слѣдующія:

Онъ живетъ лѣтомъ въ деревнѣ.

Онъ живетъ зимой въ городѣ.

Онъ веселится лѣтомъ въ деревнѣ.

Онъ веселится зимой въ городѣ.

Она живетъ лѣтомъ въ деревнѣ.

Она живетъ зимой въ городѣ.

Она веселится лѣтомъ въ деревнѣ.

Она веселится зимой въ городѣ.

Двѣ одинакія части слитнаго предложенія обыкновенно соединяются какимъ-либо союзомъ, смотря по ихъ отношенію между собою (см. употребл. союзовъ въ сложн. предл.): Если же явится болѣе двухъ одинакихъ частей, то союзомъ соединяется только послѣдняя часть: *въ юстиахъ были я, мой братъ, ваша сестра и его дядя.*

Въ слитномъ предложеніи слѣдуетъ обратить вниманіе на соединеніе сказуемаго съ подлежащими:

Если два или нѣсколько подлежащихъ представляютъ разныя лица, то глагольное сказуемое даетъ предпочтеніе первому лицу передъ прочими, второму передъ третьимъ въ формѣ множественнаго числа.

Я, ты и братъ твой поидемъ въ городъ.

Ты и твоя сестра прочитаете книгу.

Впрочемъ, при двухъ или нѣсколькихъ подлежащихъ сказуемое является не всегда во множеств. числѣ: оно предпочитаетъ единственное, когда выражаемый имъ признакъ нужно отнести отдѣльно къ каждому предмету:

Гдѣ *дѣлся* и совѣтъ, и ладъ?

На языкѣ *легка* и ласка, и услуга (Крыл.).

Насъ *проводжаетъ* стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ.

Забываетъ шумъ лагерный, товарищи и братья (Гриб.).

Въ послѣднемъ примѣрѣ сказуемое согласуется съ первымъ подлежащимъ. Можно поставить сказуемое и во множ. числѣ при одномъ подлежащемъ въ единст. ч., соединенномъ съ другимъ именемъ предлогомъ *съ*, которымъ въ этомъ случаѣ замѣняется союзъ *и*:

Съ *Пиладомъ мой Орестъ грызутся* (Крыл.).

Имъ *хозяинъ съ женой низко кланялись*,

Со двора *повели въ свѣтлу горенку* (Кольц.).

Но при этомъ нужно различать нѣкоторыя тонкости въ смыслѣ. Сказуемое во множ. ч. представляетъ совокупное дѣйствіе, но не подчиненное одно другому, а самостоятельное для каждаго лица: Иванъ съ Петромъ *приѣдутъ*—значить: Иванъ и Петръ *приѣдутъ вмѣстѣ*. Сказуемое въ един. ч. означаетъ, что дѣйствіе одного независимо и подчиняетъ себѣ дѣйствіе другого или ставитъ его въ зависимость отъ себя: Иванъ съ Петромъ *приѣдетъ*, значить: Иванъ привезетъ Петра.

Я съ тобою *пойду* учиться, значить: я пойду съ тобою, чтобы учить тебя, или чтобы учиться у тебя. Ты со мной *пойдешь* учиться, т. е. пойдешь учить меня, или будешь у меня учиться. Мы съ тобой *пойдемъ* учиться, т. е. я и ты *вмѣстѣ* будемъ учиться. Я съ вами *пойду* въ поле—я вась возьму въ поле или я пойду *вмѣстѣ* съ вами, но не подчиняя себя вашимъ цѣлямъ. Мы съ вами *пойдемъ* въ поле—мы *пойдемъ вмѣстѣ* для однихъ цѣлей или на равныхъ правахъ.

Сказуемое во множ. ч. при подлежащихъ, соединенныхъ союз. и, выражаетъ дѣйствіе не совокупное: Иванъ и Петръ *приѣдутъ* въ Москву—*приѣдутъ* не *вмѣстѣ*, въ разное время.

Опредѣленіе въ формѣ прилагат. является во мн. ч. при нѣсколькихъ именахъ въ един. ч.: *добрые* отецъ и мать *поспѣшили* къ нему, или *добрые* отецъ съ матерью *поспѣшили* къ нему.

Если у двухъ подлежащихъ, соединенныхъ предлогомъ *съ*, общее опредѣленіе, то глагольное сказуемое является всегда во множ. числѣ, какъ въ послѣд. примѣрѣ.

Сложныя предложенія. § 65. Наши сужденія становятся въ различныя отношенія между собою вслѣдствіе тождества или противоположности, или сравненія, или подчиненія и пр., что все и выражается въ связи предложеній. Связь является двоякая: *внутренняя* или *логическая* и *внѣшняя* или *грамматическая*. Иногда предложенія грамматически не связываются, довольствуясь только одной логической связью, т. е. одной общею мыслию, которая въ нихъ развивается, какъ, напр.

Грамматическое соединеніе предложеній составляет *сложныя предложенія*. Части сложнаго предложенія составляют предложенія *главныя* и *придаточныя*. Вторыя выражаютъ сужденія, имѣющія смыслъ подлежащаго или сказуемаго, или опредѣленія или дополненія, или обстоятельства, т. е. одна изъ частей предложенія выражается цѣлымъ сужденіемъ, которое въ формѣ предложенія и ставится въ зависимость отъ главнаго. Эта зависимость называется *подчиненіемъ*.

Союзы. § 66. Предложенія связываются между собою *союзами*; одни изъ нихъ могутъ связывать только главныя съ главными, придаточныя съ придаточн., другіе же служатъ для связи подчиненной, т. е. придаточныхъ съ ихъ главными.

Примѣч. Одни изъ союзовъ коренные или первообразные: *а, да же, и, ли, но*, другіе произведены отъ разныхъ частей рѣчи—отъ глаголовъ: *буде* (буди), *пусть, пускай* (пустить, пускать), *хотя* (хотѣть), отъ числит. или мѣстоим.: *однако* (одинакъ), *то, что*, отъ нарѣчій: *когда, тогда, сколь—столь, впрочемъ*, третьи составлены изъ двухъ и трехъ словъ, и слѣдовательно могутъ назваться сложными: *будто, дабы, ежели, или, неужели, чтобы, потому, потому что, за тѣмъ что, и такъ* и др.

Союзы употребляются одни и тѣ же какъ въ слитныхъ, такъ и въ сложныхъ предложеніяхъ. Для простого соединенія, гдѣ не требуется выразить какихъ-либо особыхъ отношеній, служить обыкновенно союзъ *и*, который можетъ повторяться передъ каждымъ предлогомъ или передъ каждымъ однороднымъ членомъ слитнаго предложенія, если нужно обратить вниманіе на каждое изъ членовъ отдѣльности: *и пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ* (Полдителя года (Пушк.).

Примеч. Союз *и* употребляют только для того, чтобы соединять два предложения — части слитного предложения (подлежащее с сказуемым).

но и для другихъ цѣлей: иногда онъ является между подлежащимъ и сказуемымъ для большаго подтвержденія признака, въ которомъ могло бы быть какое-либо сомнѣнiе, или съ которымъ соединялось ожиданiе: *вотъ мы и пришли; хотя словоъ и умная порода* (т. е. порода и умная), *однако же въ семь не безъ урода* (Крыл.).

Иногда этотъ же союзъ является въ срединѣ фразы въ смыслѣ *прибавленія* — также, еще, *приэтомъ: баснь эту можно бы и болъ пояснить* (Крыл.), *пришли вы и ко мнѣ*; иногда для выраженія *слѣдствiя*: *Гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры* (вслѣдствiе того, что пастухъ дуракъ). *Имъ по дѣломъ была и честь* (честь, какъ слѣдствiе ихъ дѣлъ) (Крыл.). *Онъ приказалъ, что и было исполнено* (исполненiе было слѣдствiемъ приказанiя). Иногда и выражаетъ связь съ высказаннымъ или не высказаннымъ желанiемъ: *вотъ и мы пришли* (вслѣдствiе чьего либо желанiя), *вы не хотѣли, мы и не пришли*.

Когда изъ нѣсколькихъ предполагаемыхъ признаковъ или явленiй допускается только одно, тогда является сочетанiе раздѣлительное, и союзъ, для того употребляемый, называется раздѣлительнымъ—*или, либо*, который можетъ также повторяться: *этотъ столъ или дубовый, или березовый; или онъ останется, или меня не будетъ; или самъ придетъ, или пришлетъ письмо; либо дождикъ, либо снѣгъ*.

Для соединенiя двухъ противоположныхъ вопросовъ употребляется тотъ же союзъ: *быть или не быть? придете или не придете?* Онъ же употребляется для выраженiя тожества: *вся Галлiя или нынѣшняя Францiя была покорена римлянами*.

Соединяются главныя предложенiя также повторяемыми нарѣчiями *идѣ, тамъ*, которыя принимаютъ смыслъ союза: *идѣ озими разрыты, идѣ мельницы посорваны и смяты* (Крыл.), *тамъ свалилась береза, тамъ пригнута къ землѣ рожь*; или повторяемымъ мѣстоименнымъ союзомъ *то*: *муха то надѣ носомъ юлитъ у коренной, то лобъ укуситъ пристяжной, то вмѣсто кучера на козлы вдружъ садится* (Крыл.).

Для выраженiя послѣдовательности во времени употребляются нарѣчiя *сперва, потомъ, далѣе, наконецъ*; для выраженiя счета—*во первыхъ, во вторыхъ* и пр.; для выраженiя слѣдствiя изъ предыдущаго *заключительные* союзы: *слѣдовательно, по сему, по этому, и такъ: ходятъ черныя тучи, слѣдовательно нужно опасаться дожда*.

Сужденiя, въ которыхъ выражается какая-либо противо-

положность, соединяются союзомъ *но*: *съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ жилищѣ бѣднякъ—сапожникъ, но такой пѣвунъ и весельчакъ. Льву смѣхъ, но нашъ комаръ не шутитъ* (Крыл.). *Я хотѣлъ работать, но мнѣ помѣшали.*

Если сужденія выражаютъ распредѣленіе предметовъ, признаковъ или дѣйствій, то соединяются союзомъ *а*: *я пошелъ въ садъ, а онъ въ рошу, я вышелъ на улицу, а онъ остановился. Его мать, а моя тетка была удивительная женщина. Одинъ пишетъ, а другой читаетъ, а третій говоритъ.*

Если при такомъ соединеніи и является иногда противоположность, то она только кажущаяся, а не дѣйствительная: она представляется или въ неодинакихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, или въ неодинакихъ признакахъ, или въ отрицаніи одного признака и въ замѣнѣ его другимъ: *мы не разбойники, а слуги царскіе. Они напали на непріятеля, а тотъ обратился въ бѣгство*—здѣсь имѣется въ виду представить два неодинакія явленія, находящіяся въ тѣсной связи между собою. Въ выраженіи же: „они напали на непріятеля, но были отражены“—указывается дѣйствительная противоположность явленій—нападеніе и отраженіе.

Союзомъ *же* выражается *включеніе* предмета или признака въ извѣстный кругъ по тѣсной ихъ связи: *онъ такой же, какъ и въ; онъ такой же, какъ былъ и прежде; онъ сапожникъ, онъ же и портной, онъ же и обойщикъ.*

Иногда и здѣсь представляется противоположность, но также кажущаяся: *мы спли въ лодку, онъ же* (бывшій въ нашемъ обществѣ) *остался на берегу*—противоположность лишь въ неодинакихъ дѣйствіяхъ. *Я говорилъ о васъ много, смѣяться же* (включать смѣхъ) *не думалъ*—противоположность только въ отрицаніи.

Примѣч. Союзъ *же* при повелѣніи выражаетъ повтореніе: *дайте же мнѣ книгу.*

Союзомъ *да* выражается прибавленіе предмета къ предмету, признака къ признаку, явленія къ явленію, по тѣсной ихъ связи между собою, хотя бы въ нихъ и представлялась кажущаяся противоположность: *оно не столь хотъ видно, да сятно. Вотъ я какъ захочу, да налечу. Нашъ воевода въ родню былъ толстъ,*

да не въ родню былъ простъ (Крыл.). Два да три—пять. Я думалъ писать къ вамъ, да онъ удержалъ меня. Знай себя помалчиваетъ, да пошмыгивается, да стаканчиками пошевеливается (Тург.).

Союзъ но, а, да часто противопологаются уступительнымъ союз. хотя, пусть: пусть онъ гений, а все же человекъ; онъ человекъ, хотя и гений. Хотя при нуждѣ намъ услуга дорога, но за нее не всякъ умѣетъ взяться. Пусть такъ, а все чуденъ и мостъ. Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ, да самъ пастухъ дуракъ (Крыл.).

Придаточныя предложенія. § 67. Придаточныя предложенія соединяются съ главнымъ мѣстоименіемъ кто, что, какой, который, чей и союзами что, чтобы, хотя, когда, куда идъ, какъ, если и др. Всѣ они вызываются другими мѣстоименіями, нарѣчіями и союзами, находящимися или подразумеваемыми въ главномъ предложеніи:

Тотъ—который, кто: не видалъ (того) человека, о которомъ вы говорили (опредѣл.), тотъ, кого вы посылали (опредѣл.), не пришелъ.

То—что: скажи (то), чему ученъ ты, что ты знаешь (допол.). Въ чемъ толку не поймутъ (опред.), то все у нихъ пустякъ. Однимъ лишь (тѣмъ) откупщикъ страдаетъ, что онъ не досыпаетъ (допол.).

Такъ—что: Такое хвастовство показалось такъ забавно, что зайцу данъ клочекъ медвѣжьего уха (Крыл.).

Тотъ, этотъ—что: А этого не смыслитъ неучъ сей, что онъ обязанъ намъ почтеніемъ. У людей тотъ порокъ, что всему дивятся стануть (Крыл.).

Такой, таковой—что: на баранъ томъ такой тулупъ былъ прекосятый, что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ затѣйникъ нашъ крылатый (Крыл.).

Стадо таково, что трудно перечестъ (Крыл.).

Столько, столь—что: меня все столько огорчаетъ, что даже мнѣ и пища не вкусна. Онъ столь важенъ, что не подступись.

То, для того, на то, за тѣмъ, о томъ, столько, такъ—чтобы: вздумала котъ она просить (о томъ), чтобы взялъ ее съ собой онъ на охоту. Ему нужно то, чтобы вы слушались.

Сколько, столько—чтобы не осрамиться.

Какой, какой—чтобы летать, (для того) ему всѣ крылья окарнали. Какого, какого—чтобы (для того), чтобы отъ пѣнья его отвадить.

Чтобы мышиный родъ ему не навредилъ, такъ онъ полицію изъ конскъ учредилъ.

Тотъ, этотъ, тогда—когда: это честь большая для овецъ, когда ты ихъ изволишь кушать (Кр.).

Гдѣ возрастъ тотъ невинный, когда бывало въ вечеръ длинный мы съ вами являсь, исчезнемъ тутъ и тамъ (Гриб.). Мнѣ не слышно (то или тогда), когда маляръ негодный мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля (Пушк.). Какъ садить въ тѣ лѣта, когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта (Крыл.).

Онъ предсказывалъ это тогда, когда о томъ никто еще не думалъ. Все молчали (тогда), когда онъ говорилъ.

То тою, о томъ, такъ—какъ: я до него не зналъ (того), какъ худо спать. Послушай басню ты о томъ, какъ больно левъ за спясь наказанъ комаромъ (Крыл.). Я слышалъ (то), какъ онъ читаетъ.

Дѣлайте такъ, какъ вамъ велятъ. Сердитое Каспійско море (табѣ), какъ ворона крыло, чернѣлося вдали (Крыл.).

Если придаточное предложеніе стоитъ впереди главнаго съ союзами *хоть, если, ежели*, то въ главномъ являются союзы *то, такъ*, которые, впрочемъ, во многихъ случаяхъ могутъ и скрываться: *Хоть ты ангелъ будь, такъ не минуешь съ ними драки. Хоть иногда онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая беда. Ежели людей не стало, такъ ужъ лукавый виноватъ. Если отступилъ отъ закона, то онъ и покораетъ тебя. Если жизнь тебя обманетъ, (то) не печалься, не сердись.*

Придаточное предложеніе съ союзомъ *что, чтобы* составляетъ верѣдко подлежащее главнаго предложенія, какъ бы поясняя скрытое въ главномъ мѣстоименіе *то: чуть впритя ему (то), что то не сонъ (Крыл.). Мнѣ снилось (то), что лѣстница крутая вела меня на башню (Пушк.). Кому известно (то), что найду я воротъ (Гриб.). Какъ у насъ-то было въ мамины каминной Москвѣ (то), что поймали добраго молодца безвиннаго, безъ поличнаго (Нар. п.). Случалось имъ (то), чтобы вы, смѣясь или въ печали, ошибкою добро о комъ нибудь сказали (Гриб.).*

При такомъ соединеніи иногда и союзъ *что* выпускается: *бываетъ (то, что) моего счастливѣе везетъ. Забавно (то, что) бался имъ юлосъ мой (Гриб.). Придетъ (то, что) съ юлodu про-*

насть намъ наконецъ (Крыл.). *Пришлось* (то, что) *и онъ поклонился намъ*.

Особенно такое соединеніе употребляется съ глаголами *бывало, было*: *Бывало* (то, что) *въ вечеръ длинный мы съ вами явились, исчезнемъ здѣсь и тамъ* (Гриб.). *Бывало* (то, что) *за примѣръ тебя смиренства кажутъ* (Крыл.). *Придетъ* *бывало* *посмотрѣть на насъ* (бывало то, что придетъ...) *Онъ было написалъ письмо* (было то, что онъ написалъ...).

Въ этомъ случаѣ *было* означаетъ намѣреніе, хотя и исполненное, но не достигшее цѣли, а *бывало* указываетъ на повтореніе дѣйствія: оба глагола такъ тѣсно связываются съ сказуемымъ другого предложенія, что въ письмѣ даже не отдѣляются никакимъ знакомъ.

Иногда главное предложеніе съ придаточнымъ, выражающимъ обстоятельство цѣли, такъ сокращаются, что изъ перваго остается только подлежащее, а изъ второго сказуемое: *я чтобы работать, а онъ чтобы спать* (т. е. я направляюсь къ тому, чтобы работать, а онъ направляется къ тому, чтобы спать). *Иванъ чтобы играть, а Петръ чтобы плясать. Мы чтобы въ домъ, а онъ чтобы изъ дому. Онъ чтобы на утекъ* (онѣ думаютъ о томъ, чтобы имъ утечь) (Крыл.).

Иногда даже выпускается и признакъ придаточнаго предложенія *чтобы*: *я работать, а онъ спать, Иванъ играть, а Петръ плясать*.

Когда придаточное предложеніе нужно поставить впереди главнаго, то союзъ *что* пропадаетъ, и тогда придаточное занимаетъ мѣсто подлежащаго, а главное—мѣсто сказуемаго: *бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ* (то, что бываетъ хуже, съ рукъ сойдетъ). *Васъ насмѣшило—меня опечалило* (то, что васъ насмѣшило, меня опечалило). *Кошкѣ игрушки—мышкѣ слезки* (то, что кошкѣ игрушки, мышкѣ слезки).

Когда придаточное предложеніе опредѣляетъ имя *цѣлью*, то союзъ *чтобы* опускается и сложное предложеніе принимаетъ форму простого: *настала минута* (для той цѣли, чтобы) *покаяться. Ваша воля* (на то, чтобы) *идти и не идти. Охота* (на то, чтобы) *странствовать* *напала на него. Голосиста* (на то чтобы) *спорить. Удиль* (на то, чтобы) *обманывать. Пора* (для того, чтобы) *пхатъ*.

При такомъ сокращеніи придаточнаго предложенія неопредѣленное наклоненіе иногда относится даже къ нарѣчію: *душу мнѣ некогда очиститъ покаяньемъ* (Пушк.).

Придаточное предл. дополнительное иногда сокращается, выпуская союзъ *что* и обращая глаголъ съ подлежащимъ въ неопредѣлен. накл. съ винительнымъ падеж. или съ дательн.

Быть себя онъ вѣчнымъ чаеъ (Держ.). Онъ чаеъ, что будетъ вѣченъ.

Тебя душа моя быть чаеъ (Держ.). Душа чаеъ, что ты существуешь.

Имъ печатный *каждый листъ быть* кажется святымъ (Дмитр.)—имъ кажется, что каждый печатный листъ святой.

Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ (*намъ быть* и въ чинѣ (Гриб.)—потребуютъ, чтобы мы были съ имѣньемъ.

Урекалъ онъ *насъ быть* христіанами и холопами.

Татаръ величалъ людьми вольными.

Никому *какъ быть* неподручными (Народ. пѣсн.).

Иногда глаголъ *быть* совсѣмъ опускается:

Я полагала *васъ* (быть) далеко отъ Москвы (Гриб.)—полагала, что вы далеко отъ Москвы.

Возможность сокращать придаточныя предложенія производить разнообразныя ихъ формы, какъ напр:

Что ни слово, то спасибо—спасибо за *каждое* слово, *какое* скажетъ.

Что ни скажетъ, то насмѣшить.—насмѣшать *всѣмъ*, что скажетъ.

У него что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа (Крыл.)—у него расправа *каждый* разъ, какъ завтракъ...

У насъ въ посадѣ только и воруютъ, что воеводскіе (Островск.)—и воруютъ только *тѣ*, что воеводскіе.

Мы только что написали—было только то, что мы написали.

Даромъ что былъ въ гостяхъ—даромъ было то, что былъ въ гостяхъ.

Жизнь пошла, хотъ кинуться въ рѣку (Крыл.)—жизнь пошла такая, что хотъ кинуться въ рѣку.

Пришло хотъ ноги протянуть (Крыл.)—пришло то, что хотъ ногъ...

Веселье хоть куда—хоть куда хочешь, угодно.

При выражении причины союзъ *потому что* часто выпускается и придаточное предложенье принимаетъ видъ главнаго:

Тишина водворилась невозмутимая: (потому что) стали читать самое интересное мѣсто.

Для выражения сравненія при выборѣ цѣли придаточное предложенье является въ формѣ неопредѣлен. накл. съ дат. пад., который часто выпускается, и съ творительн. *чѣмъ*:

Лучше вѣрнаго держаться, *чѣмъ* за обманчивой надеждою *игнаться* (Крыл.).

Легче, *чѣмъ* терпѣть обиды отъ осла.

Чѣмъ кумушекъ считать *трудиться*,

Не лучше-ль на себя кума оборотиться (Крыл.).

Здѣсь мѣстоим. *чѣмъ* вызывается сравнителн. *лучше того, легче того, скорѣй того*.

Условіе выражается въ придаточн. предл. съ союзомъ или безъ союза. Союзъ *если, ежели*, можетъ соединяться со всѣми временами независимо отъ времени въ главномъ предложеніи:

Если жизнь тебя обманетъ, не печалься.

Если жизнь тебя обманываетъ, не печалься.

Если жизнь тебя обманула, не печалься.

Если я такъ распорядился, то вамъ слѣдуетъ помнить.

Если я такъ распорядился, то вамъ слѣдовало помнить.

Если вы въ ссорѣ, то помиритесь.

Если вы были въ ссорѣ, то можете помириться.

Союзъ *еслибы* выражаетъ предполагаемое условіе и вызывается предположеніемъ, выраженнымъ въ главномъ предложеніи частицею *бы*, которая можетъ соединяться или съ причастной формой *ль*, или съ неопредѣлен. наклоненіемъ:

Вы *удивились бы*, *еслибы увидѣли* его.

Еслибы онъ сказалъ слово, *я бы пришелъ* къ нему.

Быть бы ему въ живыхъ, *еслибы не такой случай*.

При неопредѣл. накл. съ част. *бы* въ придат. пред. союзъ *если* можетъ пропасть:

Прийти бы ему къ намъ, мы бы порадовали его.

Крикнуть бы погромче, вы были бы спасены.

Безъ союза условіе выражается также въ формѣ повелительн. наклоненія:

Пофилософствуй — умъ вскружится (Гриб.) — *если пофилософствуешь*, то умъ....

Отецъ родной убейся—все равно (Гриб.) — *если убьется* родной отецъ, все равно, или *еслибъ* убился родной отецъ, было бъ все равно.

Случись кому назвать его—бѣда (Гриб.) — *если случится* кому назвать его—бѣда.

Не служить онъ, но *захоти* (еслибъ захотѣлъ), такъ былъ бы дѣловой.

Только *кинъ* (если кинуть) имъ кость, такъ что твои собаки
(Крыл.).

Съ тою же формою глагола могутъ соединяться союзы *хоть*, *какъ*, *пусть*:

Другой *хоть* притче *будь*, надутый всякимъ чванствомъ,

Пусть себѣ разумникомъ *смыи*;

А въ семью не включимъ... (Гриб.).

Хоть на кого изъ васъ *сидись*, оба пропадете (Нар. сказ.).

Какъ ни старайся и ни служи, заслуга будетъ та же
(Нар. сказ.).

Если въ главномъ и условномъ придаточномъ предложении выражаются дѣйствія или состоянія современные, то происходить такое соединеніе:

Поспѣвшишь (если—то), людей насмѣшишь (Посл.).

На погибель идти—пѣсни пѣть соловьемъ (Кольц.).

Оробѣлъ—пропалъ, смѣлъ—сѣлъ (Тург.).

Намъ на Волгѣ быть—все ворами слыть,

На Якѣ идти—переходъ великъ,

На Казань идти—грозенъ царь стоитъ (Нар. Пѣс.).

Условіе иногда выражается косвеннымъ вопросомъ съ частицею *ль*, если представляется *современность* въ обоихъ предложеніяхъ:

Пріятель ли (если) къ хозяину приходитъ,

Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ (Крыл.).

Въ минуту жизни трудную,

Тѣснится ль (если) въ сердцѣ грусть,

Одну молитву трудную твержу я наизусть (Лермон.).

Брожу ли я въ толъ улицъ шумныхъ,

*Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сию ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюся моимъ мечтамъ* (Пушк.).

Мѣстоименіе указательное *тотъ*, *такой* вызываетъ мѣстоимен. относительное: *который*, *какой*, *кто*, *чей*, въ придаточномъ предложеніи, но при этомъ само мѣст. указ. часто скрывается:

*Мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ* (Крыл.).

*На свѣтѣ кто силенъ,
Тотъ дѣлать все воленъ* (Крыл.).

Дворовый вѣрный песъ Барбось (тотъ), который барскую усердно службу несъ, увидѣлъ старую свою знакомку.

Держися званія (того), въ которомъ ты рожденъ (Крыл.).

Былъ конь (такой), какого и въ табунахъ на рѣдкость отыскать.

Гдѣ первый грозный нашъ учитель (тотъ),

Чью долговременную злость

Смирилъ полтавскій побѣдитель?

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на особенности согласованія: мѣстоим. *который*, *какой* согласуются въ родѣ и числѣ съ тѣмъ именемъ, къ которому относится указат. *тотъ*; падежъ же принимаютъ, смотря по зависимости ихъ въ предложеніи. Такой же зависимостью опредѣляется и падежъ мѣстоим. *кто*:

Рады мы тому молиться,

Кто вадумаетъ за насъ вступиться.

Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,

Тотъ не украдетъ, не обманетъ.

Мѣстоим. *чей* во всемъ согласуется съ именемъ, къ которому относится въ придаточномъ предложеніи.

Вмѣсто *который* иногда употребляется *что*: того самого, *что* былъ комендантомъ (Пушк.).

Замѣчательно въ нашемъ старинномъ языкѣ употребленіе мѣстоим. относительнаго *который*: оно подобно вопросительному является съ тѣмъ существительнымъ, къ которому должно бы было относиться: „и вздѣвая на себя шубу соболиную, *которой шубѣ* цѣна три тысячи“, „приказали казнить и вѣшати

(тѣхъ), *которые мужики* были главные въ Угличѣ“, „и *которые старцы*, при церкви живутъ, (тѣмъ) даетъ золотой казны не считаячи“, „а *которые* остались *люди* похужѣ на другой сторонѣ, они (тѣ) въ пещеру убирались“, „а дается на церковное строеніе, *которымъ церкви* бывають разорены“.

Остатокъ такого употребленія мы встрѣчаемъ въ нашихъ дѣловыхъ бумагахъ, гдѣ для большей ясности при относит. мѣст. *который* ставится и его существительное.

Въ нашемъ литературномъ языкѣ встрѣчается нѣчто подобное въ выраженіяхъ: мужикъ простакъ, *какихъ* вездѣ не мало (Крыл.), т. е. *какихъ простаковъ* вездѣ не мало, такой былъ мужикъ.

Онъ не такой, *какихъ* (людей) тысячи.

Она женщина, *какими* богато не каждое общество, т. е. *какими женщинами* богато не каждое общество, такая она женщина.

Если мѣстоим. *который, какой, кто* будетъ въ именит. пад. или при дѣйствит. глаг. въ винит. и родит., то оно можетъ исчезать, и глаголь въ такомъ случаѣ обращается въ причастіе, согласуясь во всемъ съ именемъ, къ которому относились мѣстоименія, конечно, если глаголь можетъ обратиться въ причастіе соотвѣтственно съ своимъ временемъ, т. е. если онъ не выражаетъ будущаго времени или условія съ частицею *бы*, для которыхъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго причастія. Такія предложенія съ причастіями называются *сокращенными*:

Крыловъ написалъ двѣ комедіи, *игранныя* на театрѣ—которыя были играны на театрѣ.

Отецъ Крылова, *служившій* въ войскѣ (который служилъ въ войскѣ), умеръ рано.

Человѣкъ, *думающій* только о себѣ (который думаетъ, называють эгоистомъ).

Ваша сестра, *любимая* всеми (которую все любитъ), счастлива.

Если въ главномъ и прилагаемомъ предл. выражается со-временность дѣйствія, то причастіе является въ формѣ настоящаго времени, хотя бы главное сказуемое представляло время прошедшее:

Я встрѣтилъ вашу сестру, *которая быстро выздоравливала—быстро выздоравливающую.*

Придаточное предположеніе съ подлежащимъ *кто, который*, сократившись въ причастіе, можетъ сдѣлаться подлежащимъ главнаго:

Тотъ, *кто много учился*, долженъ бы быть мудрымъ—много *учащійся* долженъ бы быть мудрымъ.

Говорятъ о ней тѣ, *которые видѣли* ее — говорятъ о ней *видѣвшіе* ее.

Точно также придаточное съ мѣстоим. *что* въ именит. и винительн. пад. при сокращеніи можетъ обратиться въ дополненіе къ сказуемому главнаго предположенія:

Никто не знаетъ того, *что будетъ*—никто не знаетъ *будущаго*.

Хотѣлъ бы я знать все, *что теперь происходитъ* въ Москвѣ—*все происходящее* въ Москвѣ.

Придаточныя предположенія съ сказуемымъ прилагательнымъ могутъ также обращаться въ подлежащія и дополненія главнаго предположенія:

Кто богатъ познаніями, тотъ часто бѣденъ деньгами—*богатый* познаніями часто бѣденъ деньгами.

Кто старъ не догонитъ того, *кто молодъ*—*старый* не догонитъ *молодого*—*старому* не догнать *молодого*.

Употребленіе дѣепричастія. § 68. Придаточныя предположенія съ союзами или съ словами, принявшими значеніе союзовъ: *когда, между тѣмъ какъ, послѣ того какъ, въ то время какъ, потому что, такъ какъ, тѣмъ что*, могутъ сокращаться, переводя сказуемое глагольное въ форму *дѣепричастія*:

Считаю васъ неспособнымъ на такое дѣло, *потому что уважаю васъ*—*уважая васъ*, считаю неспособнымъ на такое дѣло.

Она стала выполнять долгъ матери *тѣмъ, что питала ихъ молокомъ*—выполнять долгъ матери, *питая* ихъ молокомъ.

Вы не думали о томъ, *когда говорили*—*говоря*, вы не думали о томъ.

Дѣепричастіе *будучи, бывши* иногда скрывается, при чемъ прилагательныя или причастія могутъ принять долгое окончаніе: *будучи старъ и боленъ*, онъ никого не принималъ—*старый и больной*, онъ никого не принималъ.

Бывъ вѣсти невидимъ, онъ жилъ уединенно—невидимый вѣсти, онъ жилъ уединенно.

Дѣепричастія глаголовъ несовершеннаго вида чаще принимаютъ форму съ оконч. *ая, я, а* (дѣлая, храня, пиша) и выражаютъ дѣйствіе или состояніе современное другому, выраженному въ главномъ предложеніи. Дѣепричастія же глаголовъ совершеннаго вида одинако пользуются обѣими формами, какъ на *я, а*, такъ и на *вши, ши, съ*, и выражаютъ дѣйствіе или состояніе, предшествовавшее тому, которое выражено въ главномъ предложеніи:

Со стороны прибывъ далекой,

Въ дремучій лѣсъ орелъ съ орлицею вдвоемъ,

Задумали навѣкъ остаться въ немъ

И, выбравши вѣтвистый дубъ высокій,

Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить.

Надьяся и дѣтей тутъ вывести на дѣто.

Значеніе оконч. я и *учи* (ючи) совершенно одинаково: они выражают неопредѣленную продолжительность дѣйствія, тогда какъ, напротивъ, оконч. *ѡ* означаетъ опредѣленность. Поэтому первымъ окончаніемъ чаще всего приходится означать настоящее время, такъ какъ въ его продолжительности всего болѣе неопредѣленности; а вторымъ, т. е. *ѡ*—прошедшее, въ которомъ уже вполнѣ опредѣлилось дѣйствіе концомъ его. Подъ я и глаголы, продолжительность которыхъ уже опредѣлялась или однократнымъ видомъ, или предлогомъ, могутъ одновременно принимать и ту и другую форму: *дѣлалъ, дѣлалася, являлся, являласьъ, бѣжалъ, бѣжала, У Ломоносова:*

ЧЕЛОВЕКА СВОЕЙ НАЧАТЬ ЖИЗНЬ

links within groups (Pruitt)

[illegible]

~~XX~~

It is requested that you advise the Bureau of the results of your investigation.

У Жуковского: *будучи* призванъ на престолъ отцовскій.

У Крылова: волкъ *пвши* никогда костей не разбираетъ.

У Пушкина: *будучи* отрѣзанъ отвсюду.

Въ народныхъ пѣсняхъ: къ чему ты рано садъ расцвѣтаешь, *расцвѣтавши* садъ засыхаешь. Не хвались-ко ты въ городъ *пхавши*, а похвастай-ко *вытхавши* (Грам. Бусл.).

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ не имѣется въ виду указаніе времени, а только опредѣленная продолжительность.

Въ современной рѣчи обыкновенно наблюдаютъ, чтобы дѣепричастіе имѣло то же самое подлежащее, какое въ главномъ предложеніи; но въ старину было и другое его опредѣленіе: „бояре и боярыни царя и царицу поздравляютъ, *обручався*; потомъ протопопъ и свадебный чинъ царя и царицу поздравляютъ, *вѣнчався* (Кошпихинъ).

То же независимое дѣепричастіе слышится и въ народномъ языкѣ: *не учась* въ попы не ставятъ; бобы не грибы: *не постыгъ*, не взойдутъ. *Осплдивши* онъ добрыхъ коней, наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.

Подобное же употребленіе попадаетъ иногда и у новѣйшихъ писателей:

У Крылова: *увидя* то, на мысли волку вспало.

Видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вѣется, *пророчество* почти всегда мнѣ удается.

У Пушкина: вѣрно было идти въ Оренбургъ, *зарывая* и *потопляя* тяжести. *Имѣя* право выбирать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ.

Въ современномъ языкѣ подобный оборотъ рѣчи допускается при главномъ предложеніи, въ которомъ подлежащее скрыто, какъ у Крылова: *увидя* то, на мысли волку вспало, или при неопредѣленномъ наклоненіи, которое замѣняетъ полное придаточное предложеніе: я запретилъ ему читать *лежа* и писать *стоя*—чтобы онъ читалъ *лежа* и писалъ *стоя*.

Опущеніе союзовъ. § 69. Сокращеніе придаточныхъ предложеній съ опущеніемъ союзовъ можетъ быть разнообразное; такъ сказуемое можетъ обращаться въ неопредѣленное наклоненіе съ дательн. пад.: приказано, *чтобы вы сдѣлали* это,—приказано *вамъ сдѣлать* это, или въ имя существительн. отглагольное: вы думаете, *что можете загладить* свою ошибку—

вы думаете о возможности загладить свою ошибку.

Въ сравнительныхъ предложеніяхъ также могутъ выпускаться союзы:

Изъ Волхова воды не выпити,

Въ Новѣгородѣ людей не выбити (*какъ-такъ*).

У ясныхъ соколовъ крылья отросли,

А у молодцовъ думушки прибыло (Др. рус. стих.).

Вводныя предложенія и слова. § 70. Кромѣ главныхъ и придаточныхъ предложеній, въ рѣчи являются еще предложенія или особыя слова, которыя называются *вводными*. Они показываютъ отношеніе говорящаго къ мысли главнаго предложенія, отношеніе, которое бываетъ весьма разнообразно.

Говорящій можетъ быть увѣренъ въ истинности высказываемой мысли, или можетъ предполагать ея истинность или вѣроятность, или сомнѣваться въ дѣйствительности высказываемаго, или передавать чужую мысль и проч. Вотъ примѣры:

Вѣроятно, онъ очень усталъ.

Можетъ быть, дѣло такъ бы и кончилось.

Что это, *говоритъ рѣчь сосѣдній прудъ*,

Какъ на тебя ни взглянешь,

А воды все твои текутъ.

Ну что жъ, *онъ думаетъ*, въ своемъ добрѣ я властенъ.

И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ (Крыл.).

Вводныя предложенія грамматически ничѣмъ не связываются съ главнымъ и по формѣ совершенно съ нимъ сходны; они даже могутъ обращаться въ главныя и подчинять себѣ всѣ прочія, обращая ихъ въ придаточныя:

Ты, *сказываютъ*, пѣть великій мастернице—*сказываютъ*, что ты пѣть великій мастернице.

Большая часть въ немъ, *правда*, были волки (Крыл.)—правда то, что большая часть въ немъ...

Къ вводнымъ словамъ должно относить и звательный надеждъ, показывающій, къ кому говорящій относитъ свою рѣчь или въ какихъ отношеніяхъ говорящій ко второму лицу:

Дописываю свой трудъ, *пріятель мой*.

Сюда, то-то сторона!

Братъ Григорій, ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ (Пушк.).

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06302 5566

